

[illegible]

Из записок
Марьи Сергеевны Мухановой,
фрейлины Высочайшего Двора

Воспоминания графини
Антонины Дмитриевны Блудовой

Государственная публичная
историческая библиотека России

Вглядываясь в прошлое

ИЗ ЗАПИСОК

Марьи Сергеевны

Мухановой,

фрейлины Высочайшего Двора

ВОСПОМИНАНИЯ

графини

Антонины Дмитриевны Блудовой

Москва

2018

УДК 94 (47) (093)
ББК 63.3 (2) 47
М 92

Печатается по изданиям:

Из записок Марьи Сергеевны Мухановой, фрейлины Высочайшего Двора / Муханова М. С. — М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1878. — XVI, 67 с.

Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой / Блудова А. Д. — М.: Унив. тип., 1888. — 72 с.

Муханова М. С.

М 92 Из записок Марьи Сергеевны Мухановой, фрейлины Высочайшего Двора / М. С. Муханова. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой / А. Д. Блудова.; предисл., коммент., именной указ. М. А. Поляковой; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2018. — 222 с. — (Вглядываясь в прошлое).

ISBN 978-5-85209-431-5

Издание объединило две книги воспоминаний, повествующих о жизни русских дворян в конце XVIII — начале XIX века. Мемуары принадлежат двум фрейлинам, состоявшим в придворном штате при Императорском дворе.

Мария Сергеевна Муханова (1802—1882), дочь обер-шталмейстера С.И. Муханова, фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, описывает придворную жизнь 20-х гг. XIX века, императора Александра I, великих князей Николая и Михаила Павловичей, благотворительную деятельность императрицы Марии Федоровны.

Антонина Дмитриевна Блудова (1813—1891), писательница, благотворитель, фрейлина императрицы Александры Федоровны, дочь известного государственного деятеля Д.И. Блудова, рассказывает о своих предках, о судьбах женщин разных эпох, знакомстве с Карамзиным, Батюшковым, Жуковским.

УДК 94 (47) (093)
ББК 63.3 (2) 47

ISBN 978-5-85209-431-5

© Государственная публичная историческая библиотека России, 2018

© М. А. Полякова, предисловие, комментарии, именной указатель, 2018

© ООО «Микрографтех», оформление, 2018

«ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО...»:
*воспоминания фрейлин М. С. Мухановой
и А. Д. Блудовой*

Воспоминания фрейлин занимают особое место в отечественной мемуаристике XIX века. Придворная жизнь со своими писаными и неписаными законами, особым укладом стала живо интересовать российское общество того времени. Частная жизнь Императорского двора всегда была темой закрытой, порождающей многочисленные домыслы, предположения, легенды и даже анекдоты. Именно поэтому свидетельства придворных дам, входивших в ближайший круг царствующих особ, изнутри познавших повседневную жизнь венценосных семей и их домочадцев, стали предметом интереса не только широких кругов просвещенного российского общества, но историков и литераторов. Во второй половине XIX века записки и дневники фрейлин и статс-дам Императорского двора, среди авторов которых особенно известны А.Ф. Тютчева, В.Н. Головина, М.А.Паткуль, А.О. Смирнова-Россет, были признаны важными историческими источниками, наряду с официальными документами. Сами мемуаристки понимали свою высокую нравственную и гражданскую ответственность перед потомками. Так, в записках фрейлины А.А. Толстой о придворной жизни при Александре II и его трагической кончине дана следующая оценка своего труда. «Никто из нас не может похвалиться тем, что держит в руках все нити,— писала Александра Андреевна,— но когда-нибудь этот рассказ может быть дополнен другими, которые, вероятно, записываются теперь, как и мой, в неизвестных уголках,

и все вместе они послужат необходимым материалом для профессиональных историков»^{*}.

Записки фрейлины Марии Сергеевны Мухановой (1803—1882) и воспоминания Антонины Дмитриевны Блудовой (1813—1891) занимают не последнее место в мемуарах придворных дам. Написанные в 1860-70-е годы, они впервые были опубликованы в журналах: «Заря» — в 1871 г., в «Русском архиве» — в 1872—1875 (воспоминания Блудовой); в «Русском архиве» — в 1878 г. (записки Мухановой). Отдельными изданиями эти мемуары были изданы в 1878 и 1888 гг.^{**} Больше они полностью никогда не переиздавались. Данное издание объединило эти два интереснейших памятника мемуарной литературы. Этому есть свое объяснение. Обе мемуаристки находились в гуще придворных событий: Мария Сергеевна была фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны (с 1820 г.), Антонина Дмитриевна — фрейлиной Александры Федоровны (с 1831 г.) и затем камер-фрейлиной. Заметим, что в XIX веке в иерархии женских придворных званий фрейлины и камер-фрейлины (старшая придворная должность для девиц) были самыми многочисленными. Для замужних дам и, прежде всего, для жен крупных сановников и военачальников существовало звание статс-дамы. Следующей ступенькой этой придворной лестницы была должность гофмейстерины, вершиной же придворной карьеры являлась обер-гофмейстерина (старшая придворная дама, которая заведовала придворным женским штатом и Канцеляриями императрицы или великих княгинь)^{***}.

У Марии Сергеевны и Антонины Дмитриевны семьи не сложились, они остались девицами, но жизнь, прожитая ими, не протекала скучно и однообразно. Со-

^{*} Толстая А. А. Записки фрейлины. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996. С.23.

^{**} Из записок Марьи Сергеевны Мухановой. М., 1878; Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. М., 1888;

^{***} Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII—XX веков. М., ГИМ. 2004.

гласно придворному этикету, они были участницами всех важнейших событий Императорского дома — обручений и свадеб, театральных представлений, балов и маскарадов. Непростые отношения между членами монаршей семьи не ускользали от внимания фрейлин. «Я всю жизнь была только зрительницею, — писала Антонина Дмитриевна, — конечно, заглядывая иногда за кулисы»^{*}.

Мария Сергеевна и Антонина Дмитриевна родились и выросли в старых дворянских семьях, и многие страницы их воспоминаний посвящены детским годам, юности, своим родителям и членам их семей. С особой теплотой писали мемуаристки о своих отцах — Сергее Ильиче Муханове (1762—1842) и Дмитрие Николаевиче Блудове (1785—1864). Отцы занимали в жизни мемуаристок очень большое место. Будучи крупными чиновниками, служа на высоких государственных постах (особенно это касается Дмитрия Николаевича Блудова), обладая огромным авторитетом при дворе, влияя на царствующих особ, они были кумирами для своих дочерей. Сергей Ильич Муханов после довольно успешной военной карьеры вышел в отставку и был определен на должность шталмейстера; в 1808 г. он стал обер-шталмейстером. Был близок к семье Павла I.

Дмитрий Николаевич Блудов занимал высокие государственные должности, в 1832—1838 гг. он был министром внутренних дел, возглавлял Государственный совет Российской империи (с 1862) и Комитет министров (с 1861). Заметна его роль и в подготовке реформ 1860—1870-х годов, в частности, судебной и крестьянской. Его имя тесно связано и с литературными кругами того времени: он стоял у истоков известного литературного общества «Арзамас», тесно общался с его членами (его шутливо называли «Кассандрой»). Таким образом, вокруг Сергея Ильича и Дмитрия Николаевича сложился круг людей, близких им по роду занятий, взглядам, жизненным позициям. Среди них были не

^{*} Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. М., 1888. С. 5.

только представители придворной аристократии, царедворцы, но и известные поэты и писатели, благотворители и меценаты. В этот круг, конечно же, входили и будущие мемуаристки. Они сохранили память о встречах в юном возрасте с В.А. Жуковским, Н.М. Карамзиным, Н.В. Гоголем. В уже зрелые годы одна из них, — Антонина Дмитриевна Блудова, обрела в их лице надежных друзей и покровителей. Все это отразилось на страницах воспоминаний, которые бесспорно выходят за узкие рамки описания придворных событий. Именно в описании того, «что помню...», видели свою задачу мемуаристки. Одна из них подчеркивала, что старалась написать «...про общее настроение и обычаи того времени, и /.../ о личностях, с которыми мои родители и я сама имела сношения»*. Личности эти были известными деятелями науки и литературы, поэтому портреты их, как живое свидетельство, «образец мыслей, чувств и мнений», по словам Антонины Дмитриевны, для нас очень ценны. Вот некоторые из них. Сергей Семенович Уваров: «Красавец и баловень аристократических собраний, остроумный, ловкий, веселый, с примесью самолюбия фата, но высокообразованный, истинно просвещенный Уваров»; Михаил Юрьевич Лермонтов: «Вот Лермонтов, с странным смешением самолюбия не совсем ловкого светского человека и скромности даровитого поэта, неумолимо строгий в оценке своих стихов»**.

Влияние отцов на формирование взглядов, жизненные позиции мемуаристок прослеживается очень четко. Обе они были славянофильского толка — Мария Сергеевна, выступая против крепостного права, видела будущее страны в крестьянской общине. Она писала: «...община есть сила, охраняющая право и благосостояние крестьян и обеспечивающая взносы податей. Отнимите ее — и крепостное право возвратится в худшем

* Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой... С. 5.

** Там же. С.27—28,30.

виде, нежели прежде»*. Антонина Дмитриевна, всецело поддерживая реформаторскую деятельность своего отца, писала о необходимости сохранения сильной единой власти. «Русский люд ставит единство власти так же высоко, как единство земли»**. Сословные проблемы, которыми активно занимался Дмитрий Николаевич Блудов, также затрагивались и его дочерью в воспоминаниях. Она считала дворянство сильным и передовым сословием, но в то же время никогда не отрывавшимся от народа. Скрепляла этот союз, по мнению мемуаристки, религия. «Наше дворянское сословие, разнящееся от народа во всех наружных приемах жизни, от платья и прически до языка,— писала она,— вдруг, в церкви, является совершенно таким же, как сам необтесанный мужик»***. Она считала, что сословных границ, «замкнутости» в России не существует: «... образованием и трудом всякий может дойти до высшей степени политической деятельности и влияния»****.

Мемуаристки были очень религиозны, этим они выделялись в придворном светском обществе. Мария Сергеевна, характеризуя личность своего отца и отмечая его тонкий вкус в архитектуре и живописи, влечение к музыке, главным достоинством, вызывавшим ее восхищение, считала его религиозность. «Он был очень богомолен,— писала она,— но любовь его к Спасителю была так естественна, как и все добродетели,— как будто он не мог быть иначе»*****. Антонина Дмитриевна, будучи глубоко верующим человеком, резко отрицательно относилась к западному влиянию, распространению католицизма в стране. Поэтому понятно ее полное неприятие эмиграции, которую она называла «совершенно обезумевшей». Эмигранты, по ее мне-

* Из записок Марьи Сергеевны Мухановой. М., 1878. С. 59.

** Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой... С. 40.

*** Там же. С. 71.

**** Там же. С. 69.

***** Из записок Марьи Сергеевны Мухановой... С. 52—53.

нию, «потеряли всякое сознание своего происхождения, своего народа, своего края, и точно так же, как некоторые из наших блистательнейших дельцов, видят в себе и в нас всех Англичан, Немцев, Французов, даже Итальянцев»*. Укрепление православной веры она видела в объединении славянских народов. Она активно помогала сербам и болгарам, вела переписку со своими единомышленниками из Чехии, Сербии и Болгарии. Антонина Дмитриевна обладала большим авторитетом при дворе и имела влияние на императора и императрицу. Особенно близка она была к цесаревне, затем императрице Марии Александровне, придворным дамам А.Ф. Тютчевой, Н.Д. Протасовой-Бахметевой. Это бесспорно имело значение для претворения в жизнь устремлений мемуаристки. В 1878 г. она многое сделала для сохранения славянских древностей в освобожденной русской армией Болгарии.

Мария Сергеевна и Антонина Дмитриевна прожили долгую жизнь. В течение всего жизненного пути они следовали тем идеалам, которые сформировались в юности, были верны заветам своих отцов, они помнили и почитали тех, кто был им дорог. Мария Сергеевна Муханова искренне восхищалась вдовствующей императрицей Марией Федоровной, ее активной благотворительной деятельностью. Мемуаристка много пишет о ее делах: о Воспитательном доме, Обуховской больнице, Смольном институте. «Все было придумано нежным сердцем для пользы, радости и покоя всех от нее зависящих», — замечает она.** Марию Сергеевну покоряли терпение и рассудительность, трезвый ум и доброта императрицы. Многие страницы записок Марии Сергеевны посвящены именно ей. Сама мемуаристка считала, что они могут в дальнейшем «послужить материалом для будущего историка»***. Позже при Академии наук ею была учреждена премия в размере 5 тыс.

* Воспоминания Антонины Дмитриевны Блудовой... С. 61.

** Там же. С.17.

*** Там же. С. 12.

рублей за подготовку «Жизнеописания императрицы Марии Федоровны».

Антонина Дмитриевна Блудова стала известной писательницей, много и плодотворно занималась педагогикой. Кроме воспоминаний, которые, как уже упоминалось, вышли отдельной книгой в 1888 г., ею были написаны работы о ее отце и Острожском Кирилло-Мефодиевском братстве, ставшем главным делом последних десятилетий ее жизни*. После смерти своего отца в 1864 г. Антонина Дмитриевна оставила светскую жизнь и активно занялась благотворительностью. Исполняя волю отца, она в 1865 г. купила развалины бывшего монастыря капуцинов в Остроге Волынской епархии. На этом месте когда-то находилась Острожская Православная академия. В том же 1865 г. было основано Кирилло-Мефодиевское братство, имевшее своей целью возрождение православного просвещения юго-западной российской окраины. Именно здесь было сильно влияние Польши и католической религии. Среди соучредительниц этого братства — имена влиятельных придворных дам: А.Г. Шереметевой, Д.А. Голицыной, А.Ф. Тютчевой, Е.П. Карамзиной, М.А. Мещерской, Е.В. Дашковой.

В Остроге были открыты начальные школы и народные училища, основана библиотека. В 1865 г. было открыто женское училище имени графа Д.Н. Блудова. В него могли поступить девочки всех сословий, после его окончания они получали «хорошее образование в духе православной веры». Воспитанницы женского училища обучались Закону Божию, церковно-славянскому и русскому языкам, всеобщей и русской истории, географии и арифметике, рукоделию и чистописанию, пению и музыке.

* Блудова А.Д. Последние дни жизни Д.Н. Блудова // Блудов Д.Н. Мысли и замечания. СПб., 1866; Путевые очерки: «Для немногих. Пять месяцев на Волыни...»; «Воспоминания о Почаевской лавре»; «Путешествие в Острог». СПб., 1868; Книга для чтения по русской истории. СПб., 1869; Воспитанницам училища гр. Д.Н. Блудова на прощание. СПб., 1881.

Просветительская миссия этого братства была достаточно результативной. В основе этой миссии было «вспомоществование». Именно таким устаревшим словом наиболее точно можно было определить и помощь полуразоренным окрестным церквям и монастырям, и снабжение бедных прихожан лекарствами, и уход за больными, и обучение детей и даже взрослых Закону Божию, русской грамоте. До 1875 г. все училища братства содержались на средства Антонины Дмитриевны Блудовой, с 1875 г. средства стало выделять Министерство народного просвещения.

В 1876 г. была освящена церковь во имя Св. Кирилла и Мефодия. Кирилло-Мефодиевское братство, его просветительская деятельность были очень популярны в конце XIX века*. После смерти Антонины Дмитриевны Острожское братство продолжало действовать вплоть до 1930-х годов.

Обращаясь к личностям мемуаристок, касаясь событий их жизни, становится ясно, что эти придворные дамы прошли полноценный жизненный путь, сумев реализовать себя на разных поприщах — благотворительном, религиозном, наконец, литературном. Их имена сохранились в российской истории, во многом благодаря их воспоминаниям. Похожие, отразившие одни и те же события, характеризующие одних и тех же окружающих их людей, имея во многом одни и те же взгляды, эти воспоминания в то же время отличаются друг от друга. Это естественно, т.к. каждая из наших мемуаристок, прожив свою жизнь, имела свои привязанности и убеждения, свой авторитет при дворе.

Переизданные воспоминания имеют и разные названия. Воспоминания М.С. Мухановой озаглавлены «Из записок Марьи Сергеевны Мухановой», А.Д. Блу-

* См. например: Свято-Кирилло-Мефодиевское Православное братство // Вестник Западной России. 1865. Т. 4. С.159—169; Родевич М. Острожское женское училище графа Д.Н. Блудова // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Т. 189. С. 45—71; Графиня А.Д. Блудова и Кирилло-Мефодиевское Острожское братство; под ред. И.П. Хрущова. СПб., 1903 и др.

довой — «Воспоминания Антонины Дмитриевны Блудовой». И это неслучайно. Записки Марии Сергеевны достаточно отрывочны, в них отсутствует единый композиционный стержень, это скорее «заметки по памяти», записанные «отголоски прошлого». Мемуаристка пишет много о своей семье, о своих предках, о которых ей рассказывали бабка, отец и мать, фиксирует самые яркие свои детские впечатления. Восхищаясь отцом, она представляет его фигуру в некоем романтическом ореоле, идеализирует его, стараясь несколько преувеличить его влияние на царствующих особ. Вместе с тем этот сугубо «личностный» оттенок придает запискам Марии Сергеевны необычайный колорит своей искренностью и непринужденностью.

Воспоминания Антонины Дмитриевны несколько иные, они композиционно разделены на несколько частей. Мемуаристка пишет о своих далеких предках («золотой век моего первого детства»). Заметное место в ее воспоминаниях занимают различные мистические рассказы, мифы и легенды. Мемуаристка называет их своей «коллекцией чудесных случаев и привидений»*. Это во многом характеризует личность мемуаристки. Глубоко верующая, она верила в различные предзнаменования, привидения. Сама она это объясняла неуловимыми движениями ума и сердца, которые даются далеко не каждому. «Явление, привидение из духовного мира даются только тому, — писала она, — кто назначен судьбой для принятия этой тайны»**.

Основная часть воспоминаний — это личные впечатления Антонины Дмитриевны и то, что она слышала от своих родителей. Она писала, что от «чудесных видений и снов» она переходит «... к истории, к сознательному отчету не в том собственно, что сама видела, но по крайней мере в том, что неоднократно слышала от своих родителей и твердо заучила с ранней молодости»***.

* Воспоминания Антонины Дмитриевны Блудовой... С. 66.

** Там же. С. 11.

*** Там же. С. 26.

Воспоминания Антонины Дмитриевны прекрасно читаются, в них огромное количество портретов людей, как будто давно нам известным по литературе. Вместе с тем уже знакомые нам лица предстают в несколько ином свете, мемуаристка приводит новые детали из их жизни и деятельности, они «оживают», уходят схематичность и шаблонность их давно известных литературных характеристик.

Несмотря на то, что сами мемуаристки очень скромно оценивали свой труд, они понимали, что их воспоминания предназначены для потомства — «этого великого суда присяжных»*. Они понимали историческую ценность своих воспоминаний. Это во многом касалось оценки тех деятелей, которые в силу определенных обстоятельств остались оклеветанными в истории. Антонина Дмитриевна писала: «...потомство есть своего рода кассационный суд, который разбирает инстинктивно дела прошедших времен, и что есть великая историческая правда, которая вместе с тем правда Божия, восстанавливающая честь и невинность тех деятелей, которых имена пострадали только от страстей и злобы или от предрассудков современников»**.

Переиздание воспоминаний М.С. Мухановой и А.Д. Блудовой — это, бесспорно, событие в современной мемуаристике. Эти воспоминания будут доступны и полезны различным специалистам и широкой просвещенной аудитории. Интересные, умные, эмоциональные — эти воспоминания найдут своего читателя, прежде всего того, кто интересуется историей и культурой России XIX века.

М.А. Полякова,
*профессор Российского государственного
гуманитарного университета*

* Воспоминания Антонины Дмитриевны Блудовой. С.72.

** Там же.

*ИЗ ЗАПИСОК
Марьи Сергеевны Мухановой,*

фрейлины Высочайшего Двора

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Фамилия Мухановых¹ происходит из Польши. Неизвестно, когда предок наш выехал из Польши; знаем только, что Муханов был пожалован в царствование Федора Иоанновича имением в Рязанской губернии. Первым известным сделался Ипат. Дом Мухановых² был в нынешнем Армянском переулке, против дома боярина Матвеева, где часто в своем детстве бывал Петр I. Когда боярин Матвеев ложился отдыхать после обеда, молодой Петр Алексеевич перебегал через улицу к Мухановым поиграть с Ипатом³, полюбил его и впоследствии отдал его учиться в Саардаме. В течение всей жизни царь очень любил его и всегда держал при себе. Муханов был его денщиком и ночью спал у него на пороге. Он имел звание капитана второго ранга и всегда командовал тем фрегатом, где был царь. Раз Муханов, когда царь начал распоряжаться на фрегате, сказал ему: «Во всем ты умен, Петр Алексеевич, но дело морское я лучше тебя разумею, а потому не мешай мне». Бóльших подробностей мы не знаем об Ипате, кроме того, что Петр I сосватал его с Полянской⁴, которая принесла ему 500 душ и за ним их укрепила. От нее у него не было детей, потому государь женил его на Шаховской⁵, от которой и пошел род Мухановых. Еще знаем, что раз государь, обрадованный какою-то победою, спросил Муханова: «Чем мне подарить тебя на радости?». Тот отвечал: «Я столько уже получил от тебя, госу-

дарь, что мне ничего не нужно,— думай о других». Царь в это время одевался и, сняв сорочку, отдал ее Муханову на память. Она долго хранилась у дяди моего Алексея Ильича⁶, но в суматохе 1812 года ее забыли вывезти из Москвы, где она и пропала. У него остался образ Тихвинской Божией Матери, в богатом окладе с жемчугами, которым Петр благословил его. Еще есть несколько писем Петра I к нему; они переданы Павлу Александровичу Муханову⁷, который начал писать биографию предков Мухановых. В царствование Петра I Ипат был послан в Москву устроить морскую богадельню, где находится и теперь его портрет. Он был красивой наружности, при атлетических формах; когда узнал он о кончине Петра, с ним сделался апоплексический удар. Он просился в отставку, но Екатерина I, уважая в нем любимца своего мужа, не хотела его отпустить. У Ипата был один сын Илья⁸ — от Шаховской, которого он, минуя всех родственников, поручил, умирая, своему слуге, который верно исполнил завет своего господина: отвез молодого своего барина в кадетский корпус, тогда только что устроенный; всякую субботу брал его домой, ходил с ним в баню, а в воскресенье привозил к родным на целый день. О службе этого деда мы не имеем подробных сведений, но видим его сопровождающим императрицу Екатерину. По обету своему, он построил церковь в селе Успенском⁹, которая доныне сохраняется в большом порядке. У него было семь сыновей: Алексей, Иван, Дмитрий, Николай, Сергей, Александр и Михаил и одна дочь Мария в замужестве за Колычевым.

Воспитание шести старших сыновей было домашнее, и только младший, Михаил, воспитывался в кадетском корпусе. Образование заключалось в русской грамоте, арифметике и геометрии. Старшие два, Алексей и Иван Ильичи, говорили кое-как по-французски. Но честность, благочестие и любовь,

взаимно связывавшая братьев между собою и с отцом, были как бы исключительным достоянием этого семейства. Между тем, несмотря на недостаточное образование, двое из них были замечательными людьми. Из моих рассказов уже довольно известен характер и склад ума моего отца. Старший десятью годами брат его, Алексей Ильич, был отличным сенатором,— таким твердым и энергическим, что небогатые люди, имевшие в его департаменте дела, не трудились приезжать в Москву для ходатайства, зная, что правда в руках Алексея Ильича не нуждается в другом разъяснении, кроме его прозорливого ума и непоколебимой твердости; так мы слышали по дороге в нашем путешествии. Служба его началась в конной гвардии, потом он служил на Кавказе, где с честью командовал полком и взял город Анапу, причем первый вошел на укрепление. После мой старший дядя был вызван императрицею Екатериною II и назначен обер-прокурором Первого департамента Сената; эта должность в то время была очень важная, потому что в этот департамент стекались все важные дела, как теперь в Государственном совете. Здесь, однажды, увидав на столе указ о налоге на соль, он взял его и преспокойно положил себе в карман, к ужасу прочих сенаторов. По окончании присутствия он поехал во дворец и просил тогдашнего любимца государыни, графа Платона Александровича Зубова¹⁰, доложить государыне, что этот указ может быть пагубен как для благоденствия народа, так и для славы императрицы, что народ может сказать: видно, уж матушка наша очень обеднела, что начала торговать солью. Императрица так была этим довольна, что при первом куртаге¹¹, подзвав Алексея Ильича к своему столу и вставши со своего места, низко кланяясь, благодарила его за то, что он спас ее славу. По кончине императрицы, дядя мой был назначен сенатором в Москву, где был ее украше-

нием долгое время и где авторитет его никогда не оспаривался.

По восшествии на престол Николая Павловича, он, уже в весьма преклонных летах, просился в отставку, но государь просил его не оставлять службы, говоря, что совет его может быть полезен, даже если он не может лично присутствовать в Сенате. Князь Павел Павлович Гагарин¹² показывал к нему особенное почтение и хвалился тем, что был его учеником. Кроме того, дядя был еще почетным опекуном и имел в особенном своем заведовании прежде институт, а потом Мариинскую больницу¹³. Он так же, как и мой отец, не любил хвалиться накоплением экономических денег, но прежде всего думал о снабжении больницы всем нужным. Время его управления больницею осталось в памяти служащих как самое цветущее.

Из других дядей, Иван Ильич дослужился до чина действительного статского советника, управляя в Москве Коммерческим банком. Александр Ильич был губернатором сперва в Казани, а потом в Рязани и кончил свою карьеру шталмейстером¹⁴ в Москве. Везде, без сомнения, поступал честно и похвально, хотя не имел тех блестящих качеств, которыми обладали ярко выдавшиеся из семейства лица. Дядя Михаил Ильич умер в довольно молодых летах и к службе был малоспособен по ленивому своему характеру. Дмитрий Ильич совсем не служил по болезни, а Николай Ильич, дослужившись в конной гвардии до чина бригадира, вышел в отставку. Сестра их, Мария Ильинична, старшая из всего семейства, вышла в довольно зрелых летах за Колычева. Союз этот не был счастлив и не благословлен детьми. Она имела нрав строптивый и беспокойный, а он страдал по временам припадками сильной меланхолии. Мать, ее любившая как единственную дочь, требовала настоятельно, чтобы отец дал ей часть имения

более, нежели другим, а этого он не хотел сделать по справедливости. Сыновья, видя, что этим нарушается семейный мир, просили отца исполнить желание матери. Тогда отец, поблагодарив их, сказал: «Такое несправедливое достояние не пойдет впрок и все же вам возвратится». Так и случилось. Так как отец мой был единственным родственником, могущим покровительствовать своим, то племянники обыкновенно жили под его кровлею. Сначала два сына Ивана Ильича, потом сын Николая Ильича, потом два сына Алексея Ильича — каждый оставался по два года под покровительством дяди и тетки до той поры, пока, привыкнув к жизни, он мог действовать самостоятельно. Первые были Алексей Иванович и брат его Павел. Алексей был красив собой и довольно хорошо учился, но был прост умом, хотя не до такой степени, как представила его Мария Аполлоновна Волкова¹⁵ в своем письме, напечатанном в «Русском архиве». Он был, вскоре по приезде в Петербург, пожалован камер-юнкером, что давало тогда чин статского советника. Великие княжны часто вызывали его на танцы с собою; но, по его неловкому уму, скоро перестали быть к нему благосклонными. Он женился на княжне Мещерской и умер в молодых годах: ему не было еще 25 лет. Павел Иванович¹⁶ был другого характера. Он не хотел пользоваться случаем, который представляло батюшкино положение, и хотел сам проложить себе дорогу. Вступив в Егерский гвардейский полк, жил в казармах с солдатами и довольствовался их пищею. Через 6 месяцев он был произведен в офицеры за отличие. Однажды он нашел на столе моего отца пригласительный билет в Эрмитаж, взял его, соблазнился подкаблить имя и вставить свое. Батюшка, проведав об этом, сказал ему: «Я не знал, что ты способен делать фальшивые бумаги». Это так оскорбило его, что несколько времени он избегал встречи с отцом и сухо отвечал на

его разговоры. Вообще в нем была сила характера, за что батюшка его любил. Впоследствии этот характер показывался в разных случаях, но особенно при его ранней кончине. Когда он узнал о смерти своей матери, которую нежно любил, то имел столько сил, что, не показывая своей горести, ходил за больным моим отцом. Когда началась война 1812 года, батюшка, бывши дружен с Багратионом, просил его взять племянника Павла Муханова к себе в ординарцы. Только что французы перешли Неман, при первой перестрелке Павел Муханов начал проситься участвовать в ней. Багратион не хотел отпускать его, говоря, что он без пользы и чести может пропасть в этом первом неважном деле и что доставит ему случай отличиться. Перестрелка кончилась благополучно; но когда он возвращался с товарищами и разговаривал по-французски, казак принял его будто за француза и пронзил его между плеч пикою, так что она прошла насквозь. Принять его за француза он не мог, потому что он возвращался с товарищами; а если б он был пленный француз, то все-таки казак должен был удержаться от такого поступка. Другие думали, что так как на Муханове была серебряная лядунка, то казак заколол его с тем, чтоб ограбить, но и это трудно было сделать. Как бы то ни было, рана оказалась смертельною. Ему сказали, что пока пика еще не вынута, он может еще жить. Первым делом его было после того позвать священника, исповедаться и приобщиться Святых Тайн, потом написать к жене письмо, в котором давал ей советы насчет воспитания их дочери, которой тогда уже не было на свете. Кончив все свои дела, он велел вынуть пикку и скоро кончил жизнь на руках у брата своей жены. Последний после говорил, что если б он не был верующим христианином, то сделался бы таковым, видя такую прекрасную кончину. Ему был 21 год, а женат был уже второй год. Платов¹⁷ приходил

к нему и спрашивал его, не может ли он указать на казака, пронзившего его, но он отвечал, что не заметил черт его лица. Шурину же сказал, что из тысячи он мог бы указать на него. Впрочем, убийца не избег своей участи. Платов узнал о нем и велел его засечь нагайками до смерти. Жена Павла еще и до сих пор жива; она урожденная Олсуфьева¹⁸. Олсуфьевы, ее братья, воспитывались в доме моей тетки почтеннейшим французским аббатом. Кстати, несколько слов об этом аббате. Я была с ним очень дружна; это — загадочное лицо и настоящего его имени никто не знал; его звали «L'abbé Limousin» — вероятно, по месту его рождения. Он рассказывал, что спасся почти раздетый на английском судне, где украдкой от всех поместился так, что его позднее нашли внизу на самом дне судна. Приехавши в Англию, он не хотел пользоваться милостыней английского правительства, но давал французские уроки. В Англии он выучился английскому языку, так что мог читать на нем, и его образование, очень глубокое, сделалось менее односторонним. В Лондоне он получил письмо от моей тетки, которым он был так тронут, что хотя уже отказался ехать в Россию, но не мог отказать материнской просьбе. Вот некоторые черты, по которым можно догадываться, что он был высокого рода. Первое то, что он рассказывал о съезде¹⁹, на котором духовенство отказывалось от своих прав и преимуществ, — говорил, что он сидел подле Лафаетта²⁰ и уговаривал духовенство отказаться от того, что и так будет отнято рано или поздно. Потом Наполеон, когда восстановил церковь и стал отыскивать прежних духовных лиц, предложил ему архиерейство, от которого он отказался. Еще мне кажется по всем данным, что он был из числа священников, присягнувших революционному правительству, что мне не кажется вовсе преступным, потому что таким образом он мог помогать в религиозном отно-

шении своим согражданам. Он кончил жизнь в доме детей моего дяди Ивана Ильича, где жил с лишком тридцать лет, в первую холеру и погребен в общей могиле, так что и место погребения его сделалось так же неизвестным, как и он сам. Я навещала его часто и была с ним в переписке. Он всегда беседовал о предметах словесности, и я много обязана ему своим образованием. Он любил меня как дочь и утешал в моих внутренних скорбях, то есть духовных.

Мать моя, Варвара Дмитриевна Муханова²¹, происходит из рода Тургеневых. Родоначальник Тургеневых, татарский хан Турга, выехал из Золотой Орды при великом князе Василии Темном, приняв крещение, при котором восприемником был сам великий князь, пожаловавший крестника своего многими вотчинами в нынешней Калужской губернии, в том числе таким огромным имением, что почти половина теперешнего Перемышльского уезда принадлежала ему. Один из Тургеневых, живший при Дмитрие Самозванце, обличил его, сказав лжецарю: «Ты не сын царя Иоанна, а Гришка Отрепьев, беглый из монастыря; я тебя знаю». За это голова его пала на плахе, и он ублажается церковью как св. мученик. Другой, подобно ему, за смелое обличительное слово, погиб от руки Пугачева. Вообще Тургеневы отличались честностью и неустрашимостью. Прадед Ивана Сергеевича, нашего известного писателя и мой дед, т. е. деверь моей бабушки, Алексей Романович Тургенев²², служил в пажих у императрицы Анны Иоанновны. По ревности, Бирон удалил его, послав в армию, действовавшую тогда против турок, с приказанием его погубить. Он попался в плен и взят султаном в гарем, где подавал ему кофе и раскуривал трубку. Его принуждали принять магометан-

ский закон, за что он претерпел много побоев, так что тоже может считаться исповедником.

Любимая султанша увидела его как-то, пленилась его красотой, сжалась над ним, передала ему какими-то средствами наполненный золотом кошелек, с советом бежать в отечество, и доставила ему вместе с этим проводников до границы. Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога пред образом святителя Николая о благополучном возвращении сына, с обетом построить церковь. Однажды она молилась пред этим образом; внезапно отворяется дверь и входит давно ожидаемый сын. Она исполнила обет, построила церковь во имя Св. Николая. Церковь эта находилась уже после не в нашем имении, так как огромное состояние Тургеневых было отчасти разделено между родственниками, отчасти продано в чужие руки. При этом деревянная церковь была, за ветхостью, упразднена, а образ св. Николая отдан в нашу теперешнюю каменную церковь²³, которая построена по плану Растрелли, с великолепным иконостасом, совершенно подобным тому, который находится в Киеве, в церкви ап. Андрея Первозванного.

Другой Тургенев, вероятно, дядя того, о котором шла речь, был в карауле во дворце у Анны Иоанновны, когда старушка (не помню ее фамилии) прибежала в слезах видеть императрицу, к которой и была допущена; бросившись к ее ногам, она рассказала, что увезли ее племянницу и что последняя должна быть обвенчана. Племянница эта и еще две сестры ее жили у старой тетки своей в дисциплине того времени, всегда разряженные в робрндах²⁴, и не смели сказать слова. Офицер гвардии (которого фамилия, довольно известная, тоже мною забыта) подкупил старую няню, водившую девиц в церковь, и таким образом похитил одну из них. Императрица немедленно послала Тургенева взять брачную чету, где бы

она ни была, и привести ее во дворец. Новобрачных застали за столом после брака, который признан был незаконным и расторгнут. Невесту призвали во дворец: «За кого ты хочешь идти замуж?» — спросила ее императрица. Тогда Ушаков был в карауле. — Я никого не знаю, — отвечала девушка, — пожалуй, выйду за Ушакова.

Впоследствии Ушакова, дочь похищенной невесты, вышла замуж за Дмитрия Романовича Тургенева²⁵; то была моя бабушка.

Алексей Романович и брат его, Дмитрий Романович, погребены вместе под одним памятником, недалеко от нашего имения²⁶, в котором мы живем. Ежегодно мы посещали эту могилу, исправляя всякий раз ее повреждения, так как она находится теперь в чистом поле, на упраздненном кладбище; где была прежде церковь, теперь там живут, что называется, бобыли.

I

Сергей Ильич Муханов²⁷ родился в 1763 году, 27 июня, в день восшествия на престол императрицы Екатерины II. Отец его провожал императрицу в С.-Петербург, в числе офицеров ее конвоя. Она почувствовала холод и просила офицеров, чтобы кто-нибудь дал ей свой сюртук; на это никто не вызвался, кроме моего деда. Императрица надела его сюртук и всегда вспоминала это обстоятельство с благодарностью, знала его детей и была к ним благосклонна. Этот сюртук долго хранился у нас, но, по неосторожности хранившего его, пропал от моли.

У деда моего было семь сыновей²⁸; все они служили в конной гвардии — любимом полку Екатерины; жили они дружно, все на одной квартире и имели общий кошелек. Некоторые из иностранцев писали об них, а воспитанницы Смольного монастыря при-

знавались впоследствии, что они, по своей наивности, думали, что все конногвардейские офицеры назывались Мухановыми.

Отец мой был в хороших отношениях с Зубовыми, и они так уважали его, что на своих попойках не принуждали его пить; впрочем, мой отец, кажется, только один раз был на такой попойке.

В день восшествия на престол императора Павла I отец мой был произведен в полковники. Какова была для него, обожателя Екатерины, перемена правления, можно себе представить; да и не для одного его было чувствительно перейти из-под кроткого правления под строгое до суровости. Скоро мой отец почувствовал эту перемену на самом себе. Он командовал эскадроном конной гвардии; офицеры нежно и преданно его любили и остались до старости его друзьями. Потому на парадах и смотрах его эскадрон отличался пред другими. Это обстоятельство возбудило неудовольствие великого князя Константина Павловича²⁹, командовавшего другим эскадроном, и подало повод к наговору на отца моего пред государем, будто бы мой отец просиживал ночи за картами, зная, что государь всего более не любил картежников, между тем как отец мой не брал в руки карт. Однажды на параде государь закричал проходившему мимо него моему отцу: «Браво, браво, Муханов!». Надобно было стать на колени и благодарить государя; но так как он стоял в то время в луже, то отец мой не нашел возможным исполнить этой церемонии, тем более что он был в белом колете³⁰, а парад еще не кончился; он вынул свой палаш и отсалютовал по военному уставу. «Барич! — закричал государь, — ступай за фронт» и тотчас после парада посадил его под арест.

Через несколько дней его оттуда выпустили, чтобы посадить опять под более строгий арест, вследствие какой-то новой подобной истории. Офицеров

также посадили на хлеб и воду, а у отца сняли орден Св. Анны 2-й степени и шпагу. Государь-наследник Александр Павлович прислал к отцу моему доверенное лицо спросить его, может ли он отвечать за скромность своих офицеров, если он будет присылать им кушанье со своего стола. Отец мой благодарил за милость, но не принял предложения, говоря, что хотя он и может поручиться за скромность офицеров, но между тем знает, что они скорее согласились бы вместо хлеба глотать камни, нежели подвергнуть великого князя гневу его отца. Не знаю точно, долго ли продолжался арест, но наконец и он кончился, как и все кончается на свете, и отцу возвратили шпагу и орден; но вместо того, чтобы надеть орден на шею, он преспокойно положил его в карман. «Что вы делаете?— говорили ему присутствующие,— вы себя губите!». Он отвечал: «Если хоть один день нашли меня недостойным носить орден, то не стоит труда надевать его».

Между тем он был отставлен; когда он увидал, что в приказе стоит слово «уволен», а не «исключен», то, перекрестившись, с радостью стал собираться в путь.

Нужно было представиться генерал-губернатору Палену³¹, но непременно в каком-нибудь мундире. У портного нашелся только мундир эстляндского дворянина; таким он и представлялся Палену. В это представление, в разговоре, Пален начал бранить государя, называя его тираном. Конечно, цель его была найти сообщника, но отец мой просил его прекратить этот разговор.

Оставив С.-Петербург, он поселился в деревне, близ Троицкой лавры, со своими братьями, из которых двое были женаты. Вскоре император Павел приехал в Москву. Для него давали бал в Благородном собрании. Отец мой тоже поехал на этот бал, чувствуя себя совершенно невинным пред госуда-

рем; но не так думал государь. Он отвернулся от отца и по обыкновению своему запыхтел гневом. По отъезде его с бала, наследник Александр Павлович чрез всю залу пошел к отцу и обнял его, что произвело большое впечатление в собрании. Отец мой, по отъезде государя, возвратился в свое убежище. Через несколько времени появился там внезапно фельдъегерь. Невестки моего отца, испугавшись, бросились в образную на колени; отец успокоил их, говоря: «Что вы так испугались? Дело, конечно, не касается ваших мужей; может быть, государь находит, что он недовольно меня наказал». Потом он вышел спокойно к фельдъегерю и спросил, в чем дело. Тот подал ему письмо от Кутайсова³², тогда еще камердинера и брандмейстера государя. Письмо было написано на грубой желтой бумаге и сложено, как отписки крестьян. Содержание его состояло в том, что Кутайсов желал познакомиться с моим отцом и просил его приехать в Петербург. Старший мой дядя, Алексей Ильич, сказал: «Неужели ты поедешь по этой глупой записке?» — «Как же не ехать, — отвечал отец, — письмо прислано с фельдъегерем, следовательно, по воле государя; он нашел меня гордым и хочет испытать», — тотчас приказал готовить лошадей и часа через два отправился в путь.

Приехавши в Москву, он явился к главнокомандующему графу Салтыкову³³. Жена его, графиня Дарья Петровна³⁴, очень любила моего отца: она приняла его за своим туалетом. «Ты знаешь ли, мой друг, — дружелюбно обратясь, сказала она ему, — зачем тебя вызывают в Петербург?». — «Нет, ничего не знаю; Кутайсов просит меня познакомиться с ним». — «Тебя вызывают в должность шталмейстера. Большие перемены при дворе; государь сам вспомнил о тебе. Времена тяжкие; послушай моего совета: я знаю твой благородный и гордый перед властью ха-

раактер, старайся себя смирить,— это нужно и для тебя самого, и для твоих подчиненных».

Тогда был обычай, установленный государем, чтобы на заставе не только объявляли свое имя, но и причину своего приезда в Петербург. Отец мой объявил, что он приехал занимать облигации вновь установленного банка, что очень насмешило государя.

Представление последовало в Гатчине, где Кутайсов стоял у дверей. Когда он доложил государю о приходе моего отца, то государь через него же спросил, какой род службы он хочет избрать себе. «Если государь находит меня достойным служить ему, то я готов стать с мушкетом в ряды солдат»,— таков был ответ моего отца, который пришелся по нраву государю. Он позвал его в свой кабинет и спросил, знает ли он русские пословицы. — «Некоторые знаю, но не все»,— отвечал отец. — «Вот одна,— сказал государь.— Кто старое помянет, тому глаз вон»,— мои глаза подлежат тому же, как и твои». Отец мой стал на колени, прося государя, чтоб он не слушал доносов на него, а всегда сам объяснялся. Я помню точные слова: «Государь! Если когда-нибудь опять будут на меня доносить вам, то позвольте лично объяснитьсь с вашим величеством. Если не смогу оправдаться пред вами, то пусть голова моя падет на плахе». Государь заплакал и, прощаясь с ним, сказал: «Чем чаще ты будешь у Кутайсова, тем мне будет приятнее». Приятно ли было это моему отцу — это другой вопрос. Тут можно вставить другую пословицу: «С волками жить — по-волчьи выть». Но и тут отец мой умел сохранить свое достоинство. В два с половиною года своей службы в царствование Павла он не видал от государя косого взгляда, делал все, что хотел, одевался, как государь не любил, и не слышал никакого упрека; напротив того, государь говаривал, что он никому не верит, кроме двух Сергеев³⁵ — своему духовнику и моему отцу.

Император Павел каждое утро спрашивал, с какой стороны ветер, и с этим вопросом обращался к великому князю Александру Павловичу, к моему отцу и к Кутайсову поочередно, и если они разногласили между собою, то очень гневался; особенно доставалось великому князю. Во избежание такой неприятности, эти три лица согласились между собою каждое утро выходить на воздух и, уверившись, с какой стороны ветер, докладывать уже о том государю.

Государь любил показывать себя человеком бережливым на государственные деньги для себя. Он имел одну шинель для весны, осени и зимы. Ее подшивали то ватою, то мехом, смотря по температуре, в самый день его выезда. Случалось однако, что вдруг становилось теплее требуемых градусов для меха; тогда поставленный у термометра придворный служитель натирал его льдом до выхода государя, а в противном случае согревал его своим дыханием. Государь не показывал вида, что замечает обман, довольный тем, что исполнялась его воля. Он, кажется, поступал так по принципу, для поддержания и усиления монархического начала, тогда ниспровергнутого французскою революцией. Жалкое средство, придуманное человеком от природы умным! Точно так же поступали и в приготовлении его опочивальни. Там, вечером, должно было быть не менее четырнадцати градусов тепла, а печь оставаться холодною. Государь почивал головою к печке. Как в зимнее время согласить эти два условия? Во время ужина расстилались в спальне рогожи и всю печь натирали льдом. Государь, входя в комнату, тотчас смотрел на термометр, — там четырнадцать градусов, трогал печку, — она холодная, и довольный ложился в постель, утешенный исполнением его воли, засыпал спокойно, хотя впоследствии печь и делалась горячею.

Бесчисленные его прихоти известны всем. Несмотря на благородные свойства его души и на природную его доброту, он возбудил к себе всеобщую ненависть, которая и привела его к несчастной кончине. Я расскажу здесь несколько случаев, которые мне приходят на память. Однажды отец мой, следуя издалека за ним и за великим князем Александром Павловичем, увидал, что великий князь махал несколько минут треугольною шляпой и потом бросил ее далеко от себя; после этого батюшка спросил великого князя, что это значит. Он отвечал, что государь колебался, уволить или нет Архарова³⁶, и потому загадал, которым концом шляпа упадет на землю.

В Эрмитаже давали балет «Красная шапочка»³⁷; танцоры были в красных шапочках. Шведский король³⁸, тогда посетивший Петербург, сидел подле государя; разговор шел приятный и веселый. Шведскому королю захотелось пошутить и, смотря на красные шапочки, сказал: «Вот это якобинские шапки». Государь рассердился и сказал: «У меня нет якобинцев», — повернулся к нему спиной и после спектакля велел передать шведскому королю, чтоб он в 24 часа выехал из Петербурга. Король и без того собирался уехать и потому на всех станциях до границы было уже приготовлено угощение. Государь послал гоф-фурьера³⁹ Крылова все это снять. Крылов нашел шведского короля на первой станции за столом — за ужином. Когда он объявил волю государя, то король рассмеялся. Крылов объяснил, что прислугу он непременно должен взять с собою, но что он оставляет на всех станциях провизию и запасы нетронутыми. Когда он возвратился в Петербург, то государь спросил у него, какое действие на короля произвело его распоряжение. Крылов отвечал, что король глубоко огорчился таким его гневом, но между тем признался, что он не вполне исполнил приказание и что оставил все запасы. «Это хорошо, — отвечал государь, — ведь

не морить же его голодом». В другой раз на таком же спектакле одна из фрейлин рассмеялась; ее тотчас выгнали из залы и велели выехать из Петербурга. Вероятно, всем известно, как государь требовал, чтобы весь Синод присутствовал в опере и смотрел на м-м Шевалье⁴⁰, которая тогда занимала государя: один митрополит С.-Петербургский сказался по этому случаю больным.

О семейной жизни императора Павла я умолчу. Факт слишком грустный для памяти его и ангельской его супруги. Впрочем, первые годы, еще во время царствования Екатерины, прошли для супругов счастливо и мирно.

В последний день жизни императора Павла отец мой ужинал у государя и оставил его в 11 часов. Государь был весел, разговорчив и любезен; хвалил свой Михайловский замок⁴¹ и сказал: «Я нашел наконец себе тихое пристанище». Замечательно, что его собака, маленький шпиц, беспрестанно выла и вертелась около его ног, сколько он ни отгонял ее. В 1 час ночи разбудили моего отца, беззаботно спавшего дома, и сказали ему, что у государя сделался апоплексический удар. Он велел оседлать лошадь и поехал во дворец, где нашел комнаты полными нетрезвых. Императрица Мария Федоровна⁴² несколько времени не доверяла моему отцу, но после, узнав, сколько он оставался верен императору Павлу, просила у него прощения и была к нему очень милостиво расположена. Она была чужда всякого властолюбия и все, что говорили о ее мнимом желании царствовать, совершенно ложно. Это я могу засвидетельствовать всеми рассказами моего отца о ее жизни, о ее свойствах и первыми словами, которые она говорила тотчас по кончине Павла. После первых тревожных дней, когда все успокоилось, отец мой сделался как бы посредником и примирителем всего царственного круга. Все его любили, уважали,

доверяли ему; он пользовался общею любовью царственной семьи; сам же он, в свою очередь, был им полезен.

Государь Александр Павлович спросил у моего отца, не хочет ли он быть генерал-адъютантом, намекая в то же время, что ему приятнее будет, если он останется при его матушке. Отец мой, уже отвыкший от военной службы и преданный душою императрице Марии Федоровне, легко на это согласился.

До сих пор у нас нет биографии императрицы Марии Федоровны, исключая двух томов г-жи Оберкирх⁴³, где она описывает младенчество и молодость ее до приезда в Россию. А как желательно бы было оставить для потомства такой пример всех добродетелей в таком высоком звании. Я постараюсь здесь представить многие отдельные случаи, мне известные. Они могут послужить материалом для будущего историка.

Хотя жизнь ее с супругом, по нашим понятиям, была самая несчастная, но она любила его до конца. Мне кажется, что это было скорее по правилам нравственности, нежели по естественному чувству, — трудно любить того, кто нас не любит. По восшествии на престол Александра Павловича, в первые дни его царствования, она старалась направить своих детей и нового императора по тому пути, который казался ей лучшим, то есть человеколюбивым. Это не трудно было с Александром Павловичем, потому что он сам носил в душе своей любовь к человечеству; но не то было с Константином Павловичем. Однажды, в самые первые дни нового правления, отец мой, пришедши по обыкновению к императрице, нашел ее в сильном волнении. За стулом ее стоял государь, а пред нею Константин Павлович, на которого она гневалась. Дело в том, что он ударил дворянина палкой на учении. Императрица стала жаловаться моему отцу на своего сына, сказав: «Кажется, уже доволь-

но учены? Теперь я требую, чтобы Константин учил всегда свой полк в присутствии Сергея Ильича». Комиссия очень неприятная, но государь показал знаком, чтоб отец мой не противился. Батюшка поехал представиться Константину Павловичу в его дворец. Великий князь спросил его, какого он о нем мнения. Отец отвечал: «Я думаю, ваше высочество, что когда вы захотите сделать хорошо, то никто лучше вас не сделает, а когда вздумаете сделать дурно, то никто не сумеет сделать хуже». — «Такое-то твое мнение обо мне; посмотрим!». Через несколько дней Константин Павлович прислал сказать, что он выводит свой полк на учение. Батюшка выехал на плац-парад в партикулярном платье из переулка, как бы только в числе зрителей. Вдруг великий князь прискакал к нему с рапортом, что было вовсе неуместно. Он учил прекрасно свой полк, после учения спешил и был любезен со всеми офицерами. По окончании учения мой отец явился к нему, и он спросил: «Доволен ли ты мною, Сергей Ильич?». — «Ах, ваше высочество, если бы вы всегда так делали, то как легко привязали бы к себе сердца людей!». В другой раз та же церемония, но тут великий князь делал все как можно хуже. После учения он сказал моему отцу: «Вот я оправдал твое предсказание; поди жалуйся на меня матушке».

«Как мало вы меня знаете, — отвечал отец, — если думаете, что я способен на сплетни. Одно только скажу вам, что с этой минуты не хочу с вами иметь дело во всю мою жизнь». Но как отделаться от комиссии? К счастью, тогда была весна и императрица должна была переехать в Павловск; тогда отец мой сказал императрице, что ему трудно из Павловска ездить на учение, — тем и отговорился от исполнения неприятной комиссии.

Свойства Александра Павловича известны; о недостатках же его я умолчу. Восшествие его на престол было всеобщим праздником, уподобляющимся

только Светлому воскресенью Христову: люди целовались на улице и поздравляли друг друга.

Похороны же императора Павла были очень печальны, но особенно тем, что никто не показывал никакого сожаления об его кончине. Плакал только мой отец, помнивший его расположение к себе, и еще один, неизвестно почему, гренадер. По возвращении с похорон императрица Мария Федоровна спросила моего отца, какое впечатление на народ сделали эти похороны. Тут отец мой должен был один раз в жизни изменить правде. Всех более огорчалась этим равнодушием великая княжна Мария Павловна⁴⁴, которая во время отпевания несколько раз падала без чувств.

Вдовствующая императрица, по положению, должна была получать 200 000 руб. карманных денег, но государь просил ее принять миллион; из этого миллиона она тратила на свои прихоти и туалет только 17 000. Все прочее раздавалось бедным, а прежде всего она составляла капитал на свои заведения. Великим князьям она имела привычку дарить по 10 тыс. руб. на именины; но в 1812 г. она приостановила на год свои подарки, представляя на вид, что нужно помогать раненым и сиротам. Она беспрестанно занималась делами своих заведений; ничто не могло отвлечь ее от этих занятий — ни путешествия, во время которых она читала и писала в карете, ни сердечные горести. Когда привезено было тело Александра Павловича в Петербург, она и тут делила свое время между молитвою у тела и своими занятиями; между тем император Александр был главным предметом ее любви в жизни. Детей, воспитанных в ее заведениях, она никогда не покидала впоследствии, а во всю жизнь им помогала, входила во все подробности, до них касавшиеся, и была истинною матерью для всех. Никто из служивших ей не умирал во дворце иначе, как в ее присутствии. Она всех утешала до конца и

всегда закрывала глаза умиравшим. Однажды сказали ей врачи, что, жившая на Васильевском острове, отставная ее камер-юнгфера⁴⁵ страдает сильно от рака в груди, что можно было бы ее спасти, но она не соглашается на операцию иначе, как если во время производства ее будет находиться сама императрица. — «Ну что же? — сказала она, — если только от этого зависит ее выздоровление, то я исполню ее желание». Она поехала к ней и во все время операции держала ей голову.

Она входила в малейшие подробности по своим заведениям и не только следила за воспитанием детей, но и не забывала посылать им лакомств и доставлять всякие удовольствия. Один мальчик принужден был долго лежать в постели по болезни; она доставляла ему рисунки, карандаши и разные вещицы. Со всяким курьером ей доносили о состоянии его здоровья, — она тогда была в Москве. При назначении почетных опекунов выбор был самый строгий; с каждым из них она переписывалась сама еженедельно, осведомлялась о воспитанниках и воспитанницах, об их поведении и здоровье, и всегда давала мудрые и человеколюбивые советы. Директрисы учебных заведений были в большом почете, имели голос в Опекунском совете и не играли роли старших классных дам и угодниц почетных опекунов. Это происходило от того, что они имели, кажется, право переписываться с государынею и представлять ей о нуждах заведений. По крайней мере, таким правом пользовалась г-жа Цеймерн⁴⁶. Все воспитанницы института при Воспитательном доме всю жизнь пользовались покровительством дома, их воспитавшего, и могли возвращаться туда, когда были недовольны своими местами в частных домах. Все было придумано нежным сердцем для пользы, радости и покоя всех от нее зависящих. Это было не сухое, безжизненное покровительство, но материн-

ское попечение. Зато приезд ее в институт был настоящим праздником. «Maman, maman! Mütterchen!» слышалось отовсюду. Бывало, за большим обедом она приказывала снимать десерт и отсылать его в который-нибудь институт поочередно. А как просила она в своем духовном завещании опекунов помнить, что первым основанием всех действий должно быть благодеяние! Особенным вниманием ее пользовались покинутые своими матерями младенцы. Однажды отец мой, почти всегда ее сопровождавший при посещениях ею заведений, выразил удивление, что она так нежно целовала маленькие члены этих несчастных, осматривала белье на кормилицах и проч. «Ах!— отвечала она,— все эти брошенные дети теперь мои и во мне должны находить попечение, которого они лишены».

В последние годы ее жизни государь, найдя Обуховскую больницу умалишенных⁴⁷ в самом жалком виде, просил императрицу Марию Федоровну принять ее под свое покровительство, что она и исполнила с радостью, и многие из помещенных там больных выздоровели благодаря кроткому с ними обхождению. Она вступала в их круг, давала целовать им свою руку, что немало пугало моего отца,— и они называли ее «благодетельная мадам». Она придумала устроить для них загородный дом, где бы каждый имел свой садик. Все это изобретала сама, а мало заимствовала из теорий, хотя со вниманием выслушивала и читала их. Один только упрек можно сделать памяти Марии Федоровны, что она уже слишком много любила все немецкое и много призывала немцев в Россию; но это происходило от ее любящего сердца, не могшего оторваться от ранних привязанностей. Государственных общих взглядов она не имела, да и кто в то время знал Россию?.. И мы все знали ее только из иностранных книг. Благодаря обществу так называемых славянофилов мы

много узнали о своем народе и начали его любить как следует, а потом великое дело освобождения крестьян довершило наше воспитание. С этих пор становится стыдно не любить Россию...

Преданная исполнению семейных своих обязанностей и необыкновенно заботливо следившая за воспитанием детей своих (кроме двух старших, которыми занималась сама Екатерина), императрица Мария Федоровна не вмешивалась в дела государственного управления; но во внешней политике она умела поддерживать достоинство России. Наполеон сказал, что из всех коронованных особ в Европе она одна пред ним не преклонялась. Его попытки вступить в родство с русским царственным домом были отвергаемы императрицею Мариею Федоровною (известно, что он сватался за Екатерину Павловну и потом, еще настойчивее, за младшую сестру ее, Анну Павловну)⁴⁸. В 1808 г., когда государь поехал на свидание с Наполеоном в Эрфурт⁴⁹, она была этим очень недовольна. Ей казалось, что через это государь унижал достоинство России. В духовном своем завещании она называет Россию — милою нашею Россией и желает ей много хорошего.

В частности же она любила всех. Когда она посетила Ростов, то народ был до того обрадован ее приездом, что женщины расстилали свои шелковые фаты в грязь и просили ее стать на них. Одна женщина подошла к карете ее. «Матушка! — начала она, — у меня к тебе просьба». — «Что такое, милая?» — «Мой сынок служит у твоего в гвардии рядовым, — поклонись ему от меня и скажи ему, что я посылаю ему мое благословение, и вот рублик гостинца отвези ему». — «Непременно, непременно все исполню». Тотчас по приезде своем в Петербург она послала за солдатом, передала ему благословение и рубль от матушки, похвалила его за то, что он добрый сын, и прибавила к гостинцу своих 25 рублей.

Приятно было всегда свидание с нею, потому что благосклонность постоянно сияла на ее лице. Особенно она любила встречу с детьми, и, бывало, нам трудно было укрыться от ее глаз; всегда ласкала она нас, особенно, конечно, по расположению к нашему отцу. Когда настала вторая Турецкая война, она приезжала в институт, в Смольный монастырь⁵⁰, и собирала там письма воспитанниц, чтобы с курьером вернее доставлять к их родным. А когда пала Варна⁵¹ под оружием русских, она, возвращаясь из Казанского собора, где благодарила Бога за победу, простудилась и занемогла своею последней, смертельною болезнью.

Я сказала только вообще о ее добродетелях; но кто может исчислить добрые дела той, которой всякая минута дня была им посвящена? Вечером у нее всегда собиралось избранное общество. Она садилась за работу, и кто-нибудь читал лучшие романы того времени. Тут она часто рассказывала о многом ею виденном и слышанном. Поутру вставала она в 7 часов, а летом в 6 часов, обливалась холодною водой с головы до ног и после молитвы садилась за свой кофе, который пила всегда очень крепкий, а потом тотчас занималась бумагами. Она пользовалась крепким здоровьем, любила прохладу — окна были постоянно открыты. Не зная усталости и болезней, ожидала того же и от других, что возбуждало ропот. В приемных и на больших представлениях она удивительно умела всякому сказать что-нибудь ему по сердцу и признавалась моему отцу, что умению обходиться с людьми она выучилась у императрицы Екатерины. Дочери ее также были приветливы без фамильярства, и не было во всем мире принцесс милее и любезнее. Императрица и великие княжны без усталости и лени всех принимали и со всеми беседовали. Император Наполеон сватался за великую княжну Екатерину Павловну. Тогда нашим послом в

Париже был граф Петр Александрович Толстой⁵². Не помню, кто из приближенных Наполеона (кажется, Коленкур⁵³) стал об этом говорить графу; тот отвечал, по повелению государя, что это зависит не от него, а от матушки, которая располагает судьбою своих дочерей, а она не соглашается на этот брак. Когда спрашивали, почему? — он отвечал: «Не заставляйте меня говорить то, что мне неприятно сказать, а вам неприятно слышать». А великая княжна сказала моему отцу: «Я скорее пойду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца». Вскоре после этого Екатерина Павловна вышла за принца Ольденбургского⁵⁴, своего двоюродного брата, а впоследствии за короля Вюртембергского⁵⁵ — своего и мужа двоюродного брата. Кончина ее весьма загадочна. Едва императрица-матушка оставила ее цветущею здоровьем, как она, садясь в ванну, почувствовала себя дурно и кончила жизнь без всякой предшествовавшей болезни. Этого обстоятельства никогда не могли объяснить врачи.

Когда сыновья Марии Федоровны стали подрастать, она, кроме осени, проводимой, по обыкновению, в Гатчине, оставалась там две зимы, находя, что такое уединение способствовало воспитанию великих князей. Я живо помню это время. Оно было очень приятно для нас, детей. Там находился упраздненный арсенал, который разделялся как бы на несколько приемных зал. В одной части была гора для катанья, а в другой были собраны музыкальные инструменты; в остальных находились разные игры — бильярды, фортуны и проч. Тут же находился и театр. Бывало, мы бежим туда с радостью после своих уроков, — бежим, чтобы покататься на горе то на ногах, то на сукне, то в тележке. Тут же происходили разные сюрпризы для императрицы, которые она очень любила. То мы, дети, все костюмированные, составляем группу, то игралась всего чаще

французская пьеса на театре, то составлялась ярмарка, где, конечно, доставалось нам много игрушек и конфет. Так проходило время в этой резиденции, и угрюмый Гатчинский дворец⁵⁶, построенный братьями Орловыми, в подражание феодальных замков, с подъемными мостами и тайными переходами, и подаренный Екатериною своему сыну, — оживлялся любезностью его обитателей. На мое воображение действовала приятно эта величаявая угрюмость, беспрестанные оклики часовых и проч. Все оставалось как при Павле, не было только страшного владыки этих мест, довольно богатых природными красотами, особенно озером и зверинцем с оленями.

В Павловске императрица Мария Федоровна ежедневно утром часа два ходила пешком, после того, как оставила верховую езду. После обеда она любила кататься на линейке, вмещавшей персон восемь; за этою линейкой следовали другие со свитою. Поезд отправлялся куда-нибудь в павильон, чаще всего розовый, где выходили для чая или вечернего собрания. Почти ежедневно обедали или пили чай то на галерее, то в каком-нибудь павильоне, то на ферме. Эти беспрестанные разъезды очень тяготили прислугу и отчасти свиту. Всюду нужно было привозить лишнюю мебель, кастрюли и все припасы, требуемые роскошным столом. Тогда много на это роптали, но теперь мне кажется, что это было понапрасну. Все были заняты работой, а для прислуги это не худо. Только для образованных людей досуг очень нужен, потому что они умеют его наполнять благородными занятиями. — Лет десять тому назад я посетила эти места, партер заглож и розанов не было; но все оставалось в прежнем виде внутри розового павильона. Известный мне альбом лежал на том же столике. В нем писали Жуковский и Крылов. Грустно видеть опустелыми места, прежде столь дорогие,

оживленные присутствием дорогих и милых сердцу людей.

Мария Федоровна жила хорошо со своим мужем и тогда, когда он стал заниматься Екатериною Ивановною Нелидовой⁵⁷. Мария Федоровна в горести сердца своего жаловалась императрице Екатерине II. Та вместо ответа подвела ее к зеркалу, сказав: «Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя *petit monstre*,— перестань кручиниться и будь уверена в своих прелестях». И в самом деле, скоро сама Мария Федоровна уверилась, что в этой предполагаемой связи было только очарование умом Екатерины Ивановны, в самом деле очень замечательным. Она сделалась ее другом и такой оставалась до конца жизни императрицы. Скоро после восшествия на престол Павел приехал в Москву. Я уже говорила о бале, данном ему в собрании. На этом бале девица Лопухина⁵⁸ объяснила государю свою любовь к нему. Государь был поражен этою выходкой и писал о ней в Петербург в шутливом тоне, выражая свое негодование против наглости московских девиц. В день, когда ожидали его приезда в Петербург, Мария Федоровна и Екатерина Ивановна Нелидова выехали к нему навстречу. Каково было удивление их, когда он обошелся с ними холодно, а о девице Лопухиной отзывался уже совсем иначе. «Тут,— рассказывала императрица,— мы узнали свою беду». Вскоре Лопухина со своим отцом приехала в Петербург и заняла свое место при дворе.

Императрица была очень милостива к своей прислуге и даже баловала ее. Однажды батюшка, пришедши к ней, нашел ее не в духе; она упрекала его за то, что он не дал накануне экипажа ее камер-юнгфере.— «У них,— говорила она,— были родные из дальней губернии, которые желали видеть мое Павловское». «Поверьте, ваше величество,— отвечал отец,— никаких родных не было; это все ложь и

только напрасно вас беспокоят». — «Ну, поди, поди, помирись с ними». — Он должен был поцеловать ручки у них, а они, смеясь, признались, что никаких родных у них не было. В другой раз батюшка, пришедши, увидал камердинера императрицы в слезах. Он спросил его о причине огорчения; тот отвечал, что императрица на него разгневалась за кофе, который ей показался кислым. Батюшка, вошедши к императрице, сказал ей о слезах камердинера. «Позови его ко мне», — отвечала она. — «Прости меня», — говорила она камердинеру, — за мою вспыльчивость. Ты знаешь, как немки любят кофе: ничем нельзя их рассердить больше, как сделать кофе не по вкусу».

Раз императрица сказала моему отцу: «Ты, мой друг, хочешь ли называться моим другом?». Он отвечал: «Я не могу быть вашим другом, так же как и вы моим. Дружба требует равенства и взаимности услуг, а я не могу от вас требовать того, что требовал бы от друга». Другой раз батюшка привез ей много цветов и поставил их у входа ее кабинета. Она всплеснула от радости руками и спросила, кто привез ей цветы. Когда она узнала, что цветы доставил Сергей Ильич, то сказала ему: «Благодарю тебя за твой прекрасный подарок». — «Это не подарок», — отвечал отец, — я прошу вас заплатить за это деньги». — «Ах! Подари мне эти цветы, — скажи, что даришь мне их!». — «Нет», — отвечал отец, — я не подарю их и никогда ничем не буду дарить вас». — «Какая причина твоего упрямства?» — спросила императрица. — «Да та, что вы богаче меня, и я не хочу, чтобы вы за мои подарки платили мне вдвое». Так всегда прямо и откровенно объяснялся мой отец и за то был уважаем всеми.

С молодыми великими князьями он обходился как с детьми, выросшими на его глазах, и журил их, когда они того заслуживали. Раз, в кабинете императрицы в Москве, они отзывались с насмешкой

о московских экипажах. Отец мой сказал им: «Как грустно слышать это из уст ваших; вы бы должны были с почтением смотреть на эти старые колымаги: они оттого еще существуют в Москве, что родители употребляют свои последние деньги для содержания вашей гвардии». — «Спасибо тебе, Сергей Ильич, — всегда так вразумляй их, я прошу тебя», — сказала императрица.

Когда, в четырнадцатом году, императрица Елизавета Алексеевна⁵⁹ ездила за границу и ей нужны были экипажи, то отец мой призвал подрядчиков и согласил их всех поставить экипажи по своей цене, говоря им, что Россия потерпела большие убытки и в казне оставалось мало денег, обещая им, впрочем, что все будет заплачено тотчас по возвращении из-за границы царственных лиц. Они возвратились, но министр Гурьев⁶⁰ отказался платить, говоря, что он действует по воле государя. Отец мой сказал ему, что он сдержит свое слово или выйдет в отставку. Еще им дорожили, и потому деньги были выданы немедленно. Но лет через 5 настало время, и он должен был удалиться.

Отец мой все время своей службы старался улучшить коннозаводство, выписывая жеребцов из Англии и поощряя частных заводчиков. Он даже посылал агентов в Аравию, где украдкой от племени покупались лошади и выводились с опасностью для жизни.

Порода кровных лошадей сделалась отличною. Но вдруг некоторым не знающим дела людям вздумалось это разрушить. Стали говорить, что для нас кровных лошадей не надобно, что нужно заводить более простых лошадей, что заводы стоят дорого и проч. Был составлен комитет; в этом комитете сидели: Илларион Васильевич Васильчиков, Левашев и Козенц⁶¹, и решили преобразовать коннозаводство, уничтожить кровные породы и развести простые.

Но, чтоб исполнить это пагубное для коннозаводства намерение, нужно было удалить моего отца.

Странное намерение! Что лучше кровных лошадей может быть для кавалеристов? Вскоре после выхода в отставку моего отца началось дело разрушения. Лошадей распродали, заводы уничтожили. Конечно, польза от батюшкиных трудов все-таки осталась: охотники воспользовались этим случаем для своих частных заводов.

С чего началось гонение на него, я сама не знаю; может быть, его прямой и откровенный характер был тому причиною или другие обстоятельства,— мне неизвестно. Но предлог был следующий: чтобы наполнить казну, выдумали стеснить, ограбить откупщиков, и вышло повеление государя, чтобы взыскать вдруг все, что они должны казне, и не платить тех денег, которые им была должна казна. Петербургским и вместе новгородским откупщиком был Перец; он имел претензию на казну в 2 миллиона, а ей должен был один миллион. Повелено было взыскать этот миллион. Разумеется, его откуп лопнул, и имение залогодателей должно было поступить в продажу с публичного торга.

Указ был написан так, что все недоимки должны быть взысканы без всяких отговорок; таким образом и все казенные крестьяне, разоренные уже войною, подлежали тому же. Моего отца не так сильно огорчали свои дела,— так как его имение тоже было в залоге по откупу,— как положение казенных крестьян, особенно тех, которые были приписаны к конюшенной команде. Он пошел к великой княгине Марии Павловне и сказал ей: «Я пришел просить вас не о себе, хотя я разорен совершенно,— мое имение было в залоге у Переца, но дети мои не умрут с голода,— государь их не оставит. Вы же подите к своему брату и просите его, чтобы крестьяне были изъяты от последствий такого указа». Ходатайство

моего отца имело силу: последовало разъяснение, в котором было сказано, что этот указ не касается крестьян. Перец, не имея на то права, не сказавши ни слова моему отцу, перезаложил имение наше из петербургского откупа в новгородский, который еще удержался. Тогда залогодатели этого откупа предложили батюшке взять вместе с ними откуп на имя одного из них, Татищева, на оставшиеся два года. Батюшка, чтобы сохранить свое имение, согласился. Тотчас представили это в другом виде государю, который сказал, что неприлично его обер-штабмейстеру быть откупщиком, не размыслив, что само правительство было тогда первым откупщиком в России. Как скоро враги моего отца поняли, что государь недоволен им, они стали разным образом клеветать на него и, что всего ужаснее, подкупали кучера, любимого государем, известного Илью, чтоб он рассказывал государю небылицы.

Много лет после этого, будучи на смертном одре, Илья писал в Москву и просил прощения у батюшки, объясняя, что он не может умереть спокойно, если батюшка не простит ему за клевету. Всего более огорчало моего отца то обстоятельство, что в заговоре против него были некоторые из сослуживцев по конной гвардии, которых он лелеял, как детей. Четыре месяца мучили его разными неприятными бумагами и не отпускали в отставку. Почти все эти бумаги писаны князем Петром Михайловичем Волхонским⁶², который раз, приехавши с визитом к батюшке, сказал ему: «Вы не сетуйте на меня, Сергей Ильич,— я исполняю только волю государя». Отец мой отвечал: «Конечно, всякую волю царскую мы обязаны исполнить; даже если бы государь сказал мне: «Повесь Петра Михайловича Волхонского на осине, я сейчас бы это исполнил». Наконец решилась судьба моего отца. Он получил давно ожидаемое им с нетерпением увольнение, с пенсионом в 10 000 руб.

ассигнациями и с дозволением взять сколько ему угодно экипажей и придворной прислуги, так как он должен был считаться только в бессрочном отпуску. Он взял только одну старую четвероместную карету и одного человека, который всегда и оставался при нем в придворной ливрее. На последней прощальной аудиенции государь сказал ему: «Останься с нами, я прошу тебя; ты останешься при матушке, а я тебе дам место в Государственном совете и аренду». Отец мой отвечал: «Место в Государственном совете я принять не могу, потому что не приготовлен к гражданским делам; что же касается до аренды, то давно ли вы считаете меня продажным?». — «Как продажным?» — сказал государь. Отец ответил: «Что скажут обо мне в обществе, если после стольких неприятностей, приняв от вас аренду, я останусь при дворе?». — «Тебе, кажется, общественное мнение дороже моего расположения». — «Признаюсь, ваше величество, что вы не ошибаетесь. Милость ваша, как я испытал на себе, изменчива, а хорошее мнение о себе в обществе я надеюсь сохранить до конца моей жизни». — «Ну, полно же, — сказал государь, обняв его, — расстанемся друзьями. Если ты хочешь или что нужно будет, — всегда можешь писать ко мне; а ты будешь исполнять мои комиссии в Москве по покупке лошадей». Тем и кончилось последнее свидание. Отец мой всегда с чувством говорил о нем, удивляясь благодушию государя, который без малейшего знака гнева мог выслушать такие слова от подданного.

После нескольких лет, когда наступило время свадьбы великого князя Михаила Павловича⁶³, государь, бывши в Москве, звал моего отца на свадьбу, был с ним очень ласков и подарил третьей сестре моей, Елизавете Сергеевне, шифр⁶⁴; вторая получила его уже прежде. Потом, когда Михаил Павлович приезжал в Москву пить минеральные воды, отец мой

нарочно приехал из деревни, чтобы видаться с ним. Тронутый этим вниманием, великий князь пригласил его к себе обедать каждый день и переводил ему сам французские газеты. Тогда была французская революция и Карл X был изгнан из Франции⁶⁵. В разговорах великий князь спросил моего отца, какого он мнения об этой революции. Отец мой отвечал, что находит совершенно законною, так как Карл X нарушил все постановления конституции, сохранять которые он был обязан по данной им присяге; если простой преступник преследуется законом, то что можно сказать о царе-клятвопреступнике? — «Так-то ты рассуждаешь», — сказал великий князь, — чего же после этого ожидать от молодых?». Однако он на него не прогневался и продолжал дружеские с ним отношения. Из этого можно видеть, сколько мой отец опередил свой век и что не напрасно прошли для него эти годы.

II

В 1812 г. императрица Мария Федоровна призвала моего отца и сказала ему: «Неприятель идет в Петербург, и мы все уезжаем в Архангельск; тебе некогда будет думать о своем семействе, — ты должен быть при мне. У тебя братья в Москве; отправляй свое семейство в Москву сейчас же, — всякая минута дорога». Батюшка, возвратясь из дворца, тотчас же начал принуждать матушку собираться в путь. «Помилуй, мой друг, — говорила матушка, — бедные дети в сыпи». — «Если б это была даже корь — должны ехать». В несколько часов мы собрались, приказав все ценные вещи в доме собрать и отправить за нами в Москву. Батюшка остался без денег с серебряным туалетом матушки и с серебряными блюдами. Все это, по отъезде нашем, тотчас было послано на монетный двор и превращено в рубли. Итак, мы отпра-

вились спасаться от неприятеля в Москву. Тут застали мы своих дядей, всех встревоженных слухами о приближении неприятеля. Надобно было собираться в путь, — но куда? Батюшка писал, чтобы мы ехали в Ярославль, что для нас там приготовлена квартира и что там будет великая княгиня Екатерина Павловна, и потому слухи будут вернее и письма будут приходить с большею точностью. Но в Москве ходили слухи о неимоверности дороговизны припасов в Ярославле, что впоследствии оказалось ложным. А так как старший брат моего отца⁶⁶, пользовавшийся в семействе авторитетом и бывший тогда сенатором, ехал в Казань с Сенатом, то уговорил и матушку ехать вместе до Нижнего Новгорода. К счастью, в Москве находился приверженец батюшки, Абрамов, один из смотрителей конных заводов. Он и дядя Александр Ильич⁶⁷ снарядили матушку и купили хороших лошадей; Абрамов при этом отдал все свои деньги, что было величайшим самоотвержением. Мы переехали сначала в село Успенское, где должны были взять с собою дядю Ивана Ильича⁶⁸ с семейством, который ехал в свою нижегородскую деревню. Можно себе вообразить, каков был наш поезд: три семейства многочисленные, с прислугою еще более многочисленною, и все на своих лошадях. Один из дядей был очень медлителен, другой — необыкновенно скор: бедная матушка должна была сообразоваться и с тем, и с другим. Наконец мы дотащились до Владимира; здесь губернатор Супонев⁶⁹ уговаривал матушку остаться, уверяя ее, что он препроводит ее вместе с женою, как только будут верные слухи о неприятеле. Решились на общий счет послать в Москву находившегося при матушке казенного человека, ездового, добыть точных сведений. Он приехал с известием, что народ разбивает кабаки и что неприятель близко к Москве. Не слушая Супонева, матушка решилась ехать далее, уверенная, что послед-

ний ничего не сделает из обещанного, и, кажется, она не ошиблась, потому что он не исполнил даже ее просьбы — пересылать аккуратно ее письма. Они все залежались во Владимире, и матушка два месяца не имела известий от отца, чего не могло бы быть в Ярославле. В Нижнем Новгороде съехалось множество семейств из Москвы. К обедне ездили все в Девичий монастырь, прекрасно устроенный бывшею тогда игуменьей. Хотя была я маленькою девочкой, но помню, какое ужасное впечатление сделало известие о занятии неприятелем Москвы, сказанное в церкви госпожой Хвостовой.

Тут мне должно рассказать два случая; один — относящийся к чести собственных наших крестьян. Из недавно купленной деревни матушка потребовала 5000 руб. оброка, который немедленно был прислан. Второй случай еще лучше обрисовывает характер нашего народа. Дядя мой, Иван Ильич, посетивший в первый раз свою нижегородскую деревню, был принят как давно желанный гость; ему отвели несколько изб и беспрестанно давали для него обеды. Крестьяне приходили просить: «Пожалуйте нам вашего кушара и чтобы Франц Иваныч был за обедом». Этот Франц Иваныч был французский аббат, который боялся русского народа в это время; но крестьяне были с ним очень ласковы и рассеяли его страх. Со своих обедов крестьяне не отпускали гостей с пустыми руками и дарили их полотнами. Так поступали они и с семейством дяди Дмитрия Ильича⁷⁰, укрывшегося в той же деревне у брата. Когда же дядя Иван Ильич уезжал из деревни, они бросили ему в карету 500 руб. Дядя, разумеется, не хотел их брать, но они так неотступно умоляли его, что он решился их взять, говоря, что он зачтет эти деньги за оброк. «Нет, нет, — говорили они, — не считай их; это наш подарок. Ты приехал к нам не на радость, а делить с нами горе;

за то и мы хотим поделиться с тобою нашими достатками».

В Нижнем мы жили около двух месяцев и не имели от отца никаких известий, что очень нас тревожило; наконец является посланный от него с приглашением возвратиться в Петербург. Надобно было ехать на Углич и Бежецк по дороге вновь проложенной и выехать на Петербургскую дорогу. Морозы были тогда страшные, до тридцати градусов, и так как ни люди, ни лошади не были приучены к каретной езде, то мы ехали по 25 верст в день.

Приближаясь к Петербургу, мы встретили одного ямщика, который, подойдя к карете, сказал матушке: «Сергей Ильич приказал вам долго жить», — и что он был при его похоронах. К счастью, матушка была обдумчива; она спросила, в который день это было, и сообразила, что она имела письмо батюшки позднее сказанного числа; но все-таки со встревоженным чувством мы ехали до Петербурга.

По приезде узнали, что батюшка во дворце. Скоро он возвратился, и радость свидания была неописанная.

III

1825 года, 14 декабря, назначена была присяга новому императору Николаю Павловичу. Батюшка поехал во дворец, не зная ничего о происходившем. Дворец был полон приехавших к присяге. Отец мой подошел к окну комнаты перед кабинетом, где стоял Николай Михайлович Карамзин, и тут увидел, что государь стоит в воротах и читает манифест войску. Он спросил у Карамзина, что это значит. Тот объяснил ему, в чем дело. Скоро в эту комнату вошла императрица Мария Федоровна, держа за руку наследника престола, нынешнего государя, и в сопровождении императрицы Александры Федоровны.

«Следуй за нами, Сергей Ильич», — сказала она моему отцу.

Здесь я должна исправить ошибку, вкравшуюся в записке графа Комаровского⁷¹ (напечатанной в «Архиве»), который говорит, что Карамзин был в это время один в кабинете с Императорскою фамилиею. Я полагаю, что ошибка гр. Комаровского произошла от того, что отец мой имел сходство с Карамзиным в росте. И он, и отец мой неоднократно входили в ту комнату, где находились обе императрицы с государем наследником. В кабинете, куда удалилась императрица с семейством, остался с ними только мой отец и генерал Мердер⁷², воспитатель великого князя. Сначала императрица Александра Федоровна была очень расстроена и очень много плакала. Вдовствующая императрица утешала ее, как могла. Время длилось, было уже поздно. Государю наследнику захотелось кушать, и он начал жаловаться на голод. Батюшка принес ему с кухни котлетку, усадил его за стол, снял с него гусарский ментик⁷³ и хотел взять с него саблю, чтоб ему было покойнее сидеть; но он ударил по эфесу и сказал: «Этого я никому не отдам». Между тем приходили разные вестники с площади. Наконец явился посланный от государя объявить императрице Марии Федоровне, что, истощив все средства кротости и убеждения, он должен будет приказать палить из пушек, но что он надеется, что достаточно будет одного или двух выстрелов. Это так ее поразило, что батюшка думал, что с нею сделается апоплексический удар. Она всплеснула руками и вскричала: «Боже мой, до чего я дожила! Сын мой входит с пушками на престол!». Тут уже императрица Александра Федоровна стала за нею ухаживать. Между тем наследник, — ему было тогда только семь с половиною лет, — стоявший на окне, закричал: «Я вижу, папа едет!». Вскоре прибыл государь, и произошла самая трогательная сцена. Все бросились друг

к другу в объятия и потом пошли в церковь служить благодарственный молебен, который весь простояли на коленях, в слезах. После чего уже последовали присяги.

Однажды в 1812 г. кучер государя, Илья, пришел к батюшке просить у него коляску.

Отец мой спросил, для чего ему нужна эта коляска. Тот отвечал: «Я скажу вам тайну: государь посылает меня в Новгород; там есть один юродивый; государю угодно спросить у него, что́ он скажет о начинающейся войне». Тогда отец мой сказал Илье: «Если ты уже поверил мне тайну, то по возвращении скажи мне ответ юродивого». Вот его рассказ: «Потру, еще до моего приезда, юродивый велел женщине, которая ходила за ним, вымести почище комнату, говоря, что к нему приедет гость. А когда я вошел к нему с хлебом,— обыкновенный принос тех, которые к нему приходили,— он сказал: ты пришел от Белого царя; скажи ему от меня, чтоб он не унывал, что враг,— тогда Наполеон только перешел Неман,— должен быть в его столице, но что все кончится благополучно и что он сам будет в столице врага».

Я этот рассказ слышала в то время и очень хорошо помню каждое слово, только не помню, как звали юродивого.

Когда государь Александр Павлович кончил жизнь, отец мой поехал в Петербург поздравить Николая Павловича с восшествием на престол.

Императрица Мария Федоровна спросила его об Аракчееве. Отец мой стал говорить искренно, что́ он думал о нем. Тогда она сказала: «Ах! Пожалуйста, не говорите о нем дурного,— это был друг императора Александра». Тут вошел великий князь Нико-

лай Павлович и увел моего отца к себе в кабинет. «Не говори матушке об Аракчееве,— ты ее расстроишь»,— сказал он. — «А вам могу я говорить?». — «Мне, конечно, ты можешь все говорить». — «Ну, так я вам скажу, что пока вы здесь церемонитесь с вашим братом в том, кто должен взойти на престол, Аракчеев занят тем, чтобы разыскивать убийц своей любезной⁷⁴. Все тюрьмы новгородские полны и у него множество царских бланков, так что он может ссылать в Сибирь кого ему угодно». — «Хорошо, что ты мне это сказал,— ответил великий князь;— я сам ничего не могу сделать, но сего же дня соберу Государственный совет, который немедленно пошлет курьера взять бланки. Я не могу тотчас удалить Аракчеева, так как он был дружен с моим братом; но ты можешь всем сказать, что при мне он не будет иметь той силы, которую имел». Так и было исполнено. Через несколько дней Аракчеев приехал в Петербург и представился императрице Марии Федоровне. После чего она рассказывала батюшке, как он ее тронул, как он распростерся у ее ног. «Ну, что же ты ничего не говоришь, Сергей Ильич?»— спросила она. — «Да вы запретили мне говорить». — «Теперь я требую, чтобы ты сказал, что думаешь»,— говорила императрица. — «Я думаю,— отвечал отец мой,— что Аракчеев совсем не так расстроен, как вы воображаете, и в доказательство я приведу вам то, что после смерти этой скверной женщины, которую он любил, он был так расстроен, что не мог приехать в Государственный совет 6 недель; а теперь приехал и занял свое место, чтоб его не потерять». — «Я вижу, как ты его не любишь»,— сказала императрица.

Великий князь Николай Павлович поручил батюшке привезти тело государя Александра Павловича в Петербург. Когда он сопровождал тело, то Аракчеев выехал навстречу из Грузина⁷⁵ в трауре и просил позволения сесть на дроги в головах у тела.

Батюшка не решился ему в этом отказать. Впоследствии ямщики спрашивали моего отца: «Видел ли ты, батюшка, чёрта?» — «Нет, не видел и надеюсь на милость Божию, что никогда не увижу». — «А как же он сидел в головах у царя и мертвому так же не давал покоя, как и живому?».

После, когда императрица Мария Федоровна ехала на коронацию в Москву, государь поручил батюшке сопровождать ее.

Эти две услуги послужили поводом для государя дать моему отцу Андреевскую ленту в день коронации.

Правда, служба его стоила этой награды, но все-таки она была беспримерною в отношении к человеку, жившему уже на покое.

В 1819 г. мы ездили во вновь купленную деревню, в Тамбовской губернии, близ города Шацка, на освящение храма⁷⁶, построенного батюшкой во имя Спаса Нерукотворенного. Святил храм архиерей Иона, бывший после того экзархом⁷⁷ в Грузии. Он приехал за сто верст из Тамбова с многочисленною свитой, разумеется, на наш счет. С ним были два архимандрита, ключарь соборный и еще строитель монастыря, кроме протодиакона и певчих. Всем были наняты квартиры в городе, где мы и сами жили в доме купца. Надобно объяснить, что наше село — пригородное, так что составляет как бы улицу города, и самая торговая площадь городская нам принадлежит. Это имение мы купили у Разумовского, а его отцу оно было пожаловано императрицею Елизаветою Петровною. Имение это называется Черная Слобода, потому что в нем — все городские кузницы. Кузнецы эти — такие мастера, что делают экипажи. День

освящения был самый торжественный. Церковь эта великолепная, с самою лучшею живописью, какую только можно вообразить; а работана она, т. е. живопись, бывшим крепостным человеком семейства Мухановых. Он имел великий талант, и здесь, в Москве, есть иконостас его работы, которым любуются знатоки. Стилъ его был строгий итальянский, но приноровленный к понятиям православных. Архиерей и на другой день еще захотел служить в новом, как он говорил, соборе. Гостей у нас было до 40 человек. Преосвященный обедал у нас; свите его готовились обед и ужин также у нас, но относились к ним на квартиры. Я помню, что дядя Николай Ильич прислал нам к этому празднику из своей деревни сорок стерлядей.

IV

Когда Веймарский принц приехал свататься за великую княжну Марию Павловну, он был неуклюж и прост, так что батюшка сказал императрице Марии Федоровне: «Неужели вы отдадите за него нашу великую княжну?». — «Конечно, не без ее согласия», — отвечала императрица. Через несколько дней батюшка сопровождал императрицу и великую княжну Марию Павловну верхом; с ними ехал принц. Это было в Павловске. Они остановились у Елизаветинского павильона. Императрица, великая княжна и принц пошли наверх, а батюшка остался внизу. Вдруг, к его удивлению и скорби, он увидел, что принц, сходя с лестницы, целовал руку Марии Павловны. Тут сердце ему сказало, что судьба милой великой княжны решена, а вечером они получили записку от императрицы, написанную карандашом на маленьком клочке бумажки: «Благословите нас, батюшка, мы просватали великую княжну за принца Веймарского».

В последний раз, когда великая княгиня была в Москве, она сказала, что нарочно ездила в Елизаветинский павильон, чтобы возобновить воспоминание этой прогулки с моим отцом. Она жила долго с мужем, который был добрый человек, хотя необыкновенно прост умом. Она же была столько же умна, сколько добра — и добра, как ее мать. В Веймаре она, сколько позволяли средства, делала добро, учреждала заведения. А в 1813 г. заложила все свои бриллианты, чтобы помогать раненым, преимущественно русским. Ни один русский не проезжал через Веймар, не посетив ее и не быв приветствован. Когда мы были у великой княгини в 1840 г., можно было только удивляться ее радости и радушию, с которыми она приветствовала моего отца и мать; посылала каждый день свой экипаж за ними, — даже гресс-герцог участвовал в том же. Мы пробыли там три дня. Он со слезами на глазах упрашивал, чтобы мы остались еще. К несчастью, сделать это было невозможно.

Когда государь Николай Павлович приехал на коронацию, он говорил с батюшкой о печальном происшествии 14 декабря и о том, как должно воспитывать детей в таких правилах, чтобы не могло чего-либо подобного случиться. Батюшка говорил: «Позвольте заметить вашему величеству, что большая часть молодых людей, замешанных в этой истории, ваши воспитанники, а не наши». Так он оставался всегда верен своему откровенному характеру. Еще одна черта или две обрисуют его характер. Государь, в этом разговоре, упрекал моего отца за то, что он не принял выбора в губернские предводители дворянства, а отговорился довольно преклонными летами: «Если такие люди, как ты, — сказал государь, — не будут мне помогать, то что я могу сделать один?».

Великая княгиня Елена Павловна⁷⁸, во время пребывания своего в Москве, оскорбила моего отца тем, что не приняла его в частной аудиенции, как двух князей Голицыных — князя Сергея Михайловича и князя Дмитрия Владимировича — и графа Петра Александровича Толстого⁷⁹, а вышла к нему в общую залу и начала говорить с ним по-французски, забывши, что он не знал этого языка. Однако же, спохватившись, она в другой раз пригласила его и меня в свой кабинет и тут, с намерением или без намерения, сказала моему отцу: «Я теперь много узнала Россию» (она только что возвратилась из путешествия во внутренние губернии). «Я знаю,— продолжала она,— что такое подвода и постой. Как странно, что матушка, жившая более пятидесяти лет в России, совсем ее не знала». — «Это, вероятно,— отвечал мой отец, которого она кольнула в самое больное место,— потому, что тогда не так часто разъезжали по России и берегли народ, для которого эти вояжи всегда обременительны». Мне было очень совестно, но батюшка, не дождавшись ее отпуска, откланялся, говоря, что он не хочет более обременять ее своим присутствием, так как, живя давно далеко от двора, он забыл, как должно обращаться с высокими особами. Она погрозила ему пальцем и сказала: «Вы меня не любите»,— и потом объявила, что она едет на другой день в 9 часов. Несмотря на этот намек, отец не поехал ее провожать.

Впоследствии она не знала, как загладить свою вину, и пригласила моих родителей к себе обедать в кабинет, где был только ее брат и даже не служили люди, а входили только по звонку, так как разговор шел по-русски, то есть в самую дружескую короткость.

Раз, когда Александр Павлович стал шутить с батюшкой в довольно нескромных словах, отец мой сказал ему: «Это с вашей стороны тем хуже, что я не могу требовать от вас удовлетворения, как бы поступил с частным человеком. Это несообразно с обыкновенною деликатностью вашего характера». Так люди того века, привязанные всем сердцем к царскому семейству, умели со всем тем держать себя не подобострастно, но с достоинством. Отца моего любила царственная семья, может быть, еще более потому, что уважала его и остерегалась его чем-нибудь обидеть, зная между тем, что он душою был ей предан. Конечно, и тогда было много льстецов и людей подобострастных, но все-таки обхождение с царями и их семейством было свободнее и благороднее. Краткое царствование Павла Петровича не успело испортить духа, влитого в нацию Екатериною.

Император Александр Павлович ждал приезда прусского короля. Ему хотелось, чтобы к приезду, до которого оставалось не более двух недель, была приготовлена карета à la Domont, экипаж, где правят с коня. Император обратился с приказанием насчет такого экипажа к моему отцу. Батюшка отвечал, что в такой короткий срок этого сделать невозможно; государь тогда сказал, что нельзя ли сделать такой экипаж из обыкновенной кареты, отпиливши у нее козлы. Батюшка отвечал, что и это невозможно. «Ты все говоришь невозможно, но наверное моему отцу не посмел бы сказать». Отец мой на это сказал: «Разве вы желали бы, чтобы вас обманывали так же, как и вашего батюшку?» — «А как же его обманывали,— расскажи!» — «Однажды император Павел Петрович,— отвечал мой отец,— отдал приказание, чтоб его золотая карета на другой день была синею. В угождение государю, было решено пере-

красить эту карету. К счастью, был мороз и краска держалась: наутро подали эту карету государю, и он остался доволен. Но в течение его прогулки солнце пригрело краску, она растаяла, и карета сделалась из синей полосатою. Государь видел это, но тем не менее остался доволен, что исполнили его приказание». Император Александр Павлович, выслушав этот рассказ, сказал: «Нет, я не желаю, чтобы меня так же обманывали».

У матушки моей был танцевальный учитель Делека. Раз он приехал весь в грязи и рассказал, что он встретился с императором Павлом Петровичем. Так как было очень грязно, то он не сошел с дрожек, а только стал на подножку. Тогда государь, прогневавшись, велел его, одетого в белых чулках, водить по луже.

Раз император Александр Павлович шел по дворцовому коридору, и лакей, бежавший с каким-то приказанием, наткнувшись, толкнул его. Государь начал уже гневаться, когда Александр Львович Нарышкин⁸⁰ развеселил его шуткою, сказавши, что всего досаднее, что этот человек испортил русскую пословицу: «У страха глаза велики».

Раз государь Александр Павлович спросил за обедом: «Когда же, Сергей Ильич, я буду у тебя обедать?». — «Когда я не буду жить в казармах», — отвечал отец.

С начала царствования своего Александр Павлович чрезвычайно любил моего отца, ласкал его, бес-

престанно брал его с собою в коляску и приказал ему приезжать без зова обедать, когда ему вздумается. Но скоро, благодаря прямому и откровенному своему характеру, отец потерял этот фавор, потому что раз сказал не совсем приятное слово царю. Государь смотрел в лорнет на хорошенькую горничную императрицы. «Посмотри, как она мила», — сказал он отцу. — «С тех пор, как я женат, — отвечал он, — я перестал заглядываться на хорошеньких». С этого дня государь уже не приглашал его в свою коляску. Тогда отец еще не знал, что государь имел некоторое право поступать иначе.

Еще несколько слов о моем отце. Росту он был большого и с самою приятно наружностью; имел глаза карие, кроткие и ласковые, характер ровный и чрезвычайно приветливый; нос — неправильный, но рот очень приятный, и зубы, пока их не испортили каломелью и разными лекарствами, — ровные и белые. В семействе он был настоящим ангелом и другом своих детей. Он был очень богомолен, но любовь его к Спасителю была так естественна, как и все добродетели, — как будто он не мог быть иначе. Я всегда удивлялась его эстетическому вкусу в архитектуре и живописи; к музыке он не имел склонности, но очень любил садоводство. Вообще он имел в себе что-то такое привлекательное, что с первого раза его любили и уважали. Одевался он всегда очень аккуратно, так что племянники совестились бывать у него в сюртуках, потому что он сам ходил во фраке, хотя он часто выговаривал им за это. Последние годы он носил сюртук, но даже при нас он не любил, чтобы мы видели его без галстука. Вот его характеристика. Мне тяжело более распространяться, хотя о нем трудно было бы наговориться.

Друзей он имел много, да и можно сказать, что все человечество было его другом; слуги до сих пор не могут забыть его ласкового с ними обхождения.

Когда скончалась императрица Мария Федоровна, мы узнали об этом нечаянно на станции, ехавши в Москву из Калуги, но скрыли это до Москвы от отца. Тяжело было скрывать это от него, так как мы ехали в одной с ним карете, и тяжело было слушать, как он делал планы поездки своей в Киев с Мариєю Федоровною. Только что мы приехали в Москву, при самом входе в переднюю комнату, человек, оставшийся в Москве, поспешил объявить ему о случившемся. Это произвело такое сильное действие на него, что должно было немедленно пустить ему кровь из руки, после чего он хотел немедленно ехать в Петербург. К счастью, мундир его был в обозе, так что он несколько отдохнул поневоле. Когда он приехал в Петербург и вошел в ту залу, где стояло тело императрицы, все присутствовавшие были поражены и тронуты его горестью и все фрейлины стали за ним ухаживать. В Петербурге еще раз нужно было пустить пиявочную кровь. Он хотел непременно дежурить при теле первую ночь по приезде своем и пешком шел за гробом до самой крепости. Императрица Александра Федоровна заботилась о нем и присылала узнать, сколько лет моей меньшей сестре, и когда узнала, что она выезжает в свет, прислала ей свой фрейлинский шифр, сказав: «Чего не успела докончить матушка, то следует сделать мне».

V

Теперь я возвращусь к 1809 г., когда батюшка занемог своею тяжкою болезнью. У него были прекрасные белые зубы: вдруг, во время стола у императрицы, он почувствовал ужасную боль в зубе. Взяв в рот несколько красного вина, он утолил тем на минуту боль; но, приехавши домой, стал чувствовать то же. Боль приходила в один и тот же час и проходила без всякой причины. Теперь, когда медицина сделала столько успехов, тотчас узнали бы по этим пароксизмам перемежающуюся лихорадку; дать бы соответствующие средства, тем бы дело и кончилось. Но тогда признавали только один вид лихорадки, и болезнь отца приписали таким причинам, которые и не могли существовать. Они стали его лечить меркуриальными средствами и довели его почти до смерти, так что лучший из врачей, Крейтон⁸¹, когда увидел его в первый раз, назначил ему только шесть недель жизни. К несчастью, у него было семь докторов: домовый врач Кернер, Роджерсон⁸², доктор Екатерины II, который, правда, уже не практиковал и ездил только по дружбе, хотя и он иногда давал советы, Лейтон, привезенный друзьями Саблуковыми, Крейтон, присланный императрицею Мариею, Клеменц, доктор конюшенной команды — по долгу службы, Тиман, привезенный другом Витовцовым, и, наконец, Симсон.

Так и выходило по русской пословице, что у семи нянек — дитя без глаза. Наконец натура взяла свое, сделалась обыкновенная лихорадка, стали давать хину — и батюшка выздоровел. Но теперь нужно было выгнать из организма меркурий; для сего нашли одно средство — Кавказские воды и надобно было туда ехать. Государь приказал батюшке явиться к нему на прощание в простом сюртуке, как он ходил дома. Когда его увидел Вилье⁸³, доктор государя,

то сказал: «Какими судьбами вы вырвались из рук семи докторов?». — «Может быть, — отвечал шуткою батюшка, — оттого, что тебя не было осьмого».

Батюшка отправился в путь в сопровождении Кернера. До Москвы мы ехали вместе. Мне было тогда 6 лет. В Москве матушка, уже в тяжелом положении, осталась для разрешения от бремени. По истечении шести недель, по рождении моей сестры Екатерины⁸⁴, восприемницею которой была сама императрица, матушка отправилась в дорогу, в свою калужскую деревню, где и дожидалась батюшки. Он был уже в лучшем состоянии, но лихорадка по временам возвращалась, так что на следующее лето он должен был опять ехать на Кавказ. Тогда мы отправились уже всею семьею, то есть матушка, сестра Анна⁸⁵ и я, а две младшие остались у дяди Ивана Ильича в селе Успенском. Мы поехали с доктором Газом⁸⁶, который был послан исследовать минеральные воды; с ним был еще двоюродный брат матушки, Федор Александрович Ушаков⁸⁷, и еще один рязанский помещик, присоединившийся к нам в Рязани. Смешно было то, что он всегда хотел ехать между экипажами, когда мы приближались к Кавказу, думая, что так он лучше спасется от нападения черкесов. Тогда от Ставрополя давали путешественникам конвой, но для батюшки, по всей земле Донского войска, на всякой станции был назначен почетный конвой из десяти казаков с офицером. Батюшка обыкновенно дарил их деньгами и не брал конвоя; но иногда они настоятельно требовали, чтобы позволено было провожать нас. Я помню одного мальчика, лет 12-ти, который скакал всю станцию вблизи наших колес. Батюшка просил, чтоб его отпустили, но ему сказали, что подвиг молодого казака будет записан в его формуляре. Помню еще, как мы на барке переезжали разлившийся Дон, как казацкие старшины поднесли батюшке осетра, завернутого в богатом ковре,

который, конечно, им был возвращен; как батюшка чуть не утонул, свесившись за борт, при чем он был в большой опасности: казак, схвативший его за ногу, едва этим способом мог втащить его на барку. Замечательно, что однажды цыганка сказала ему, что если ему посчастливится не утонуть, он проживет долго. Батюшка кончил жизнь на 80-м году. Помню еще, как мы на горе проехали сквозь облако: как первый раз увидели саранчу и как нам подали в карету пойманное насекомое со странными крылышками.

Так запечатлеваются в этом возрасте отдельные картины, а связь пропадает. Мы ехали по земле донских казаков 200 верст в день — так гладка была дорога. Но из Москвы мы ехали до Кавказа три недели, потому что на ночь всегда останавливались, как бы плоха ни была станция. Впрочем, нужно признаться, что ночлеги были вообще очень скверные, — в одной комнате с нами бывали и телята. Нам строго было запрещено жаловаться или показывать брезгливость. По возможности, нас везде покоили по приказанию самого государя, разосланному через Министерство внутренних дел всем губернаторам. На Кавказе не было еще ничего устроено. В четырех верстах от вод было небольшое поселение и дом коменданта. Все приезжающие помещались в калмыцких кибитках, привозимых на верблюдах. У нас были две калмыцкие юрты, в которых устроены ванны пониже источника, так что в них было на 2 градуса меньше тепла. Тогда еще был один источник серных вод из горы Мичуги. При нас был открыт еще один источник, который был назван Елизаветинским⁸⁸. Город Георгиевск был тогда губернским городом и отстоял от вод на 40 верст; туда надо было посылать за лекарствами и за лимонами, но с нами была небольшая аптечка и все вина. Трудно было тогда ехать на Кавказ, — надобно было везти с собою все необходимое. Тут

застали мы колонистов⁸⁹, вызванных из Сарепты, где им наскучила их община.

Кажется, никто, кроме славянских народов, в общине не уживается, а как хороша она у нас! Истребить ее значило бы в теперешнем порядке правления — сделать из наших крестьян хуже лифляндских поселян. Каждое отдельное лицо было бы задавлено и землевладельцем, и так называемым кулаком, а община есть сила, охраняющая право и благосостояние крестьян и обеспечивающая взносы податей. Отнимите ее — и крепостное право возвратится в худшем виде, нежели прежде, потому что порвана будет вековая связь между помещиком и крестьянами; он станет для них чужой, не обязанный пеших об их благосостоянии, а только наблюдающий свои интересы. Люди везде одинаковы, и если русская натура помягче немецкой, все-таки будет больше корыстолюбивых, чем добрых. Конечно, хозяйство может быть лучше у отдельного поселянина, чем у общинника, но только в том случае, когда постановления государства свободны, когда везде царствует беспрепятственно закон, а у нас еще только начинают привыкать к легальности и при малейшем послаблении надзора проявляется произвол в самом диком виде. Нравы не изменяются так же скоро, как законы.

Но для чего я так далеко отвлеклась от предмета? Мне нужно было высказать несколько мучительных для меня мыслей. Живя часто в деревне, я хорошо знаю быт крестьян и знаю, что те, которые поумнее, понимают это дело так же, как и я; но, конечно, жалуются и на общину, как жаловались на помещиков, как будут всегда жаловаться, пока свет стоит, на все, — таков уже человек. Но возвратимся к колонистам.

Колонистов этих вызвали из Сарепты, но еще не отвели им земли, и они, бедные, не знали, куда приклонить свои головы, пристали с просьбами к отцу,

который взялся быть их ходатаем,— и точно, по возвращении в Петербург, он настоятельно просил бывшего тогда министра внутренних дел Козодавлева⁹⁰ об окончательном поселении колонистов. Я буду говорить об них впоследствии.

В первое мое посещение Кавказа я была еще слишком мала; мне было тогда только семь лет, и впечатления от величавого вида гор слабо остались в памяти. Потом, одиннадцати лет, я была опять там, и тогда энтузиазм выражался в нескладных моих писаниях. Из первого вояжа помню еще посещение нами жилищ шотландских миссионеров, которым, по космополитическому расположению, государь Александр Павлович дозволил проповедовать Евангелие на Кавказе. Помню, как меня занимал станок, где печатали при нас Библию на туземном наречии. Нельзя сказать, чтобы проповедь была успешна; напротив того, миссионеры жаловались, что мальчики, обучавшиеся у них, всегда кончали тем, что обкрадывали их и уходили восвояси. Однажды при таком рассказе стоял один из учеников. Батюшка, обратясь к нему, сказал: «Верно, и ты так же поступишь?». Обиженный этим, мальчик заплакал. Может быть, в этом были зачатки добра. Я помню, как раз я испугалась, когда, сидя за фортепианами, вдруг увидела себя, окруженною черкесами, вооруженными с головы до ног. Они приехали нас посетить; я была одна в комнате; они осматривали инструмент снаружи и внутри. Пришла матушка и проиграла им вальс. Они были в восхищении и сказали: «Маленькая твоя девка хорошо играет, а большая девка лучше». Кажется, это принадлежит к воспоминаниям из другой поездки,— семи лет я еще не училась музыке. Так путаются воспоминания двух вояжей. От горячих ванн тогда,— не знаю, как теперь,— ездили пользоваться для подкрепления сил в Кисловодск и пили воды из

источника Нарзан. Везде была опасность от нападения черкесов. По всем горам стояли пикеты.

Теперь буду говорить о втором нашем путешествии, в 1814 г. Вот сколько было нас в этом поезде: родители наши и все мы, Пелагея Алексеевна Путинцева — друг нашего семейства, жившая с матушкой еще до ее замужества; девица Трескина, взятая из института; гувернантка, немка-няня, доктор Мухау, весьма посредственный врач с забавными дистракциями. Мы ехали с меньшими почестями и удобствами; блестящая эпоха жизни батюшки при дворе начала бледнеть, хотя он продолжал еще пользоваться добрым расположением царственного дома. В земле донских казаков не было уже Платова, который носил нас на руках. Он выслал полотняный домик на станцию Гнилой Ягарлык, потому что там не было другого жилища, кроме землянок. При нем нас сопровождал офицер до самой границы Войска Донского; он вез фрукты, которыми подчивал нас на всякой станции. Но зато дорога была нам знакомее и мы знали, что нас ожидало.

На Кавказе все было мало устроено, но колонистов мы нашли уже поселенными; они приносили краю большую пользу, снабжая жителей белым хлебом и овощами. Мы остановились в доме коменданта Веревкина, который уступил нам не только дом, но и сад — единственное убежище, где было несколько зелени и овощей; кругом все сгорело от сильных жаров, — шесть недель не было ни капли дождя. Теперь уже я могла восхищаться природою. Как часто, при захождении солнца, мы любовались цепью армянских гор с вечноснеговыми вершинами и между ними Эльбрусом! Он виднеется издали с раздвоенною вершиною, на которой розовым, пурпуровым цветом отражаются лучи солнца. Смотрели

с благоговейным восторгом на гору Бештау, особенно когда она опоясывалась тучами, из которых блистала молния, слышался гром, а вершина оставалась спокойною. Гора эта по отлогости имеет семь верст вышины. Некоторые путешественники, где пешком, где верхом, взбирались на самую вершину, на которой видели много змей. Между этою горой и горою Мичугою, из которой вытекает целебный источник, образовался провал. Мы часто подходили к нему и бросали камни, причем никогда не слышали, как они падали. После открыли внизу озеро с голубою, прозрачною и тоже целебною водой и прорыли к нему тоннель. Вид разнообразился калмыцкими кибитками, черкесскими арбами, пасущимися верблюдами и стадами буйволов. Между черкесами мы нашли своего кунака. Кунак означает друг; он решится умереть за своих друзей, если нужно; под его кровом друзья всегда находят безопасное убежище. Мы посетили, по просьбе жителей, ближайший аул мирных черкесов; впрочем, это не черкесы, а просто татары,— черкесы живут гораздо дальше в горах. Ехавши к ним, мы запаслись кренделями и лакомствами; нас провели в обиталище княгини — это длинная мазанка с малыми окнами. Княгиня сидела на возвышенном месте, а придворные около нее на полу, все в одних рубашках, с отвратительными физиономиями и формами. До замужества девиц зашивают в нечто вроде кожаного корсета, и они в таком виде остаются до тех пор, пока муж не разрежет кожаного ремня, которым стянут корсет. Формы тела, так долго сжатые, расползаются до безобразия. Мы не успели открыть узла, как они наткнулись на нас, вырвали из рук привезенные гостинцы и тотчас растерзали их. А княгиня, одетая в парчовое платье, сидела неподвижно, как кукла, на своем возвышении. Ей подарили мы шелковый платок. В жилище княгини мужчины не впускаются. Потом пошли мы к другой

княгине, премилой и прелюбезной, и сожалели, что не запаслись другими гостинцами, так как не ожидали видеть двух княгинь в одном ауле.

Черкесы занимали нас танцами своих девиц, которые, зашитые в корсеты, толкались на одном месте, а мужчины, с прелестными маленькими ножками, обутыми в кожаные башмачки без швов, выделявали трудные па. Все они просили нас переночевать у них, обещая заколоть для ужина лучшего барана, но мы не согласились остаться в их неприглядных жилищах. Они провожали нас из своего аула верхами и джигитовали для нашего удовольствия. Были мы и у колонистов, наших давнишних друзей. Они развели садики и ульи пчел, подчивали нас медом и были вообще довольны нашим посещением.

Наконец пришло время ехать в Кисловодск. Там мы остановились в доме коменданта маленькой крепостцы, единственном убежище с крышкою. Там была только одна комната с полом, а прочие набиты землею. Все другие путешественники жили в калмыцких кибитках. Раз батюшка, не дождавшись нас, пошел на источник. Был небольшой дождь, и он промочил себе ноги и захватил кавказскую лихорадку. Болезнь была ужасная. Приходило по три пароксизма в день. Потом с ним произошел летаргический сон на несколько дней. Наконец, по милости Божией, болезнь начала уступать. Но сезон кончился, и путешественники и маркитанты стали разъезжаться. Комендант с войском также хотел удалиться и захватить с собою походную церковь. Это очень расстроило моего отца, и он, призвав коменданта, сказал ему, что если тут есть полковая церковь, то только потому, что он выпросил ее у государя. Комендант остался, и палатки с церковью были разбиты под окнами спальни. Между тем едва начинавшему выздоравливать больному захотелось кушать дичь. Но где взять ее? Придумали готовить воробьев, обещали

платить по 5 коп. за воробья. Их стали носить мешками, и должно было убавить цену. В одно утро комендант прислал объявить, что в восьми верстах от Кисловодска, в Моздоке, открылась чума. Не столько испугала нас сама болезнь, сколько мысль, что придется шесть недель жить под карантином, если успеют сделать распоряжение, потому что в карантине тогда, кроме землянок, не могло быть другого помещения. Итак, надо было ехать немедленно. Между Кисловодском и теплыми водами есть одно место очень опасное. С одной стороны крутая гора, а с другой — бездонная пропасть. Дорога идет между горой и пропастью. Путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком. Батюшка лежал в экипаже и не мог шевельнуться. К счастью, с нами был довольно многочисленный казацкий конвой. Казаки привязали веревки к колесам и все время держали экипаж. Переезд этот был счастливее, нежели мы думали. Батюшка несколько оправился, и мы, отдохнув немного, отправились в дальнейший путь. В карантине нас продержали только сутки, вместо четырех. Несмотря на это, в землянке у батюшки появился страшный пароксизм прежней лихорадки. Он написал полковнику Абрамову в Москву, заведовавшему его делами, чтоб он выехал к нему навстречу в Новочеркасск, потому что, чувствуя себя слабым, он даже и не надеялся доехать до Новочеркаска и хотел поручить ему свое семейство. Но с продолжением путешествия его здоровье начало поправляться. Сначала он думал зимовать в Воронеже, но потом, чувствуя себя крепче, доехал с нами до Тулы, далее до Москвы и, наконец, приехал совсем благополучно в Петербург.

ВОСПОМИНАНИЯ
графини
Антонины Дмитриевны Блудовой

ВОСПОМИНАНИЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРИЕВНЫ БЛУДОВОЙ

Писаны в 1867 году

Берусь за перо, и останавливает меня сомнение: стоит ли писать записки или воспоминания, когда собственная личность не имеет никакого интереса для читателя, когда нет ничего занимательного в собственной жизни?

Моя жизнь была самая счастливая, следовательно, самая однообразная, без всякого драматизма. Обстоятельства так мне благоприятствовали, что я не имела ни нужды, ни желания, ни случая выходить из семейного круга обязанностей, а в семействе все было тишь и гладь да Божья благодать. Так живет хорошо, но рассказывать нечего. Я всю жизнь была только зрительницей, конечно, заглядывая иногда за кулисы, но не играя никакой роли на театре общества или истории. Много, в полвека, видела я и слышала, и одно разве может быть занимательно в моих записках: это — *отголосок прошлого*, хотя недалекого времени, его воззрений, суждений и чувств, которые уже столько изменились или изменяются, что, может быть, стоит сохранить их образ, пока он не совсем забыт. Одно я знаю: любовь и уважение к истине так глубоко вкоренены были в нашем семействе, что все, что от родителей я слышала, не подлежит сомнению, и сама я неспособна (по крайней мере сознательно) изменить ей. Не раз в жизни я тяжело поплатилась за истину: может быть, она тем дороже и милее стала мне. О многом нынче слышу легенды или исторические романы, может быть, и

не намеренно сочиненные; а слово правды от современницы не пригодится ли будущему летописцу? Итак, попытаюсь передать, что́ помню — про общее настроение и обычаи того времени, и что́ помню о личностях, с которыми родители и я сама имели сношения.

Как жизнь народов, так и жизнь отдельного человека имеет свое *доисторическое* время неясных воспоминаний самых происшествий, но верных впечатлений о действии их на умы и на чувства того времени. Можно сказать: колорит сохраняется, хотя черты картины становятся мутны или даже искажаются неловкою, безыскусственною маляровкой этого усердного художника — воображения, воображения личного или воображения народного.

С этой доисторической эпохи детства я и начну.

I

Баснословные времена и золотой век детства

Самое отдаленное воспоминание моего детства — болезнь, простуженная скарлатина, превратившаяся в водяную. Помню нестерпимую боль, когда старались надеть мне на ноги (ноги четырехлетнего ребенка) большие чулки взрослой женщины, моей матери, — такая ужасная была опухоль... Помню тогда же смутное, как будто сквозь туман, явление блестящей золотом и камнями большой иконы и богатую ризу священника, седые, длинные волосы его и, сквозь этот же туман или дым, два озабоченные, грустные лица — моего отца и матери. Этот туман и дым были ни что иное, как воспаление в мозгу, прилив воды к голове ребенка в эту же самую болезнь, когда доктора уже потеряли надежду; а икона — Божией Матери, Всех Скорбящих Радости, которую

подымали и принесли к моей кроватке, чтоб я при-
ложились к ней.

Что́ прежде и после происходило со мною, не
помню; но рассказывают, что я с этого дня стала вы-
здоровливать, и я помню уже только обыкновенную,
ежедневную жизнь, или даже не жизнь, а обыкно-
венную обстановку ее. Видится мне длинная зала, в
которой я играла и бегала, и статуя в нише на ее
конце — что-то вроде весталки или музы с факелом
в руке для лампы; наша детская и большие дедовские
английские часы с музыкой, под которую мы пля-
сали и разыгрывали пантомимы, маленькие детские
стулья и маленький низкий диванчик, на который
я часто сажала любимого моего старика Гаврилу.
Вижу его так живо предо мною и теперь! Высокого,
очень высокого роста, худощавый, с правильными
чертами, коротко выстриженными седыми волосами,
с задумчивым лицом, которое оживлялось невырази-
мо доброю и веселою улыбкой, когда мы, дети, по-
своему угощали его. Его посещения были из лучших
радостей моего детства. Он был послан бабушкой в
прислугу (а по-настоящему вроде дядьки) к батюшке,
когда она его отпустила на службу в Петербург. Он
верно и любовно заботился о молодом барине сво-
ем, и хотя состоял слугою, однако был так уважаем
им, что нас, детей, приучили вставать перед Гаври-
лой, когда он приходил к нам в детскую, а бабушка
писала к нему: «Гаврила Никитич», по имени и от-
честву. И что за почтенный, добрый был он старик!
Когда батюшка жил холостым в Петербурге, он по-
лучал очень скудное содержание (а натура его была
русская, тароватая), и в два первых месяца у него
выходила почти вся треть. Он берег ровно столько
денег (по рублю на вечер), чтоб всякий день ходить в
театр, который он страстно любил; вместо же обеда,
завтрака и ужина, он со своими любимыми друзья-
ми, Жуковским и А. И. Тургеневым⁹², довольствовал-

ся мороженым с бисквитами у кондитера Лареды⁹³, где у него был открытый кредит. (Эту кондитерскую я еще помню, в конце Невского проспекта, где-то за Полицейским мостом). Но 19-летний аппетит не мог насытиться мороженым. «И частехонько бывало, — рассказывал Гаврила, — они, мои голубчики, приходят домой, когда я варю себе обед; проходят мимо и говорят: Ах, Гаврило, как славно пахнет! Должно быть, хорошие щи. А я уже знаю; у меня и щей довольно, и приварок есть на всех; и они, бывало, так-то убирают! Видно, что голодные!».

Тут же, в нашей детской, подле Гаврилы, рассказывающего про пугачевщину и все ужасы того времени, видится мне моя кормилица (а потом няня), шведка, которая оставалась у нас всю жизнь свою и умерла у нас в доме, не имея другого имени и прозвания как только «Дада»: этим именем я называла ее в детстве*. Добрейшего сердца, открытая ко всему и ко всем бедным и страждущим, от старика нищего или больного ребенка до голодной собаки, она была вспыльчива до нервных приступов и суеверна до крайности. Помню, — и это второе сильное впечатление моего детства, — помню, как однажды, уложив меня спать и задернув около кровати занавес, помолчав немного и думая, что я уснула, она стала тихо рассказывать одной из горничных разные приключения с чертями. Я слушала, притаив дыхание и устроив в занавеске маленькую щель, сквозь которую как теперь вижу Даду, как сидит она на маленьком стульчике и с глубоким убеждением рассказывает про девушку, которая была где-то в услужении, и к ней стал приходить свататься молодой, красивый, с виду добрый и зажиточный человек, о котором, впрочем, никто не имел верных сведений. Однако она полюбила его и дала ему слово выйти

* Графиня А. Д. Блудова родилась в Стокгольме, где батюшка ее в 1812—1814 гг. служил советником посольства. П. Б.

за него замуж. Не знаю, или я не поняла, почему свадьба была отложена; помню только, что у девушки мало было свободного времени, и они выдались лишь под вечер, по окончании работ, на опушке соседней рощи. Не помню тоже, от чего в ее мысли заронилось сомнение о женихе; но она стала подмечать в нем странности; и вот однажды она видит, что у него износились сапоги, и — о, ужас! — из сапога вместо ноги выглядывает копыто! У меня и теперь, как тогда, мурашки ходят по коже, когда я вспоминаю страх, который одолел мною в этом месте рассказа, и как крепко я зажмурила глаза и закрыла лицо простыней, чтоб не видать даже Дады на ее низеньком стуле; но я все-таки слушала. Дада продолжала рассказ. Девушка была умная, ничего не сказала, не показала и страха; сердце у нее крепко билось и замирало, но она не потеряла присутствия духа; она заметила, что жених потихоньку схватил рукой ее передник, и она, продолжая разговаривать, тихонько же развязала тесемку передника, и только-только что успела, как вдруг жених со всего размаху полетел на воздух, унося с собою вместо невесты один только передник ее, и она видела, как он, в смущении и гнев, вихрем промчался на двух черных крыльях и с длинным хвостом. Так присутствие духа спасло бедную красавицу от чёрта.

Много таких рассказов слышала я по вечерам, когда няня думала, что я заснула; но помню ясно и подробно только этот один. Швеция, как Дания и Шотландия, полна легендами про чертей, про видения и пророческие миражи — в туманах этих северных стран, в отчизне Фингалов и Гамлетов.

Есть между прочим в Швеции один королевский замок, Грипсгольм⁹⁴, известный целым рядом сверхъестественных, или по крайней мере необъяснимых видений. Батюшка еще знавал⁹⁵ в Стокгольме одного старого господина в каком-то придворном чине, ко-

торый имел способность предвидения приближающихся в будущем происшествий, то, что шотландцы называют *second sight*, второе зрение. Я не помню имени этого человека, но о нем рассказывали много странных случаев, и батюшка часто говорил об одном из них, который я твердо помню. Несколько лет перед нашим пребыванием в Швеции, гостил у дочери своей, шведской королевы, наследный принц Баденский⁹⁶, после своего пребывания у другой дочери, императрицы Елизаветы Алексеевны⁹⁶. Он уже собрался ехать назад на родину. В самый день отъезда двор вместе с ним завтракал в замке Грипсгольме, и наш ясновидец тут же сидел за столом почти против принца. Во время веселого разговора графиня Енгстрем⁹⁷, кажется, жена министра иностранных дел, или другая дама, заметила, что ясновидец побледнел, вздрогнул, стал пристально смотреть на принца и приуныл. Другие этого не видали; завтрак кончился благополучно, придворные простились с принцем, и королевская семья поехала провожать его до моря. Пока ожидали их возвращения, графиня, с женским любопытством и настойчивостью, не давала покоя ясновидцу, требуя непременно, чтоб он рассказал ей, что его смутило; он отнекивался, она приставала. Отделившись от других групп, они остались у окна, в виду большой дороги; тут наконец ясновидец решился сказать своей собеседнице, что плохо принцу придется: во время завтрака он увидел за стулом принца его же самого, стоящего за ним, — точно живой двойник, но задумчивый и в другом наряде. Настоящий принц был в мундире шведском или баденском (не помню), а привидение стояло в русском мундире. «Ну, что же?» — спросила графиня. «Нехорошо», — отвечал задумчиво тот. «От чего нехорошо? Что же тут такого? Чего вы боитесь?». «Разумеется, ничего, все вздор; зачем же вы меня спрашивали?». Он едва успел выговорить эти слова,

как оба они увидели в окно скачущего опрометью верхового. «Беда, беда!— кричал он.— Скорее доктора, помощи! Принца опрокинули, он крепко разбился». Все засуетилось, бросилось на двор на улицу. Принца через несколько часов не стало; когда привезли тело, он был в русском мундире: по какому-то случаю он, сядя в карету, переменял платье и надел русский мундир. Таким образом, даже и в этой подробности сбылось предсказание ясновидца.

Но не один этот господин имел видение в замке Грипсгольме; и другое, из таких же достоверных источников почерпнутое, то есть рассказанное очевидцами, передавал нам батюшка. Королева, не помню, жена ли Густава III или Карла XIII⁹⁸, провела часть лета в замке Грипсгольме, тоже немного лет до приезда батюшки в Стокгольм. Погода стояла ясная, теплая; однажды, после обеда, на который было приглашено несколько посторонних лиц, королева предложила гостям прогулку со всею свитою по саду. Вечер был такой теплый, что, отдохнув в одной беседке, королева оставила в ней красную шаль, которую было надела, но в которой показалось ей слишком жарко, и пошла дальше. Общество было отборное, разговор оживленный, королева весела; время шло незаметно, катались в лодке по озеру, прогулка длилась, и на возвратном пути королеве показалось что-то сыро; сделалась у нее легкая дрожь, и она приказала своему маленькому пажу опередить ее и поскорее принести ей шаль. Мальчик побежал к беседке, но, хотя гуляющие шли тихо, не возвращался. «Пойдемте же сами к беседке»,— сказала королева и повернула туда. Когда они подошли, паж стоял у двери бледный, смущенный; королева, шутя, погрозила ему пальцем, говоря: «Ну что же? Принеси мне хоть теперь мою шаль». Но паж стоял как вкопанный. «Хотел... нельзя... не могу... не смею...». «Что это значит?»— спросила королева и пошла к

двери. «Не ходите, не ходите!— вскричал паж.— Я был там, я хотел взять красную шаль, которая лежала на диване; но какая-то незнакомая женщина, вся в белом, страшная, очутилась у самого дивана, положила одну руку на шаль, а другою подала мне знак, чтоб я вышел». Королева слегка изменилась в лице, однако твердым голосом сказала пажу: «Пусти!» и, обращаясь к гостям, прибавила: «Пойдемте в беседку; не бойтесь, это до меня одной касается; белая дама только с моим родом имеет дело». Все с нею вошли в беседку; там лежала шаль на диване, никого в беседке не было; но королева в этот год и умерла.

Эти два случая батюшка слышал от свидетелей-очевидцев, и потому они достоверны, во сколько такие явления могут быть удостоверены; но другой случай в этом же замке произошел гораздо прежде, так что он уже был передан не теми лицами, которые тогда жили.

Королева Ульрика⁹⁹ умерла в замке Грипсгольме. На другой день кончины ее, как только успели положить ее под катафалк, на так называемой *парадной кровати умерших*, к дверям замка подъехала, вся обитая черным сукном, траурная карета, шестериком, с траурною упряжью, с кучерами и лакеями в траурных ливреях. Из кареты вышла дама в глубоком трауре, и в ней узнали графиню Стейнбок¹⁰⁰, друга королевы Ульрики, которая почему-то была удалена от нее и от двора и жила далеко в деревне. Тогда не было телеграфов, и присутствующие удивились, как она успела узнать о смерти королевы так скоро, что уже явилась в полном трауре; однако ее впустили. Она вошла с тихим достоинством, поклонилась царедворцам, которые, вероятно, и разлучили ее с королевой, взошла на ступени к кровати и наклонилась над умершею, чтоб проститься с нею; умершая привстала, открыла ей объятия, и долго и крепко обнимались давно разлученные приятельницы. Потом

королева опустилась на свои подушки в недвижном оцепенении смерти, а графиня Стейнбок опять тихо поклонилась, прошла мимо изумленных, испуганных придворных, села в свою карету и уехала. Через несколько дней узнали, что графиня Стейнбок скончалась в своей деревне на другое утро после смерти королевы. Не она живая, а ее тень приходила помириться с другом своим, королевой, когда в ясном видении загробном обе поняли, что сердца их не изменяли друг другу, а только ловкие люди умели их разлучить.

Старожилы рассказывали это за несомненное происшествие. Что же касается до известного рассказа о видении какого-то сверхъестественного верховного суда и приговора, батюшка собирал сведения и справки, и оказалось, что мнимые документы подделаны, и даже какая-то неточность в подписи короля доказывает неверность всего рассказа.

Другой необыкновенный случай рассказывали батюшке очевидцы. Это уже происходило не в замке Грипсгольме, а в Стокгольме, в королевском дворце. 15 марта 1792 г., брат короля Густава III, герцог Зюдерманландский¹⁰¹, пошел в кабинет или библиотеку короля отдохнуть после обеда и забыл там свой шарф. Вечером, когда была пора отправиться в маскарад, он вспомнил про шарф и послал пажа или камердинера за ним в кабинет. По прошествии некоторого времени тот воротился, говоря, что никак не мог войти в комнату: замок у двери, должно быть, испорчен; ключ в замке, а повернуть никак нельзя. Герцог сам пошел, и только тронул дверь, она отворилась; но он отскочил, ибо перед его глазами лежала на диване фигура мужская — вся в крови, которая текла из свежей раны. Лица не видать было; но ему казалось, что это или он сам, или король. Оправившись от первого впечатления, он подошел к дивану; но видение уже исчезло. Он схватил свой

шарф и поспешил в маскарад. На этом маскараде брат его, король Густав III¹⁰², был смертельно ранен из пистолета графом Анкарстремом, и раненого принесли для первой перевязки в тот самый кабинет и положили на тот самый диван, где брат видел его образ или тень, за несколько часов перед тем.

По случаю одной подробности этого происшествия, именно той, что дверь не мог отворить камердинер, а как скоро взял ключ герцог Зюдерманландский, она легко отперлась, батюшка рассказывал, что *знатоки этого дела*, шведы и шотландцы, ему говорили, что всегда так бывает: явление, привидение из духовного мира дается только тому, кто назначен судьбой для принятия этой тайны, «he who is fated», а для других оно остается недостижимо, непостижимо. Не то ли бывает и вообще в области духовной? То, что дается каким-то внутренним откровением иным избранным, — и крепость веры, и понимание прекрасного, и творческая сила поэзии, и чутье в оценке людей, — все это недоступно и непонятно дюжинным натурам, которым нужна грубая осязательность для веры, математическая точность для понимания и очевидность открытых, топорной работы, пружин, для объяснения неуловимо-тонких движений ума и сердца, составляющих собою характер, то есть особенность каждого человека. О самих привидениях, о явлении умерших и о тех пророческих видениях, о которых англичане говорят, что идущие нам навстречу, будущие происшествия *бросают свою тень на землю перед собою*, можно спорить и делать разные предположения; но совершенно отрицать их — точно ли благоразумно? Не все ли великое, не все ли духовное для человека необъяснимо?

Вот еще другого рода пророческие видения, второе зрение, о котором рассказывала мне матушка¹⁰³ не раз (а она никогда не позволяла себе не только прикрасы, но даже преувеличения правды). Она была

очень дружна с сестрами Каховскими¹⁰⁴; одна вышла замуж за Арсеньева, другая, Александра, умерла в чахотке и имела способность видеть не будущее, но *далекое настоящее*, посредством зеркала. Во время долгих отлучек батюшки, когда он не был еще принят как жених княгиней Щербатовой¹⁰⁵, но в душе был единственным суженым княжны, она прибегала к своей подруге, столь чудесно одаренной, чтоб узнавать о своем милом и таинственно следить за ним сквозь все преграды времени и пространства. В самих занятиях отсутствующего не было ничего замечательного; но виденные в зеркале местности, комнаты и обстановка их поражали своею верно-стью, когда потом описывали их батюшке, по возвращении его. Таким образом, редкая способность молодой девушки служила как бы электрическим телеграфом для любящего сердца подруге, томившейся в тревожной неизвестности разлуки.

Е. М. Оленина рассказывала другой, еще более поразительный случай. Когда я ее знала, она была благоразумною, практическою женщиной, большого роста, массивною, с правильными чертами, со здоровыми нервами, хотя уже старою, и ничего не высказывалось в ней нервного, похожего на восприимчивость и раздражительность воображения. Но в 1807 г. она была еще молодою девушкою. У кого-то в деревне собралось много ее же лет подруг, и у всех было тяжело на сердце: у кого отец, у кого брат, у кого жених был на войне. Один раз сидели они все в комнате у дочери хозяина; беседа шла об опасностях и трудах отсутствующих милых, и сетовали они, что к ним, в деревню, и вестей не доходит из армии: бог знает, кто из близких жив, кто убит, кто ранен. Между такими речами одной из них пришла мысль поглядеть да погадать в зеркале, как делается на Святках. Которая из них стала насмехаться, которая сомневаться, а некоторые и пристали к этому

предложению. «Посмотри-ка,— сказала одна из них хозяйской дочке.— Посмотри, где мой брат? Что с ним теперь?». Села за зеркало хозяйская дочка; все обставили как должно, и стала она смотреть, а другие все расселись поодаль и молчали или тихо, тихо, шепотом переговаривались, чтоб не мешать вещунье. Долго сидела она, не произнося тоже ни слова,— оно уже стало и надоедать другим,— как вдруг заговорила: «Вот, вот, туман сходит со стекла, вот лесок, песчаный берег, река, большая, быстрая река! Господи, сколько народу! Все войска, лагерь, солдаты, пушки, кони, на обоих берегах. Что это там суетятся у подошвы горы, на самом берегу? Кажется, все штабные тут... А, отчалила лодка с того берега; в ней маленького роста генерал сидит; вот плот на середине реки, другая лодка причалила, смотри!». Оленина подошла и стала за стулом подруги, посмотрела в зеркало и сама увидала все это. «Вот, и другой генерал взошел на плот; он повернулся — государь!»— вскрикнула хозяйская дочь и вскочила сама, пораженная удивлением.

Это было 13 июня 1807 г., день Тильзитского свидания¹⁰⁶ двух императоров, о котором уже, конечно, никто не думал, не гадал, и всего менее эти молодые девушки.

Все эти чудные рассказы я, разумеется, слышала гораздо позже, или по крайней мере их повторяли мне после; но с самых первых лет я помню многие исторические предания, в которых часто играло роль чудесное, а само историческое не всегда было верно. Так, помню, я очень долго держалась (про себя) мнения, будто гр. Николай Михайлович Каменский¹⁰⁷ был отравлен происками старшего брата и предательством Закревского. Эта нелепая легенда ходила между домашними фельдмаршалши графини Каменской, и одна бывшая горничная матушки передавала эти сведения нам в детской, куда ходила

к моей Даде. Я была так уверена в истине этого рассказа, что, увидев в первый раз графа Сергея Михайловича, много лет спустя, когда мне было уже лет пятнадцать или шестнадцать, я посмотрела на него с ужасом и содроганием и спешила уйти из комнаты: так он мне казался страшен. Уже гораздо позже, учась новейшей истории, я навела справки и, спросив конфиденциально о том у матушки, убедилась, наконец, что это была клевета.

Эта бывшая горничная, жена нашего буфетчика, Авдотья Харитоновна, много передавала нам военных рассказов. Муж ее, Иван Сергеев, был отставной сержант или унтер-офицер и служил при Суворове, иногда и в должности денщика. Эту чету я помню только немолодою; потом состарились они в моих глазах, и суворовский солдат умер несколько лет прежде жены. Они крепко любили друг друга. Жена, окружив мужа нежностью и заботою до последнего часа, тосковала по нему всю остальную жизнь свою и, умирая, просила, чтоб ее похоронили, буде можно, недалеко от него и положили бы с нею в гроб его портрет. Гаврила, наш милый, наш добрый Гаврила, также жил душа в душу со своею старушкой Афимьей. Вижу, как теперь, как она стоит, маленькая, беленькая, седенькая, в своем светленьком платице, в своем чисто выбеленном с густою оборкою чепце, держит в руке свечу и тихо плачет, и тихо крестится, пока соборуют умирающего 90-летнего Гаврилу; а он, со спокойствием духа и кроткою твердостью русского простолюдина, без страха и волнения, смотрит в глаза приближающейся смерти и только беспокоится об одном — чтоб я не простудилась, переходя через двор из наших комнат в его! После окончания обряда он приподнялся, поцеловал меня и дрожащим голосом сказал мне: «Берегитесь!». Последняя забота его была о дочери любимого барина. Он через несколько часов скон-

чался. Я так плакала и горевала, что меня не пустили к телу, и я уже не видала его после смерти; а старушка Афимья перебралась на нашу половину, такая же беленькая и седенькая, тихая и кроткая. Она не носила ни черного платья, ни черного чепца, и слёз не много проронила, и о старике своем не говорила; но не прошло полгода, она сошла за ним в могилу без особой болезни, без внешних знаков особенного горя, тихо, кротко, покорно; как жила, так и умерла.

Однако я опять забегаю вперед. Гаврила Никитич и Авдотья Харитоновна много рассказывали мне, или при мне моей няне, о недавних событиях истории. Дядя моего отца со всем семейством погиб от Пугачева¹⁰⁸, и еще долго-долго, до второго и третьего поколения, дети слушали с ужасом от старых служителей семейства, каким образом кормилица спрятала было грудного ребенка дяди и думала, что спасла его; но шайка внезапно воротилась, и один из злодеев, схватив за ноги ребенка, разможил ему череп об стену в глазах верной кормилицы. Об этом дяде батюшка часто вспоминал. Между прочим он рассказывал одно замечательное обстоятельство. Дядя его изучал хиромантию и иногда довольно верно угадывал по сгибам руки или чертам лица судьбу человека. Он как-то познакомился с другим, сведущим по этой части; единство предмета занятий и любовь к нему сблизили их. После некоторого времени, новый знакомец сказал ему (конечно, не без оговорок), что его ожидает смертная казнь. «Знаю,— отвечал дядя моего отца.— Но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу и погибну безвинно; для моего спокойствия мне больше и не нужно». Он погиб в следующем году от Пугачева.

Много жертв пало из нашего семейства около Казани в это смутное время, и рассказы Гаврилы так действовали на меня, что я не чувствовала никакой жалости, а скорее какое-то злорадное любопыт-

ство, когда доходило до описания железной клетки, в которую посадили изверга. Не так безжалостно относилась я к волжским разбойникам, в похождениях которых все-таки слышалось и увлекательное удалство, и даже какое-то дикое великодушие: хотя они и разоряли, и грабили, и жгли селения, но по крайней мере из простой корысти, смешанной с тем наслаждением, которое находится в чрезвычайном подвиге, даже преступном, в опасности, в борьбе, в успехе, в самой силе, будь она нравственная или физическая. Чужалось ли это смутно ребенку, — не знаю; а может быть, и сам Гаврила более сочувственно относился к ним в своих рассказах, чем к Пугачеву; но волжские *недобрые молодцы* остались навсегда в моей памяти с почти героическим оттенком. Рано зарождается в женщинах какая-то безрассудная отвага, и даже в ребячестве опасность манит их и привлекает к себе — не из-за цели, а из-за тревоги и обаяния в самом чувстве побежденного страха, из-за *призвания* к самопожертвованию, к произвольному *страданию* за других, без разбора и почти без сознания; по крайней мере по большей части так бывает. Жизнь и ее горький опыт делают нас боязливыми, но по природе у нас есть врожденная жажда *погони*, которая иных бросает в крайности аскетизма, других в крайности разврата, а в более счастливых развивает тот героизм семейного ежеминутного самозабвения и самоотречения, который остается тайною домашнего очага и потому не ценится или отрицается посторонними. Дайте правильный исход этому врожденному героизму, и вы увидите княгиню Наталью Долгорукову¹⁰⁹, Гертруду фон дер Барт, Корнелию, мать Гракхов, или тех скромных героинь-христианок, которые последовали в 1826 г. за мужьями в Сибирь, и тех сестер милосердия, которые во Франции, в Пруссии, в Крыму отдавали и отдают всю жизнь свою на жертву, в помощь и облегчение

недугующих, страждущих, плененных. Не давайте правильного исхода этой женской отваге, — вы найдете m-lle de la Vallière, Agnès Sorel и даже Ninon de Lenclos и наших современных нигилисток! Эти сорные травы и эти целебные зелья — произрастения одной и той же почвы.

Итак, в рассказах ли Гаврилы, или в моем собственном воображении, удалые молодцы, которые плыли «вниз по матушке по Волге», промышляя по-своему, вооруженною рукой и слагая звучные песни свои, были довольно увлекательные лица, и мне становилось жаль подчас, что прошло то бурное, славное время. Бывало, бабушка Катерина Ермолаевна¹¹⁰, когда жила вдовою в Танкеевке (Спасского уезда Казанской губернии), созовет всех дворовых и молодых крестьян, наберет, таким образом, отряд человек в 300 или 400, раздаст им охотничьи ружья, пистолеты, патроны, поставит две маленькие пушки у ворот усадьбы; канава вокруг сада исполняет должность рва, и бабушка с маленьким сыном засядет в своей импровизированной крепости, ожидая осады неприятеля. Большею частью этим и кончалась беда. Добрые молодцы с песнями проплывут вдоль реки у берега: оружие спрятано, расшива (лодка) с золоченою кормой и носом несется быстро на своих натянутых парусах; сидят по ее бокам смирно и лениво молодые купчики, — хозяин в щегольском полукафтани или полушубке, с шапкой набекрень, распоряжается, будто торговцы едут на ярмарку. Но не похож этот удалой соколиный взгляд, эта молодецкая осанка, эта ловкая, быстрая походка на скромного купеческого сына: это сам молодой атаман, это его шайка с ним, и как затянут они песню, да гаркнет он своим звонким голосом: «В темном лесе», так по всему берегу и забьется сердце у мужичков, и пока несутся звуки, удаляясь, утихая, замирая на водах, стоят они да крестятся и откликаются и старый и

малый; а парней иногда в душе и тянет туда к Волге, к разгулу этой заманчивой жизни, между тем как молодухи сожалеют о девке-красавице, что сидит на палубе, разодетая, в парчовом шушуне с длинною лентой в длинной косе, и на нее так дерзко и любовно поглядывает удалой атаман. Признаться, мне совсем не жаль, бывало, а скорее завидно этой невесте (как я полагала) разбойника, которая делила с ним опасности его тревожной жизни. Однако эта преступная зависть проходила, и я возвращалась к законному сочувствию и восторгу, когда речь доходила до опасности, в которой бабушка сама оказалась однажды. В приволжских деревнях мужики позажиточнее большею частью откупались от молодцев, выходя на берег с хлебом и солью, с шитыми шелком и золотом полотенцами и ручниками, на которых, кроме хлеба, лежали и деньги, собранные всем миром и подносимые добрым молодцам; а разбойники, имея своего рода честь*, почитали недозволенным нападать на таких слабых и сговорчивых людей. Но бабушка имела тоже свои понятия о чести и достоинстве барыни-помещицы и не соглашалась на такие сделки с неприятелем. Пока жив был дедушка, его огромная псовая охота¹¹¹ служила обороной усадьбе и остражкой для разбойников.

Но после него экономические расчеты заставили уничтожить весь этот штат и всех собак, оставив только злейших из последних для ночного караула, между тем как воинственные псари превратились в мирных ткачей вновь увеличенной и усовершенствованной полотняной фабрики. Разбойники знали все это и решились наказать Катерину Ермолаевну за ее гордость и несговорчивость. Однако из презрения ли к женщине или из рыцарства, они объ-

* Честь в смысле *point d'honneur*. Le point d'honneur, говорит Грабовский, c'est la contrefaçon de la conscience. (Щегольство честью есть подделка совести).

явили заранее поход на нее. Высадившись большою шайкой на заливных лугах имения, они кинулись к усадьбе. Крик, плач и вой поднялся в деревне, которая лежит против самой усадьбы, на другом берегу пруда; а Катерина Ермолаевна, велев зарядить пушки и ружья и палить в добрых молодцев, как только станут подходить, отправила верного слугу к ближайшему пикету с требованием помощи; но не скоро мог пробраться посланный, и не скоро, даже на подводах, приехала военная команда. Во все это время Катерина Ермолаевна, с замечательным присутствием духа и распорядительностью, выдержала нешуточное нападение разъяренных разбойников, и не будь этих двух пушчонок, ей бы, вероятно, несдобровать; однако Бог помог! Команда пришла вовремя, и усадьба и деревня уцелели. С тех пор эти две пушки служили уже только украшением или трофеями в усадьбе, да в необыкновенно торжественных случаях из них палили холостыми зарядами в виде салютов. Уже после кончины Катерины Ермолаевны батюшка ездил в свою казанскую вотчину на освящение вновь оконченной или перестроенной церкви над могилами его отца и дедов. Разумеется, одна из достославных этих пушчонок была подвезена к церкви, и во время благодарственного молебствия из нее дали залп, потом другой; а там вдруг треск, шум, ужасный крик, и батюшка выбежал из церкви узнать, какая беда случилась. Вышло, что отставной солдат, исправлявший должность артиллериста, неосторожно передал молодому парню, которого он взял себе в прислугу, полупотухший фитиль, и тот, стоя подле пушки с мешком на шее, полным патронов, положил курящийся фитиль в мешок. Последовал ужасный взрыв. Парень был страшным образом ранен; лицо все опалено, глаза или по крайней мере веки повреждены, а главное, вся грудь растерзана, так сказать, вспахана порохом: кожа содрана, мясо в

клочках, кость обнажена. Сорок лет спустя батюшка не мог говорить об этом без содрогания: так ужасно было положение бедного мужика, так раздирательны были его крики и стоны. Что делать? Казалось, он должен умереть в мучениях. Батюшка сейчас же послал за доктором, а между тем обступили его крестьяне: «Позволь, барин, позвать баб-знахарок; у нас есть две; они вылечат, у них есть заговор от всякой боли». Нечего было препираться о разумности или неразумии такого лечения в эту минуту. Несчастливого страдальца отнесли в сарай поблизости, положили на сено, и пришли две бабы. Они требовали, чтобы все вышли вон, в том числе и батюшка; что там делалось в сарае, он, следовательно, не видал; но не прошло двух минут, как крики и стоны прекратились, боль унялась, и раненый заснул. Когда доктор прискакал, больной был совершенно спокоен: не было ни боли, ни жару, и после перевязки и других медицинских пособий он выздоровел. Мгновенно совершенное утоление боли и жара осталось несомненным, но необъяснимым событием.

Тут же на Волге,— не знаю только в Казанской ли губернии,— знаменитый Ванька-Каин¹¹² держал свою шайку и ходил с нею в разбой. Не знаю его происхождения и первоначального образа жизни; но, по рассказам моего детства, его натура была необыкновенная, недюжинная: и добрые великодушные порывы его, и поэтическая тоска, и минуты отчаянного раскаяния делают из него истинно драматическое лицо. Бесстрашный, предприимчивый, лукавый, он умел и переряжаться, и скрываться, и дерзко обманывать, и неудержимо за собой увлекать, и беспощадно разрушать, и великодушно миловать. Сопротивление отчаянным его набегам наказывалось пожаром и грабежом; но бедному, слабому, ищущему у него самого защиты он никогда не отказывал, и часто, бывало, одарит, грабленным добром, конечно,

но все-таки поставит на ноги бедняка, восстановит целое семейство честное, «сотворяя себе друзи из мамоны неправды», завидуя со слезами честности и невинности их. Табор свой держал он в строгом повиновении, но с теплой к нему любовью. Летом табор этот, большею частью, стоял в непроходимом лесу, где шатры были раскинуты на свежей зеленой лужайке, в самой чаще леса, вблизи источника ключевой воды, в тени старых сосен и лип; а склады разбойников, т. е. оружие и ворованные вещи, находились в подземельях тут же в лесу, куда никто не знал как пройти, кроме них, и куда грабители как будто исчезали с большой дороги, когда возвращались поодиночке с какого-нибудь ночного похождения или с какого-нибудь праздника или базара, где они толкались и плясали, и пили, как честные люди. В это их святилище никто не отваживался заходить, и даже страх брал путника, когда издали услышит протяжный, пронзительный свист или дальние отголоски песни, песни нежной и заунывной, сложенной нередко самим атаманом-поэтом. Многие из самых гармонических и поэтических песен, которые и поныне поются, сочинены Ванькой-Каином. Однажды, в неудержимом порыве раскаяния, он решился пойти и сам выдать себя властям, что бы из того ни вышло; так по крайней мере гласил рассказ, дошедший до меня. Вместо казни или тюрьмы его за чистосердечное раскаяние приняли в милость, и, в доказательство измененной нравственности и возвращения к добру, ему поручили помогать полиции открывать и ловить разбойников, и хоть оно, вероятно, ему было и не совсем ловко, однако Ванька-Каин пошел из воров в сыщики, иногда негоцировал мирную сдачу разбойников, а иногда накрывал их на самом месте воровства. Но, наконец, дошла очередь и до его бывшей шайки. Взялся он вести с прежними товарищами переговоры, обратить их и склонить к

повиновению законам. Отправился Ванька-Каин, и отправился один, как это бывало, когда дело шло о мирной сдаче. Пробрался он в лес рано-ранехонько утром, а в лесу так зеленело и благоухало, так сладко пели птицы, так тихо шептали листья, так вольно гулял ветерок! Шел Ванька, и каждый куст, и каждая травка, и стройная сосна, и широкий папоротник, и кривой дубняк, и белая березка,— все как будто шлют ему привет, как будто говорят ему о прежней воле; и вот, сквозят и пробираются с высоты деревьев на землю веселые лучи солнца, и выходит он из чащи леса на свежую лужайку у самого ключа, где стоял его шатер. И такая взяла его тоска по прежнему раздолью, по прежнему разгулу, по прежним товарищам и по прежней власти, что свистнул он своим молодецким свистом и собрал всю шайку вокруг себя. «Вот, я ваш опять, ребята!— вскричал атаман.— Надоела мне городская их жизнь, надоело мне есть даровой их хлеб, надоело мне жить честным по их человеком! Давайте, ребята, волю молодецкую, да удалые набеге наши, да веселый разгул! Уж не атаман вам теперь я, а стану в наши ряды опять!». Так кончились переговоры о сдаче; поход Ваньки-Каина в лес, в свой старый табор кончился тем, что попал он опять в атаманы разбойников и пошел с ними по-прежнему гулять. Наконец уж его поймали, и он всю остальную жизнь просидел в тюрьме. Не знаю, это предание совсем ли согласно с истиной; но так гласит оно. Рассказ обыкновенно заключался словами: «Как волка ни корми, он все в лес глядит».

К этим не весьма точным преданиям о подвигах разбойников присоединялись и не совсем точные повествования о военных действиях Суворова, Каменского, Кутузова¹¹³; но все-таки общие впечатления были довольно верны. Так, в моей памяти сохранился Суворов как гигантская фигура, шагающая, *едва ли не буквально*, в два шага через целую

цепь снежных гор, с шуткою на устах, с веселою насмешкой в глазах. Кутузов исчезал в громадности развалин, пожаров, разорения и неумолимой мести народной. Страдания и борьба всеобщие как будто магнетически передавались пониманию ребенка простыми моими собеседниками, и среди ужасных сцен гибели, голода и крови победа наших казалась мне непосредственною небесною карою, которой исполнитель был Александр Павлович, являясь мне в образе архангела Михаила, со щитом и пламенным мечом в руках. Смутно, но неизгладимо осталось у меня впечатление, впоследствии столь великолепно переданное в стихах Хомякова¹¹⁴:

Не сила людская повергла тебя,
Не встал тебе ровный соперник;
Но Тот, Кто пределы морям положил,
В победном бою твой булат сокрушил,
В пожаре святом твой венец растопил
И снегом засыпал дружины...

О Барклае¹¹⁵, разумеется, я тогда и не слыхала; а к Наполеону я всю жизнь сохранила враждебное чувство, внушенное моими старыми собеседниками, которые относились к нему не лучше, чем к Пугачеву. Зато молодой граф Каменский являлся в их рассказах щедро одаренный всею славою и всею привлекательностью юности, красоты, героизма и безвременной кончины. Да вообще война с турками для этих современников Екатерины, а через них и для меня, казалась каким-то нормальным состоянием для России, как в древние времена война с татарами и Польшей, которая прекращалась лишь перемириями, более или менее продолжительными, но не кончалась вечным миром, пока не была сокрушена их сила.

Записывая все это, я спрашиваю себя: стоит ли оно труда? Может быть, однако, оно останется отголоском понятий и воззрений того времени, столь

отдаленного и не похожего на нынешнее, что даже я, на втором полувеке жизни, сохранила о нем только предания и общее впечатление. Правда, у меня Суворовские и Каменского подвиги часто сливались в одно, и когда я слушала про взятие Очакова или Измаила, главнокомандующий не ясно представлялся мне; кровавые, но блистательные *личные* подвиги (почти невозможные при новой системе войны, где нужно сражаться в полуверсте друг от друга) пленяли и сильно врезывались в память. Смешение христианского с мусульманским населением, эти братья, которых надобно было щадить и охранять в самую минуту штурма, когда не давали пощады неверным и от них не принимали ее, все это придавало романтический интерес военным действиям. Так (уже это Ланжерон рассказывал батюшке), при взятии Измаила, ворвавшись в город, русские пошли в штыки, опрокидывая перед собою живые стены неприятельского войска, в бешеной атаке встречая бешеный же отпор; кровь лилась буквально ручьями, так что шли они по щиколотку в крови, и никогда никакая прачка не могла вымыть и выбелить чулки, в которых был Ланжерон в этот день,— так напिताлись они кровью. Во время этого штурма, когда русские солдаты неслись таким неодолимым потоком, духовенство у дверей православных церквей, и в защиту своих, и в привет победителям, выходило с крестом и святою водою. Солдаты отнимут правую руку от ружья, перекрестятся, и опять за штык, опять колоть в ожесточении боя, с опьянением чувства победы. «А прекрасно было смотреть на этих молодцов,— говорил Ланжерон.— Да недурно было посмотреть и на турок: бешено, отчаянно они дрались. А наши не щадили никого, кто попадется навстречу; и женщины, и дети погибали, если случались на дороге. Шла эта живая сокрушительная волна, или тромба, не разбирая, что на ее дороге; все уносит с собою,

все стирает с лица земли; разве офицеры успеют спасти ребенка и возьмут его себе. О, прекрасное зрелище это было!» — прибавлял Ланжерон*. В пылу таких восторженных воспоминаний, Ланжерон накануне штурма какой-то крепости приготовил было приказ в подражание суворовским, который и показывал батюшке. Но Каменский не одобрил его, и потому приказ этот на ломаном русском языке не был обнародован. Он был следующий: «Коли, руби, граби! Знай — бери!».

Впрочем, кроме родственных преданий о Каменском, рассказанных Авдотьей Харитоновной и Гаврилою, у нас еще было живое олицетворение христианского элемента Турции, старушка-гречанка, вдова казацкого генерала, который женился на ней в одном из своих походов. Дарья Егоровна была постоянная посетительница нашей детской, и, как теперь, вижу ее бледное лицо, правильные классические черты и белую кисейную фату или большую вуаль, которою она покрывала голову и обвивала шею и лицо широкими грациозными складками. Маленькая ростом, с седыми до белизны волосами, с матовою белизною грустного, благородного лица, с несколько потухшим и блуждающим взглядом, в своем синем суконном платье, вроде широкой рясы, она рознилась от всего окружавшего ее в нашей детской, в которой она представляла какой-то особый мир и занимала место между барыней и няней по генеральскому своему чину и по бедности (может быть), но особенно по совершенной необразованности своей: кажется, она не знала даже грамоты. Но Дарья Егоровна, хоть и была тиха и далеко не красноречива, однако самым красноречием фактов много вносила животрепещущего

* Не мешает припомнить, что Ланжерон был сам поэт и стихотворец. При взятии Измаила взята в плен бабка И. С. Аксакова, в чертах лица, в характере и в деятельности которого было так много южного. П. Б.

интереса в мой детский мир. Страдания христиан, борьба и подвиги их, самое имя греков принимали для меня такую действительность, такое близкое, *домашнее* значение с самых ранних лет, что я и теперь не могу привыкнуть к равнодушию, непониманию или незнанию в делах христиан на Востоке, которые встречаю так часто у нас в России. Али-паша Янинский и Бобелина¹¹⁶, которая тогда занимала первое место на табакерках и лубочных картинках, были мне так же знакомы и близки, как Петр Великий и Екатерина, и когда впоследствии мне стали читать «Абидосскую невесту» и «Бахчисарайский фонтан», я чувствовала себя дома между этими лицами, и их среда казалась мне гораздо ближе и родственнее, чем действующие лица английского high-life в «Almack's» и «Pelliam»¹¹⁷. Так сильны следы впечатлений первого детства, что даже, когда изгладилась память о самих происшествиях и забыты все подробности, все-таки общее настроение упрямо гнездится где-то в потаенном уголке нашего ума, и при первом прикосновении в настоящем какого-либо случая, подходящего к прошлым событиям, повеет на душу как бы родным, свежим воздухом, и оживают в памяти все люди, мысли и чувства, давно уснувшие!

Это восточное явление между нами, Дарья Егоровна, не была диковинкой в то время. Греки и гречанки, болгары и сербы переходили поодиночке или переселялись целыми семьями и даже деревнями на нашем юге; а обычай привозить с собою, после походов, спасенного от гибели турчонка или взятых в плен турчанок и *дарить* их своим родственникам на воспитание или в прислугу занес много примеси южной крови между нами, и в пользу нам, а не в ущерб, судя по Жуковскому, Аксаковым, Айвазовскому¹¹⁸, которые по женской линии турецкого происхождения, и по Пушкину, который, как известно, был по матери потомок негра.

Одна пленная турчанка, уже немолодая, была подарена моей матери в служанки ее двоюродным братом, Поликарповым¹¹⁹, по возвращении из похода, и так страстно привязалась к своей молодой барышне, что ревновала ее безумно и мучила ее и себя упреками, слезами, отчаянием, со всею необузданностью огненного, восточного нрава. Этой турчанки я не знавала (она умерла до моего рождения), но я много слышала о другой турчанке, прозванной Марьей, которая играла некоторую роль во внутренних интригах дома или, точнее, маленького двора у фельд-маршала Каменского в Москве.

В Москве же был странный случай, который рассказывала мне (уже долго-долго после) Марья Алексеевна Хомякова¹²⁰, мать поэта, сама знавшая и лиц, и происшествие, и совершенно неспособная ко лжи. Один из наших генералов, возвратясь из похода на турок, привез с собою турецкого ребенка, вероятно, спасенного им в какой-нибудь свалке, и подарил его своему другу Дурнову¹²¹. Мальчик вышел умненький, ласковый, добронравный. Дурнов полюбил его и стал воспитывать как сына, но не хотел его окрестить, пока тот сам не понял бы и не изучил истин христианской веры. Малый подрастал, с любовью и жаром учился, делал быстрые успехи и радовал сердце приемного отца своего. Наконец Дурнов стал заговаривать с ним о принятии христианства, о святом крещении. Молодой человек с жаром, даже с увлечением говорил об истинах веры, с убеждением о православной церкви, ходил с домашними на церковные службы, молился, казалось, усердно; но все откладывал крещение и говорил Дурнову: «Погоди, батюшка; скажу тебе, когда будет пора». Так прошло еще несколько времени; ему уже минуло 16 лет, и в нем заметили какую-то перемену. Шумная веселость утихла в нем; живые, безбоязненные, светлые глаза подернулись грустью;

звонкий смех замолк, и тихая улыбка казалась как-то преждевременною на цветущем ребяческом лице. «Теперь,— сказал он однажды,— я скоро попрошу тебя крестить меня, батюшка; отец ты мне более чем родной! Теперь скоро пора; но прежде есть у меня просьба к тебе: не откажи. Прикажи купить краски, палитру, кисти; дай мне заказать лестницу как скажу; да позволь мне на этот один месяц не пускать никого в мою комнату и сам не ходи». Дурнов уже давно привык не отказывать ни в чем своему приемному сыну; как желал он, так и сделали. Молодой турок весь день просиживал в своей комнате; а как стемнеет, придет к Дурнову, по-прежнему — читает, занимается, разговаривает, но про занятия в своей комнате ни полслова; только стал он бледнеть, и черные глаза горели каким-то неземным тихим огнем, каким-то выражением блаженного спокойствия. В конце месяца он просил Дурнова приготовить все к крещению и повел его в свою комнату. Палитра, краски, кисти лежали на окне; лестница, служившая ему вроде подмостков, была отодвинута от стены, которая завешена была простыней; юноша сдернул простыню, и Дурнов увидел большой, писанный во всю стену, святой убрус, поддержанный двумя ангелами, и на убрусе лик Спасителя Нерукотворенный, колоссального размера, прекрасного письма. «Вот задача, которую я должен был исполнить, батюшка; теперь хочу креститься в веру Христову; я жажду соединиться с ним». Обрадованный, растроганный Дурнов спешил все приготовить, и его воспитанник с благоговейною радостью крестился на другой день. Когда он причащался, все присутствующие были поражены неземною красотою, которою, так сказать, преобразился неофит. В тихой радости провел он весь этот день и беспрестанно благодарил Дурнова за все его благодеяния и за величайшее из всех — за познание истины и принятие христианства, за это

неописанное блаженство, говоря, что он более чем родной отец для него, что он не преходящую даровал ему, а жизнь вечную. Вечером юноша нежно простился со своим названным отцом, обнимал, благодарил его опять, просил благословения; видели, что долго молился он в своей комнате перед написанным Нерукотворенным Спасом; потом тихо заснул — заснул непробудным сном. На другое утро его нашли мертвым в постели, с закрытыми глазами, с улыбкой на устах, со сложенными на груди руками.

Кто вникнет в тайну молодой души? Какой неземной голос, ей одной внятный, сказал ему судьбу его и призвал его в урочный час к паки-бытию купели? Кто объяснит это необъяснимое действие благодати, призывающей к Отцу Небесному неведомым, таинственным путем в глубине сердца избранников своих? Дурнов оплакивал с родительскою любовью своего приемыша, хотя и упрекал себя за свое горе при такой святой блаженной кончине. Комната, где скончался юноша, сделалась часовней, или молельной, где ежедневно молился Дурнов. В 1812 г. дом сгорел, но стена с образом уцелела, только изображение было очень повреждено; его реставрировали, и от оригинала остались только один глаз и бровь. Однако набожные люди продолжали приезжать молиться тут, а впоследствии в нем была основана богадельня на 40 престарелых вдов и девиц, и комната молодого турка освящена в прекрасную домовую церковь, весь день открытую, куда со всех концов Москвы приходят и доныне служить молебны перед образом, писанным на стене. Что-то мирное, светлое, чистое веет там на вас, как светла и чиста была душа юноши, освятившего своим обращением и смертью это место. Богадельню зовут Барыковскою¹²² по имени основателя, а церковь — Спаса на Стоженке. Другое пристанище для бедных выросло и приютилось против богадельни — Дом призрения убогих во имя Христа

Спасителя. Такой светлый след оставил по себе этот ребенок, привезенный из чужой неверной стороны, принятый и приголубленный безграничною христианскою любовью России. Поистине здесь показал Господь весь глубокий смысл Им некогда сказанных святых словес: «Аще кто примет отроча таково во имя Мое, приемлет Мя; а приемляй Мя, приемлет пославшего Мя Отца».

Все эти рассказы относятся ко времени, предшествовавшему моему рождению; но моральная атмосфера их окружала мои первые годы, и память о моей детской неразрывно связана с ними. Из ежедневных посетителей и друзей моих самый милый, добрый и любезный был Василий Андреевич Жуковский. Он для меня был такое же предвечное существо, как отец и мать, как Дада и Гаврила, которые для меня не имели начала, которые, казалось, всегда существовали и никогда не были детьми, ни даже очень молодыми людьми, а всегда *большими*, что-то вроде первого человека, сотворенного совершеннолетним. По-немецки мне бы хотелось сказать о Жуковском: ein Urfreund. И батюшка, и матушка всегда были такие веселые, когда приходили в детскую с Жуковским, а Жуковский был так добр, так ласков, шутлив. Моя тетушка (сестра матери), Марья Андреевна Поликарпова¹²³, в эти первые годы помнится мне красавицей, нарядною и гораздо важнее с виду, нежели матушка*. Муж ее, еще лучше ее ли-

* Издатель «Русского архива» с живым чувством сердечной признательности вспоминает Марью Андреевну Поликарпову; в ее старицком поместье, селе Панафидине, провел он вторую половину 1852 г. и слышался от нее многих рассказов про старину. Память ее уважена в Тверском краю. Сосредоточенность, чувство долга и собственного достоинства счастливо сочетались в этой достойной женщине с деятельностью горячего сердца П. Б.

цом, бывал часто, но не занимался мною, так что я помню в это время только его красивую наружность.

Другое милое, доброе, любимое лицо моей детской была Татьяна Васильевна Шлыкова¹²⁴, лучший друг матушки. Она была замечательная женщина, из крепостных графа Шереметева, бывшая танцовщица на его домашнем театре. Ее образование состояло только в русской грамоте и танцах; но природный ум, врожденное достоинство и благородство души, теплота и нежность сердца и наш народный здравый смысл сделали из нее бесценного, верного и доброго друга, истинно приятную собеседницу, даже в кругу таких взыскательных людей, как батюшка, как Дашков, как Северин¹²⁵. Жуковский и Александр Тургенев были ей короткими приятелями, и до конца ее жизни батюшка любил видаться и разговаривать с нею. Она оставалась всю жизнь в семействе графа Шереметева как лучший друг, как вторая мать графа, любима, почитаема тремя поколениями, и скончалась недавно в их доме, в их семействе, оплаканная всеми. В ней виделся тип того, к чему может и должна прийти масса народа нашего, когда она проникнется здоровым элементарным образованием и будет более обеспечена в средствах к жизни, без крайности нынешнего изнурительного труда. Это, может быть, мечта; но мне кажется, что мечта осуществится, когда, с умножением рук и машин, улучшится у нас состояние рабочего класса, тогда как теперь женская работа в нашем сельском быту решительно превышает силы человеческие и убивает все природные способности ума и души.

Еще смутно помнится мне женское лицо, не только оживленное, но лихорадочно-тревожное, с быстрою мимикой жестов, с пытливым взглядом, но без слов. Это была немая девушка, тоже друг матушки, Алена Ивановна Михельсон¹²⁶, дочь известного генерала. Она вышла потом замуж за барона Розена и умерла

в родах, когда мы были за границей; я помню только ее наружность. Она была одною из моих крестных матерей; но другую, настоящую восприемницу мою, графиню Каменскую¹²⁷, я знала только по большому портрету, который всегда висел в моей детской, и по отзывам родителей моих и всех домашних, которые так любили и почитали ее, что она казалась мне каким-то важно-милостивым, прекрасным и благодетельным, но не совсем земным существом. Так она и осталась для меня мифом или отдаленным историческим лицом; я никогда не видала ее.

Здесь кончаются мои легенды, здесь граница баснословных времен, мифологии, золотого века моего первого детства. Воспоминания, более верные, более положительные, хотя иногда менее глубокие, так сказать, менее яркие, заступают место чудесных видений и снов. Перехожу к истории, к сознательному отчету не в том собственно, что сама видала, но по крайней мере в том, что неоднократно слышала от моих родителей и твердо заучила с ранней молодости. Как тяжело и пусто мне становится в настоящем, когда бросишь взгляд на этот длинный ряд протекших годов!

«Душа моя — элизиум теней», — сказал некогда Тютчев. И сколько, сколько их восстает около меня и роится в моей памяти, пока пишу я эти строки в полночный час, при однообразном стуке этих дедовских часов, переживших столько поколений, столько славных, столько сильных, столько доблестных и прелестных человеческих лиц! Тут и поэтический образ Александры Андреевны Воейковой¹²⁸: молодая, прекрасная, с нежно-глубоким взглядом ласковых глаз, с легкими кудрями темно-русых волос и черными бровями, с болезненным, но светлым видом всей ее фигуры, она осталась для меня таким неземным видением из времен моего детства, что долго я

своего ангела-хранителя воображала с ее чертами*. И возле нее, верные ей до гроба и по смерти, друзья ее: Жуковский, со своим добродушным и веселым смехом, со своими шутками и балагурством, столь не похожими на меланхолию его стихов, и Перовский (Василий Алексеевич)¹²⁹, с его красивою наружностью, густыми кудрявыми волосами и светлыми смеющимися глазами, играющий с нами, как будто сам ребенок, и пугающий моего маленького брата своею шляпою моряка без султана, уверяя, что он полицейский и при первом капризе уведет его на съезжую. Умный и веселый, нежный и постоянный в своих привязанностях, он остался до конца верен всем, кого любил в молодости. Но как изменяется в моих мыслях этот отрадный образ из дней моего детства, когда припоминаю последнее свидание с ним в Петергофе, в 1857 г.! Изнуренный, иссохший весь, со впалыми потухшими глазами, еле переводящий дыхание с помощью креозота, с выражением страдания и горя, раздирающим мне душу: от прежнего Перовского нашего остались лишь густые выющиеся волосы и нежное, неизменно верное сердце! Вот, на своих низких подвижных креслах, слепой поэт Козлов¹³⁰, на которого смотрели мы с таким глубоким почитанием, что умолкали в самом разгаре наших игр, когда катился он в креслах в гостиную Александры Андреевны.

Тут и веселый кружок Арзамасский¹³¹. Красавец и баловень аристократических собраний, остроумный, ловкий, веселый, с примесью самолюбия фата,

* От дольней жизни, как луна,
Манишь ты в край иной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной,—

сказал ей Баратынский. Покойный граф А. В. Адлерберг, в детстве своем знавший эту необыкновенную женщину († 1829), говаривал о ней не иначе как с умилением. П. Б.

но высокообразованный, истинно просвещенный Уваров¹³²; и с сановитою южною красотою своею, с прекрасными чертами смуглого лица, высокого роста и возвышенной души, любимый и ценимый по какому-то инстинкту даже нами, детьми, Дашков¹³³, которого, в нашем наивном почитании и любви, мы прозвали *пальмовым деревом* (пальмою между людьми), как прозвали мы Северина *подсолнечником* за его желтое и кисленькое лицо, чопорную фигуру и особенно за измену (как мы думали) Каподистрии¹³⁴ и обратное движение к восходившему солнцу министерства, Нессельроду. Вот и черные, как смоль, раскаленные, как угли, глаза Вигеля¹³⁵, которого раздражительность и негодование на меня в моем детстве я узнала только по его запискам; помню же я его как частого посетителя, хорошего приятеля всех арзамасцев и друга нашего дома, с табакеркой в руках, которую он вертел, играя ею и особенным манером постукивая по ней, а взявши щепотку табаку, как *будто клевал по ней пальцами*, как птица клюет клювом, когда готовился сказать что-нибудь колкое или забавное. А там широкое лицо и тучная фигура Александра Тургенева¹³⁶, тоже ежедневного гостя, но мало занимавшегося детьми, на которого мы с изумлением глядели за обедом, когда он глотал все, что находилось под рукою, — и хлеб с солью, и бисквиты с вином, и пирожки с супом, и конфеты с говядиной, и фрукты с майонезом, без всякого разбора, без всякой последовательности, как попадет, было бы съестное; а после обеда поставят пред ним сухие фрукты, пастилу и т. п., и он опять все ест, между прочим кедровые орехи целою горстью зараз, потом заснет на диване, и спит, и даже храпит под шум разговора и веселого смеха друзей. Помню, как теперь, голубой, набивного бархата, диван и овальный стол из желтого тополя в гостиной нашей, где сиживал он. Эта способность глотать все, что ни по-

падет, и спать потом так сладко, делали его в моих глазах каким-то boa constrictor безвредной породы или добрым огром, который, однако, детей не ест, а не прочь даже поделиться с ними конфетами. Мы его прозвали по-французски le gouffre, потому что этою пропастью или омутом мгновенно пожиралось все съестное.

А вот и Пушкин, со своим веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных, блистательных слов и добродушных шуток, а потом растерзанный, измученный, убитый жестоким легкомыслием пустых, тупых умников салонных, не постигших ни нежности, ни гордости его огненной души.

Вот умный, живой, по-русски добродушный англоман — Кривцов¹³⁷, с механической деревянною ногою, которая всегда возбуждала во мне любопытство и удивление: так мало заметно было легкое прихрамывание в его походке, благодаря искусному механизму этой ноги.

Вот красивое, нежное, почти женственное лицо Бутенева¹³⁸, с кротким и умным выражением глаз и при несколько застенчивом обращении; а с ним его хорошенькая смуглая жена (урожденная Шевич), с ее большими южными глазами, ласковыми и томными, с непринужденностью откровенного и милого обращения, с приветливою ласкою своею к нам, детям.

Образ Батюшкова¹³⁹ неопределенно, туманно рисуется передо мною лишь однажды в той же голубой гостиной; небольшого роста, молодой, красивый человек, с нежными чертами, мягкими волнистыми русыми волосами и со странным взглядом разбегающихся глаз. Я проходила через гостиную в детскую, и отец остановил меня у дверей, где он стоял с Батюшковым, сказав ему: «Vous ne reconnaissez pas la

petite»*. Вероятно, он был долго в отсутствии, или нас не было в Петербурге. В следующее лето, на даче, помню, что стали говорить у нас с горестью, что он делался такой странный, и стали бояться, не лишился бы он ума.

Вот, наконец, и душа всего отцовского круга, пленительный, почтенный образ Карамзина¹⁴⁰, с его статным ростом, тонкими благородными чертами, плавною спокойною походкой и развевающимися на ходу жидкими седыми волосами. В нем рисуется предо мною поныне какая-то особенная гармония в выражении, в голосе, в движениях, во всей наружности; она поражала даже 12-летнюю девочку, не понимавшую в нем внутренней гармонии всех мыслей и чувств его нравственной природы.

А там, в аллеях Эмса, поэтическая тень Каподистрии, с глубоким проницающим взглядом черных глаз, с грустною решимостью на высоком лбу, выражение которого казалось еще решительнее и грустнее от противоположности черных густых бровей с сединою волос.

В аллеях Царскосельского сада вспоминаю другое историческое лицо — князя Кочубея¹⁴¹, во всей привлекательности старинного тона, с мягким достоинством или даже важностью высшего круга французского, с приветливостью улыбки и приема, с его аристократическою красой, устоявшею против разрушительной силы времени лет. Такого же свойства была красота и князя Михаила Семеновича Воронцова¹⁴²; но в нем выражалось больше тонкости и меньше прямодушия, больше ума и меньше привлекательности. В Кочубее сквозь французский лоск проглядывало русское добродушие^{**}; Воронцов смо-

* Вы не узнаете малютку.

** Это русское добродушие было в нем и в самой блистательной его молодости, в эпоху огромного влияния его на дела, во время триумвирата всемогущих друзей и советников Алексан-

трел истым лордом, без всякой примеси родной беспечности и *laisser-aller*. Тут же вспоминается и сутуловатый, черноволосый, всегда покрасневшийся, всегда кипевший и горячившийся, но всегда честный и добрый Дибич¹⁴³ — генерал-самовар, как прозвали его солдаты. И тут же его счастливый соперник, товарищ молодости батюшки, Паскевич¹⁴⁴, в юности баловень природы и двора, в зрелых летах баловень фортуны; красавец собой, талантливый предводитель, человек в сущности добрый, горячо любивший отечество и славу, но испорченный блистательностью своих успехов, жаловавшийся отцу моему на Дунае в 1811 г. на свою злую судьбу, на несправедливость людей и рока, потому что в 30 лет он не был еще главнокомандующим, и опять упрекавший судьбу и свое злосчастье, в предсмертной своей болезни, восклицая: «Вы думаете, скир меня съедает? Нет, заела меня Силистрия; она тут сидит, гложет меня!...». В этих словах слышатся и мучения физические, и бессознательные упреки совести человека-гражданина, горюющего о России и о военной славе ее и о своей!

И сколько, сколько еще теней, безвременно покинувших землю, когда жизнь сулила так много радостей, когда так много обещали они сами внести в нее и доброго, и славного, и полезного!

Вот Лермонтов, со странным смешением самолюбия не совсем ловкого светского человека и скромности даровитого поэта, неумолимо строгий в оценке своих стихов, взыскательный до крайности к собственному таланту и гордый весьма посредственными успехами в гостиных. Они скоро бы надоели

дра Павловича. Тетушка моя, Марья Андреевна, еще ребенком езжала со своей матерью, княгиней Щербатовой, к Безбородке на его дачу, и ее с другими детьми качали на качелях князь Кочубей, Чарторыжский и Новосильцев. Кочубей в особенности мастерски качал, так что девочки радовались его появлению, когда они играли в саду.

ему, если бы не сгубили безвременно тогда именно, когда возрастал и зрел его высокий поэтический дар. Вот Оскар Раден¹⁴⁵, веселостью и колкостью ума, основательностью образования, настойчивостью трудолюбия, честностью и теплотой чувства, блеском дарований и даже некрасивой наружностью столь похожий на своего последнего начальника, отца моего, который видел в нем будущего преемника и государственного человека. Вот Павел Хрущов¹⁴⁶, соединявший в себе восторженность юности с твердым терпением поздних лет, спокойствие зрелого разума с пылкостью души, порывающейся ко всему великому и прекрасному, даровитый, трудолюбивый, любивший Россию выше всего земного. Казалось, готовился в нем деятель для государства и народа; лицом и душою он напоминал Каподистрию и думал идти по одной с ним дипломатической дороге, но не дожил и до 25 лет!

Вот и еще благородный и умный, чистый и честный друг будущего царя — Иосиф Виельгорский¹⁴⁷, который тоже сошел в могилу не тронутый нравственною заразой светской среды. Она томила его молодую душу, и он убегал от нее в тесный круг своей или самой царской семьи и в учебную комнату, где слушал с великим князем мирные и правдивые речи и уроки, согретые любящею душою и спокойным духом Жуковского и честным прямодушием Мердера и Плетнева¹⁴⁸.

Вот и недавно исчезнувший, благородный, честный, светлый, хочется сказать, благочестивый кружок Московский¹⁴⁹; Хомяков¹⁵⁰, с его многосторонним образованием, с истинным даром языков, с изумительным блеском и глубиной ума, с добродушною, почти детскою веселостью и светлою возвышенностью души; Константин Аксаков¹⁵¹, с его цельною, непреклонною и вместе нежною натурой, честностью и чистотою христианина первых веков;

Иван Васильевич Киреевский¹⁵², с задумчивым и пытливым взглядом, с какою-то меланхолией человека, живущего в отвлеченном созерцании духовного мира. Как-то светла становится грусть воспоминания о них: так глубоко проникнуты были они христианскими чувствами, христианскою истиной, что и скорбь по ним возвышается далеко выше житейской печали, и над этими могилами самые слезы без горечи. Останавливаешься над ними, как на месте покоя на пути в ту горную Галилею, где опередили они нас и «варягут ны» с самим Спасителем.

О, много, много их, этих прекрасных теней теснится тут перед мысленными очами моими, и всех не пересчитать!..

А над всею этою толпой отошедших высится величественное и трагическое лицо Императора, восшедшего на престол среди волнений бури, и среди ломки и потрясений бури сошедшего в могилу. Как ясно видится он мне! Вот он во всем блеске величия и красоты, во всей силе молодости, со всею бодростью духа для совершения великих начинаний, венчанный герой моего юного воображения, покоритель неверных, освободитель сербов, воссоздатель Греции! Потом... измученный, сокрушенный исполинскою войною с внешнею враждой и предательством, с внутреннею разоблаченною ложью, и, наконец, убитый горем, на смертном одре, во всей красе конечного покоя и отдыха от невыносимой, разбившей сердце, сломившей все силы душевные и телесные, неровной борьбы, непредвиденной тогда, не вполне понятой и ныне.

Зимний дворец. Февраль 1867 г.

II

О происхождении нашего рода выпишу то, что находится в 1-м томе биографии покойного отца моего^{*153}

«По фамильным преданиям, Блудовы ведут род свой от Ивещея (во св. крещении Ионы) *Блудта*, бывшего воеводою в Киеве, в 981 г. и умертвившего великого князя Ярополка. Блудт, впоследствии, кровью своею омыл преступление: служа верно России и великому князю Ярославу, он сложил голову в битве с королем польским, Болеславом Храбрым. О сыне его, Гордене Блудовиче, упоминается в древних наших песнях между богатырями великого князя Владимира. С тех пор до татарского разгрома потомки Блудта служили великим князьям Киевским. Когда же южная Россия присоединилась к Литве, род Блудтовых, или Блудтичей, разделился на несколько ветвей, из которых одна служила князьям Моравским, другая перешла в Польшу, а главная оставалась в Малороссии, сражалась под Гедимином против татар и под Владиславом II Ягайловичем (королем венгерским и польским) против турок, в битве под Варною, где Блудовы стяжали и герб свой, известный под именем *Топачь*».

«Отсюда предания переходят в историческую генеалогию, основанную на документах. Вскоре, по смерти Владислава, гонение на русские дворянские роды, оставшиеся верными православию, заставило Феодора Блудта (или уже Блудова), со многими другими, покинуть Киев; он перешел в подданство великих князей Московских, с согласия Казимира IV и Александра Литовского, как упоминается в трактатах великого князя Василия Васильевича III. Блу-

* Т. е. в книге Е. П. Ковалевского: «Граф Блудов и его время». СПб., 1866. II. Б.

довы основались в своей смоленской вотчине, около Вязьмы, где и до сих пор владеют небольшим имением. Внук Феодора, Борис, был послом Иоанна Васильевича при крымском хане Сайдет-Гирее. Игнатий Блудов служил товарищем Андрея Курбского, ходил под Казань и в Ливонию, бился с крымскими татарами и с войском Стефана Батория под Смоленском. Назарий Блудов, прозванный Беркутом, со своими вязьмичами, из первых отвечал на призыв троицкого архимандрита Дионисия, выступив с ополчением к лавре».

«С тех пор история не упоминает о предках наших. Они сошли со сцены вместе с народными деятелями великой эпохи и тихо жили в своих вотчинах, послужив по несколько лет отечеству, как бы для успокоения совести. Но предания о борьбе, страданиях и подвигах предков, для охранения целостности России и православной веры, хранились в роде Блудовых, переходя из поколения к поколению».

Матушка моя была урожд. княжна Щербатова, и ее происхождение от князей черниговских с малолетства приучило нас к особенному почитанию святого князя Михаила, замученного в орде за Христову веру, которого мощи находятся в Архангельском соборе, в Кремле. Помню, с каким особенным чувством относилась я к истории первых князей русских, как родственно я сочувствовала прабабке своей, св. Ольге, Владимиру Равноапостольному и особенно Святославу Ольговичу и Игорю Всеволодовичу и полку его; с каким интересом я следила за путаницей происшествий в эпоху княжеских междоусобий, когда стала читать русскую историю. Конечно, этим семейным преданиям должно приписать то чутье, которое ребенку указывало на поэтическую сторону этой части «Истории» Карамзина, столь мало ценимую вообще читателями. Сколько сладостных слез пролила я над прелестным эпизодом про подвиги и дружбу

Святослава Ольговича и сына Юрия Долгорукого, и как напоминал он мне дружбу Давида и Ионафана в Ветхом Завете! От матушки тоже часто слышали мы о необыкновенном происшествии, случившемся с ее дедом, князем Николаем Петровичем Щербатовым¹⁵⁴, и, как часто, стоя у кивота с образами в ее спальне, я молилась одна или рассказывала моему другу, Кате Воейковой¹⁵⁵, про явленный образ Казанской Божией Матери, перешедший к нам от этого прадеда.

В родословной своей дед мой написал между прочим о своем деде так: «Князь Петр Григорьевич в 1671 году пожалован царем Алексеем Михайловичем в стряпчие; в 1678 году апреля 3-го числа царем Федором Алексеевичем пожалован в стольники; в 1679 году был в Киевском походе, для обороны города Киева и других малороссийских городов, в Севске и Путивле, в полку боярина и воеводы князя Михаила Алексеевича Черкасского с товарищами; в 1683, 1689 и 1690 годах был в Троицких походах с государями (царями Иоанном и Петром Алексеев.) ради бывших тогда беспокойств в Москве... Скончался в 1704 году». Итак, князь Петр Григорьевич Щербатов, стольник царский, переживший смутное время правления царевны Софии, скончался с концом старых порядков России, и сын его, князь Николай Петрович, уже начинает новую службу, по новому порядку вещей, которому он был душевно предан, и значится в родословной: «По имянному Его Величества царя Петра Алексеевича указу записан в Преображенский полк солдатом, и того ж году (а число года пропущено), пожалован сержантом; того ж году пожалован прапорщиком и неотлучно, в продолжение всей Шведской войны, находился при Его Царском Величестве, как на море на галерах, так и на сухом пути; а в 1711 году, за храбрые поступки, особенным Его Величества указом, в тот же Преображенский полк пожалован поручиком. По кончине же Петра

Великого, не желая более служить в гвардии, выпущен в премьер-майоры в драгунский Ропов полк, и того же году взял свою отставку».

Всею душою преданный великому человеку, «кем наша двинулась земля», упоенный славою славного времени, ослепленный блеском этого нового мира, открывавшегося перед изумленным взором тогдашней молодежи, во всем обольстительном очаровании науки, силы и гордости человеческой, во всей распушенности нравов и во всем разгуле ума, прадед мой вполне увлекся духом времени или, лучше сказать, духом своего полувоенного, полупридворного кружка, и унесся, может быть, далее других в открытую пучину вольнодумства, почти до отрицания всемогущего Бога. Его портрет остался у нас. Лицо смуглое и черные, умные глаза, стриженные по-европейски волосы, бритая борода, небольшие усы, костюм немецкий, — придают ему какое-то сходство с самим Петром I; но нет открытого и отважного взгляда Петра. Тонкое, слегка насмешливое выражение веселых, несколько прищуренных глаз, и улыбка (далеко не идеальная) довольно грубого рта, у человека, насладившегося своею молодостью без слишком большой разборчивости и сдержанности, носят отпечаток скептицизма и страстности. А все-таки есть что-то привлекательное в этом лице: — это человек недюжинный, этот человек участвовал в оргиях Петра и в пирушках Феофана Прокоповича; но этот человек находился тоже *неотлучно при Петре во всю Шведскую войну, и на море на галерах, и на сухом пути, в битве под Полтавой*; и по кончине Петра *не пожелал более служить*, оплакивая, в страстном порыве горести, полководца и царя, которому поклонялся и которого любил как гения и героя. В какое время именно, не знаю, — в правление ли Меншикова или Долгоруковых, князь Николай Петрович жил спокойно в отставке в своем семейном кругу (он был женат

на Шереметевой¹⁵⁶), как вдруг, в один прекрасный день, его арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Он не имел ничего на совести и не мог понять, какую на него взвели клевету; ему, разумеется, ничего не объявляли. Это, впрочем, было обыкновение того времени; но обыкновенными тоже вещами считались тогда пытка и казнь смертная, во всей разнообразности жестокого воображения и жестоких нравов тогдашних. И вот, оторванный от жены и детей, от удобств своего барского дома, князь Николай Петрович, безвинно обвиненный, томился в безмолвном уединении каземата, в неизвестности равно о близких своих и о недругах, погубивших его, и в тревожном ожидании мучений и казни, но не искал утешения в забытой им, утраченной вере, опираясь лишь на горделивое сознание своей юридической невинности. Долго, оставленный всеми, без занятия, без книг, без сношений с людьми, упорно крепился он, как философ и стоик, против случайностей жизни и против коварства человеческого, гордо вооружаясь бесплодным терпением, безнадежным презрением к ударам слепой Фортуны — классической богини, вычитанной им в виршах и прозе подражателей эллинских поэтов.

Время шло тяжело и медленно, и никакой перемены не приносило за собой в положении мнимого государственного преступника. Однажды, после длинного, бесконечного дня, проведенного в размышлениях и догадках о вероятно роковой развязке своей судьбы, князь заснул. Уже давно перестали являться ему, даже во сне, прежние светлые картины и лица; уже давно самые сновидения его заключались в тесной рамке каземата; даже спящего воображение уже не имело силы унести его из плена, возвести от тли. Так и на этот раз, во сне князь Николай Петрович увидел себя в своем тесном сыром, тюремном жилье; но мрак темницы редел, как редеет темь в

ночи перед рассветом, гораздо прежде чем займется заря,— и душная атмосфера, как будто легкая струя воздуха, тянула сверху, и ему стало свободнее дышать. Смутное, тревожное предчувствие охватило его, он ожидал чего-то или кого-то, и волнение давно забытой надежды овладело им. Дверь отворилась без обычного скрипа, без раздражающего звука ключа и замков, и вместо единственного посетителя его, очередного караульного, предстал пред ним «некий древний, благолепный муж». Лицо его сияло такой чистой, жалостливой любовью; такой тихий свет и такая атмосфера покоя окружали его, что спящий не мог себе дать отчета в подробностях явления, черты, одежда, все ускользало в неопределенности, перед светозарным выражением любви, кротости, жалости на этом лице. В радостном изумлении смотрел на него князь и безмолвствовал; и вот послышался тихий, но сладко-внятный шепот: «Ты не спишь, князь Николай,— сказал гармонический голос.— Ты не спишь, но очи твои держатся, и ты не видишь ни своего положения, ни ожидающей тебя судьбы. Судьба твоя в твоих руках. Ты напрасно ищешь причины твоего заточения в злобе или происках врагов. Люди здесь слепое орудие; твоя печаль не к смерти, не к смерти; а к славе Божией. Князь Николай, забыл ты Бога! Обратись, прибегни к молитве! И Тот, Кто разрешал узы святых апостолов и отверз темницу их, Тот выведет и тебя отсюда, и возвратит тебя твоей сетующей, молящейся семье». Князь проснулся, вскочил с постели; все было темно, пусто и сыро в каземате по-прежнему. Не было следов видения, но что-то необычное зашевелилось в его душе; смутные воспоминания детства и сладких минут доверчивого умиления, когда в первое число месяца служили дома всенощную, или когда освящали воду накануне Крещения Господня, или когда стоял он полусонный, но радостный подле матери в их приходе со свечою

и вербою в руке.... Прочь это ребячество, подумал он. Неужели я так слаб и опустился в этой темноте и скорби, что стану верить снам и молиться на иконы святых? А порадовалась бы этому малодушию моя бедная княгиня Анна Васильевна: она так часто уговаривала меня хоть «Отче Наш» прочесть с нею, когда она усердно клала земные поклоны перед кивотом своим, со всею набожностью своего Шереметевского рода.

Так отшучивался от впечатлений сна князь Николай Петрович; но эти впечатления его преследовали весь день и, вспоминая неземную красоту явившегося ему старца, он невольно искал сходства со знакомыми ликами, изображенными на иконах на стенах московских церквей. Однако гордость и упрямство взяли верх, и не прочел он ни одной молитвы, даже не сказал про себя со вздохом «Господи помилуй!».

Опять потянулись долгие дни, и ничего не случилось, что бы могло прервать однообразное томление тюремной жизни. Уже впечатление необыкновенного сна сглаживалось из памяти князя, вполне возвратившегося к своему безутешному стоицизму, как вдруг опять повторился тот же сон, во всех своих подробностях; только сияющий лик старца как бы подернулся грустью, и он с тихим упреком выговорил князю за его неверие.

Князь Николай Петрович был потрясен. Так много времени прошло после первого сновидения; воспоминание и даже впечатление этого сна так изгладились из его памяти, что явление нельзя было приписать его собственному воображению. Неужели тут есть что-нибудь сверхъестественное? На этот раз он был вполне озабочен, и мысль его была беспрестанно занята видением; но покориться, смирить себя и свою гордость, заплакать и молиться он не хотел и упрямо крепился. Но он уже не знал душевного покоя, и через несколько ночей опять увидел чудный

сон. Лучезарный старец предстал по-прежнему пред ним, но строгость лица его поразила князя. «Очи твои держатся, и сердце окаменело, князь Николай,— сказал он,— а время идет, срок близок: кайся и молись! Ты мне не веришь, ты не веришь в Пославшего меня; поверишь, может быть, вещественному доказательству истины моих слов. Когда поведут тебя на ежедневную прогулку в равелин, идучи по коридору, взгляни на третью дверь от твоего каземата; над нею повешена икона. Попроси офицера снять ее и дать тебе, это образ Казанской Божией Матери. Возьми его, молись, проси заступления Пречистой Девы Богоматери. И опять говорю: веруй, проси, и просящему дастся; будешь освобожден и возвращен семейству, которое молится за тебя. Это мое последнее посещение; меня ты не увидишь более. В твоих руках твоя судьба; выбирай: позорная смерть или свобода и долгая, мирная жизнь!».

Сновидение исчезло, и с пробуждением закипели мысли и чувства у князя Николая Петровича. Невольно, неодолимо вливалась вера в душу его; и как ни боролся с самим собою, надежда и молитва воскресали в его сердце, хотя гордость не допускала еще слов на его уста. День, другой, он шел по коридору и только досчитывал до третьей двери, но крепился и не поднимал глаз вверх. Однако не утерпел, и один раз решился посмотреть. Какой-то маленький, темный четвероугольник точно чернел над дверью; но князь не погрешил против дисциплины: ничего не спросил у дежурного офицера; однако этот четвероугольник тянул и манил его к себе ежедневно, а по ночам догадки о том, точно ли это изображение святое, и именно Божией Матери, как было сказано ему во сне, мешали ему спать. Наконец он решился попросить снять этот образ и позволить ему взять его к себе. Дежурный офицер позволил; и когда, оставшись один в своем каземате,

он стал разбирать и чистить образок, вышло, что это точно изображение, называемое Казанской Божией Матерью. И это *вещественное доказательство* истины слов, слышанных во сне, или, скажем лучше, святое действие благодати неистощимой любви Бога к грешному человечеству, согрело сердце князя Николая Петровича и открыло ему глаза. Уверовал он, как Фома, пал ниц, и со словами «Господь мой и Бог мой!», полилась из глубины пробужденной души его горячая мольба и благодарение; и мир, и покой, и свет разлились в упрямом смущенном уме. Через несколько дней пришел приказ возвратить его на волю; так же без всяких объяснений последовало его освобождение, как прежде последовал его арест.

Князь Николай Петрович взял с собою образ, сделал на него золотой оклад, и перед кивотом, куда поставил его, он читал со своею княгиней «Отче наш» с такою же верою и усердием, как сама Анна Васильевна, дочь благочестивого Шереметевского дома. И, конечно, отец мой и мать с не меньшей теплотою и чистотою веры молились перед этой фамильной святыней, которою дед мой благословил свою любимую дочь, Анну Андреевну, мою мать.

Эта княгиня Анна Васильевна¹⁵⁷ была дочь Василия Петровича Шереметева, родного брата фельдмаршала, первого *графа* того имени. Князь Николай Петрович Щербатов не только был близок к Шереметевым по родству, но и по образу мыслей и политическому направлению. Ни тот, ни другой не были приневолены Петром принять новые порядки: они сами, по доброй воле, по убеждению и увлечению, совершенно принадлежали к сторонникам европейского просвещения и всей душой предались заветным мыслям Петра. Что они «смело сеяли просвещение» и между женскими лицами своего семейства, доказывают Записки дочери фельдмаршала, кн. Натальи Борисовны Долгоруковой¹⁵⁸, писанные так непринужденно,

просто и хорошо, что дай Бог и в наши дни таким русским слогом писать. К этой привлекательной и достойной удивления героине супружеской верности и любви брат ее, граф Петр Борисович¹⁵⁹, относился нехорошо, можно сказать, жестоко. Когда Наталью Борисовну просватали, ему было только 17 лет; отказать всесильному временщику, который умел понравиться сестре, не было никакого повода, и даже было бы небезопасно. Но политические страсти были в полном разгаре, и члены Верховного совета, равно как и сам блистательный, высокомерный князь Долгоруков¹⁶⁰, были вообще ненавистны. Долгоруковы и Голицыны уже замыслили олигархию, а Шереметеву не полагали дать в ней участия. Он, следовательно, не был связан ничем, а самый план их был в высшей степени противен всему дворянству в России, как батюшка очень часто слышал от старожилков в детстве. Смерть Петра II¹⁶¹ и падение Долгоруковых еще умножили нерасположение Петра Борисовича против этого брака, и он употребил все усилия, чтобы удержать сестру и спасти ее от грозившего несчастья. Но она страстно любила жениха и не хотела изменить данному слову в минуту недоумения, колебания, когда не знали еще, как примется предполагаемый переворот. Это благородное упрямство, кажется, поссорило ее с братом; она сама жалуется на своих родственников в своих Записках, и я никогда о ней не слыхала в детстве, как о других членах этого близкого нам семейства, и только впоследствии, когда уже выучилась читать, узнала трогательную повесть ее жизни и стала гордиться мыслью, что она была родственницей наших предков. Замечательно, до какой степени были ненавистны большинству дворянства всякие попытки к олигархии, всякие аристократические выходы в России; а между тем они-то именно и повторялись у нас — боярами-перелетами, принявшими польские

воззрения во время избрания Михаила Федоровича, равно как и полуобразованными, гладко отшлифованными на европейский лад князьями верховными, мечтавшими о шведских порядках при восшествии Анны Иоанновны, и наконец не очень высокообразованными, но весьма благовоспитанными господами наших дней, мечтающими об английской Камере пэров. Даже наши малообразованные и совсем необтесанные приверженцы молодой России, поклонявшиеся Парижской коммуне (за две недели до ее падения), за ее требование, чтобы право голосования оставалось в руках городов и лишило бы голоса этих грубых, невежественных крестьян, даже часто великие реформаторы *de l'Internationale* метят в олигархию, в *правление меньшинства*, аристократии *интеллигенции*, разума. Как хороша интеллигенция, увидели мы в Париже; как основателен разум, свидетельствуют посмертные Записки Герцена¹⁶², так забавно разоблачающие всю несостоятельность наших эмигрантов. И на все эти попытки большинство дворян отвечало противодействием; а народ — упрямством *твердого бездействия* или поучительной насмешкою, как случилось еще недавно, когда, обратясь к работникам у какого-то строящегося дома в Петербурге, один из шумевших на улицах студентов 1862 года сказал: — Смотрите, нас ведут в крепость! И получил в ответ: Туда вам и дорога! Порою, приходилось и похуже нашей аристократии, когда случится, народ *опьянеет*, так сказать, теряет свое отличительное русское свойство — здравый рассудок. Так было при Стеньке Разине, при Пугачеве, при Железняке¹⁶³. Вообще масса дворянства и весь простой народ понимали доселе, что все эти предполагаемые нововведения не идут к нашему строю жизни, и что много государей (даже порядочных) хуже одного, даже дурного. Как будто столетия междоусобий и беспорядков и близкая гибель земли

в междоусобицу оставили такие глубокие следы в истории нашей, что бессознательно проникнут ими весь русский люд и ставит единство власти так же высоко, как единство земли. Дай Бог, чтобы умели осмыслить в нас эти убеждения наши учителя и правители и дали России терпеливо дойти до того нового строя политической жизни, до которого не могут достигнуть чужие народы ни кровью своею, ни своею цивилизацией; и в его же основу ляжет та вера, коей главное учение состоит в божественных словах: «Любите друг друга!». Но для такого воспитания России нужно было бы новое министерство, которое д'Ацелио так метко называет: *Ministerio dell'esempio*, «министерство хорошего примера»; а возможно ли составить хоть департамент такой при Министерстве просвещения или внутренних дел? Увы, тяжелый грех берем на себя мы, все и каждый, считающие себя честными людьми и подающие такой бедственный пример нашей распущенностью, ленью, непостоянством и легкомыслием!

Господи! На какие примеры успела наглядеться Россия и с нею прадед мой, доживший до времен Елисаветы. После величия, часто запятнанного кровью и развратом, но все-таки истинного величия Петра,— пустой разврат Екатерины I, грабеж Меншикова, однако хоть некоторые отблески прошлого царствования, хоть некоторая последовательность в политическом направлении, и исполнение хоть одного из планов Петра основанием Академии наук. Потом, за кратковременным царствованием Петра II, придворные перевороты, убивающие все надежды благоразумных последователей Петра Великого, и, наконец, сплошная грязь и кровь биронщины! Уж это было самое тяжелое испытание для тех, которые предпочитали одного государя многочисленной олигархии. В это тяжелое время князь Николай Петрович Щербатов, бывший вторично на службе комен-

дантом Кронштадта и вышедший опять из службы, оставил навсегда Петербург. Жизнь в новом городе Петра, при основании которого он находился, на возрастании которого такие возлагал надежды и предавался таким золотым мечтам славы и добра, жизнь в этом расцветающем городе сделалась ему невыносимою. Он воротился на жительство в Москву. Фельдмаршала графа Шереметева уже давно не было в живых; сын его жил то в Москве, то в Петербурге, в доме на Дворцовой набережной (купленном потом в удел, теперь же перестроенном для дворца великого князя Михаила Николаевича)¹⁶⁴. Нынешний дом Шереметева, со своим большим двором и садом, был тогда загородным домом. Фонтанка и находящиеся за нею кварталы тогда были вне черты города и считались дачами. Впоследствии дед мой купил у Апраксина дом в Семеновском полку (ныне купца Масленикова), который также считался загородным; там жил Апраксин¹⁶⁵, когда был сослан, с запрещением въезда в столицу, и туда все его друзья и родственники съезжались, чтобы веселиться и пировать с ним. Ссылка не всегда бывала в Березов. Впрочем, я не уверена, что он здесь именно жил и съезжались к нему, или в другом его доме, за несколько верст у «Четырех рук»¹⁶⁶. Только знаю, что дед купил дом у Апраксина, а при императоре Павле дом этот уже вошел в черту города.

Но возвращаюсь к графу Петру Борисовичу Шереметеву. Граф Петр Борисович был вообще добрый человек, нежный и родственник, как он доказал моему деду. Князь Н. П. Щербатов переехал уже на жительство в Москву, когда ему пришло время отдать на службу сына своего, моего деда, князя Андрея¹⁶⁷, и отправить 16-летнего мальчика в Петербург. Это было в самом начале царствования Елисаветы. Его отправили прямо к двоюродному брату уже скончавшейся матери и, живя в его доме, он

скоро привязался к нему и к его жене, графине Варваре Алексеевне¹⁶⁸, урожденной княжне Черкасской, самой нежной привязанностью. Они его полюбили как своего сына, особенно Варвара Алексеевна. Она была очень хороша собой, если судить по ее портретам, была умна, распорядительна и принесла за собою огромную часть огромного ныне шереметевского имения. Кажется, Останкино с его старой красивой церковью, принесено ею же в приданое. Она тоже принадлежала к дому одного из приверженцев Петровских реформ и держалась нововведений; но в то время это направление не мешало сохранять благочестивые обычаи и православные верования и предания, и даже многие уродливые привычки старины, так, например: когда она с мужем ездила в Москву, в одной карете с нею ехала дура, а с графом шут. Эти путешествия требовали больших приготовлений, и дед мой записывал для нее все распоряжения. Что-то среднее между маршрутом и церемониалом одного путешествия долго хранилось в бумагах у матушки, пока не украли у нас шкатулки с фамильными бумагами (воображая, вероятно, что в ней были деньги или драгоценности). В то время, конечно, поездка в 700 верст по ухабам, пескам и бревенчатой мостовой выходила настоящим путешествием, и даже затруднительным и тяжелым. Зато люди богатые и знатные, как Шереметевы, ехали целым караваном. Вперед отправлялся повар с целой походной кухней и провизией; с ним отправлялся дворецкий с винами, столовым бельем и серебром. Еще раньше отправлялся обойщик с коврами, занавесками, постелями и бельем. В городах доставали квартиру для ночлега или у знакомых, или у зажиточных купцов, как и теперь люди с *протекцией* (дружеской или служебной) принуждены делать в глубь России. В деревнях выбирали почище избу и отделявали коврами и занавесами до приличного и опрятного

вида. Потом уже отправлялись господа с шутами и карликами, с детьми и няньками, гувернерами и гувернантками, и ехали так дней 7 или 8 до Москвы. Не знаю, часто ли повторялись у Шереметева эти путешествия; но дед мой, во всяком случае, не мог часто сопровождать своих родственников, потому что был на службе, а именно в Измайловском полку. У Шереметевых тогда еще не было сыновей, а через полтора года после его переселения к ним родилась у них дочь Анна Петровна¹⁶⁹, которую князь Андрей полюбил с ее рождения как дочь, как сестру, как друга и которая была для него главным предметом заботы сердечной, радости и любви до самой ее смерти. Был ли он влюблен в нее? Такой ли любовью она ему отвечала? Если и было так, что они сами не подозревали этого. 18-ю годами старше ее, он, вероятно, все еще видел в ней ребенка, которого он лелеял и нянчил почти с ее рождения; она в нем видела и друга, и пестуна; да в то время их родство считалось слишком близким, чтобы помышлять о браке, и так же мало приходило в голову влюбиться в двоюродную сестру или племянницу, как в сестру родную. Можно судить разное об этом предрассудке, но, конечно, им упрочивались и размерялись родственные связи семей, и так как мы еще далеко не дожили до христианской любви между всеми людьми, всех стран мира, о которой толкуют космополиты, то было недурно поддержать этот обширный круг родства, равно как и более обширный круг единства народного, которое тоже презирают люди, находящие все это слишком узким для них, хотя большею частью они любят и поклоняются всему человечеству, представляемому в себе самих только, со всею гордостью своего колоссального и благовидного эгоизма. Но дедушка и Анна Петровна любили друг друга просто, крепко и неизменно, как брат и сестра, и ее портреты в разных возрастах и в разных нарядах

остались у меня до сих пор свидетельством их дружбы. К сожалению, переписка их, очень большая, потеряна тоже в украденной шкатулке. Я в детстве слышала об Анне Петровне как об очаровательной женщине; но по портретам нельзя судить об этом: на них у нее хорошие, хотя небольшие, черные глаза, смуглое, оживленное лицо и маленькие, тонкие, красивые руки; но черты не хороши. На гробнице ее, в Лазаревской церкви Невской лавры, надпись гласит: «Была фрейлиной премудрой монархини, но была недолго». К ней сватался богатый и знатный, отчасти, можно сказать, и знаменитый, граф Никита Иванович Панин¹⁷⁰. Это была совершенно приличная партия для богатой и знатной невесты; родители ее благословили и помолвили. Дедушка, как старший брат, одобрил и поддержал выбор. Все были довольны, кроме одной женщины, мне неизвестной, которую граф Панин покинул для Анны Петровны. Это было в то самое время, когда в Петербурге свирепствовала повальная болезнь — оспа и когда императрица выписывала из-за границы вновь открытое предупреждающее средство — вакцину. Болезнь эта поражала ужасом, многих уложила в гроб, но еще больше людей изуродовала, и, разумеется, молодые женщины особенно опасались ее. Граф Панин с нетерпением ожидал привоза вакцины, торопил, выписывал и уговорил невесту при первой возможности привить ее себе. Это составляло ежедневный разговор, толки, заботы; все это было известно и той несчастной, которая возненавидела невинную, не знавшую даже о ее существовании, Анну Петровну. Тогда была мода для молодых девушек и женщин высшего круга нюхать табак, будто потому, что было здорово для глаз, а, в сущности, вероятно, ради прекрасных и миниатюрных табакерок (которых несколько осталось и у нас, после матушки). Графу Панину вздумалось подарить невесте такую драго-

ценную игрушку с каким-то особенно хорошим табаком. Не знаю, каким образом удалось ее сопернице исполнить злую мысль: она нашла средство достать оспенной материи, самой злокачественной от одного больного, и впустила ее в табакерку. Может быть, в своей ревности она думала только изуродовать соперницу, в надежде, что с потерей красоты она потеряет и любовь жениха; но бедная Анна Петровна, вдохнув этот яд, заразилась самой ужасной оспой и расплатилась жизнью. Для деда моего это был ужасный удар. С нею он лишился лучших радостей жизни и, кроме горести утраты, мучила его мысль, что эта чистая, высокая, благородная душа сделалась жертвою низкой зависти гнусного расчета продажной красавицы и недостойной темной соперницы. Бедная Анна Петровна и не думала ей вредить; она и не знала, что кому-нибудь помешала, приняв, по желанию родителей и по приличию светскому, предложение Панина. Так ли она должна была кончить на 24-м году свою мирную и вместе с тем блистательную жизнь? Есть утраты сердечные, тяжелые, есть утраты жгучие, жестокие, есть утраты незаменимые; но в жизни каждого человека, между многими и многими утратами, есть одна, которая переменяет всего человека, которая отрывает у него часть сердца; притупляет ум, отнимает всю упругость молодости, всю веру в счастье, от которой не справиться никогда: это есть утрата не самого близкого человека, не самого любимого, но человека самого *нужного* душе. И отчего он так нужен? От обстоятельств ли? От влияния? От сходства ли, от противоположности ли характеров? Трудно сказать, и себе самому не дашь ответа. Знаешь только, что будто что-то оборвалось в сердце, и на этом месте всегда останется пустота; оно и свято, и больно, и становится страшно туда заглянуть, и уже никогда не найти там душевного клада, которым так богата

была жизнь! До тех пор часто расставался дедушка с Анною Петровной: он был несколько раз послан курьером в армию, и в Париже был при блистательном и распутном дворе Людовика XV, и любовался Марией-Антуанетой, Madame Elisabeth и принцессой Ламбаль¹⁷¹, во всей прелести их юной красоты, и увлекался с ними беспечною их веселостью, не предвидя ужасного исхода всего этого блеска и всех добрых намерений честного, добродетельного и великодушного Людовика XVI. Но среди грома войны и среди блистательных версальских праздников мысль его отрадно покоилась на воспоминании лучших радостей семейных, и тянуло его домой, к этой сочувственной душе, которая и вблизи и вдали делила радости его и горе, и боялась, и молилась, и торжествовала с ним и за него. Где бы он ни находился, переписка частая и откровенная, хоть немного, заменяла дорогую привычку искреннего обмена мыслей и чувств. А теперь — где найти эту ребяческую веселость и доверие, эту детскую и дружескую веру и любовь, с которыми она обращалась к нему за советом и участием, и в свою очередь поддерживала, и одобряла, и бессознательно наставляла его на жизненном пути, этим кротким, тайным, можно сказать, таинственным влиянием женского такта и любви? Алексей Петрович Ермолов¹⁷², намекая на собственную жизнь, сказал мне однажды: «Если б женщины знали, какое влияние к добру или ко злу имеет непременно какая-нибудь женщина в жизни каждого мужчины, они бы не жаловались на ничтожность своего положения и были бы менее опрометчивы в своих действиях и словах».

Дед мой, кн. Андрей Николаевич, испытал это влияние к добру и к возвышению и очищению души его, во всю жизнь своей кузины, а после ее смерти еще крепче прежнего привязался к ее матери, Варваре Алексеевне, которая уже давно заменяла ему

родную мать. Не знаю, прежде ли смерти Анны Петровны, или в горестное время после ее потери, но князь Андрей Николаевич стал играть и проигрывать значительные суммы, расстраивая имение, наследованное после отца своего, умершего в 1758 г. Граф и графиня Шереметевы хотели вознаградить потерю и подарить ему имение в Шлиссельбургском уезде, выгодное по близости к столице; но дед мой и слышать не хотел о каком-либо даже ничтожном ущербе их сыну, и решительно и неуклонно отказался, несмотря на настойчивые предложения Варвары Алексеевны и на повторение этого предложения впоследствии их сыном, Николаем Петровичем. Истинная сыновняя любовь князя Андрея Николаевича к богатым родственникам доходила до всякого самопожертвования, но не до материальной выгоды. Дед мой, равно как матушка и отец мой, и его мать, были очень щекотливы насчет денег, и не раз подвергались шуткам, если не насмешкам, получая название Кузьмы и Демьяна Бессеребренников. Отчасти, может быть, князю Андрею Николаевичу не хотелось воспользоваться предложением дяди и потому, чтобы не казалось, что он их располагает к себе в ущерб своему брату, князю Павлу Николаевичу¹⁷³. Об этом брате я ничего не слыхала ни от кого, но зато много слышала о его семействе.

Одна дочь князя Павла Николаевича, княжна Елисавета Павловна¹⁷⁴, красавица собой, была из первых воспитанниц Смольного монастыря, когда только что было основано это училище Екатериною II. По выходе из Смольного, она жила у моего деда и особенно любила мою мать, которая тогда была еще девочкой и которою она занималась как маленькою сестрой. За то у нас в семействе сохранилась особенная любовь к ней и какое-то нежное почтение. Я хорошо помню ее в ее старости: тонкие, благородные черты, седые волосы, мягкие и волнистые в своей седине,

не покрытые никаким чепцом (не знаю почему), большие, ласковые, кроткие глаза, карие со светлыми, золотистыми точками или искрами в них, как бывает в глазах карих, но не черных (не умею хорошо выразить). На ней всегда были темный тафтяной капот¹⁷⁵ (douillette) и большая, теплая шаль, приколотая булавкой; подле нее стоял круглый столик, на нем серебряный колокольчик с черной ручкой. Так сидела она всегда, миловидная, грациозная, приветливая, но неподвижная: ее исхудалые руки были изуродованы ревматизмами, от которых она совсем потеряла движение ног. До этого состояния паралича довела ее походная жизнь в сырых квартирах и палатках, в которых ей приходилось перебиваться внутри России, в Молдавии и на Кавказе, следуя всюду за любимым мужем, где только по военным правилам дозволялось женщинам находиться. Она была замужем за Александром Васильевичем Поликарповым¹⁷⁶, хорошим генералом, побывавшим во всех походах в Турции, командовавшим отрядом на Кавказе, и бывшим потом губернатором в Твери, где у него было значительное имение, в котором они любили жить летом и в котором Елисавета Павловна отстроилась после смерти мужа.

Она была из старушек высокого круга первая, которую я узнала. Они теперь совсем перевелись, и мне кажется, что их место остается пусто. В наше же поколение слишком часто случалось видеть, как старухи сидят в одиночестве, с трудом добиваясь партнера дома, посещаемые только на полчаса, много на час времени через день или два своими дочерьми, внучками или невестками, приезжающими по очереди и тяжело вздыхающими от такого подвига, когда возвращаются от этих скучных старух или стариков. У нас (да и вообще в то время) не было так. Сын Елисаветы Павловны с женою жил у нее, тоже незамужняя дочь; а мои мать и отец, считая ее старшею в

семье, не пропускали ни одного дня, чтобы не побывать у нее, большею частью проводили у нее вечера, в какой-то *vie de château*, одни за партией карт, другие за работой; а отец мой был их чтецом, и неисчислимое множество романов в переводе на французский язык *miss Radclile*, *miss Bumey*, Вальтера Скотта прочел он им. Мы, бывало, слышим оживленную беседу об этих чтениях, критику или похвалу, рассказы и анекдоты; но ни одной мне не помнится жалобы на скуку или обузу этого бессменного дежурства у старой родственницы. Иногда мы слыхали о более многочисленных вечеринках у нее; а на Святках к ней или от нее отправлялись матушка моя, тетушка Марья Андреевна (невестка Елисаветы Павловны) и несколько других молодых людей, иногда и с батюшкой, под маскою, целою толпой, *на огонек*, в дома знакомых или по крайней мере известных людей, но к которым не были выезжи. И так *интриговали* под маской, танцевали под музыку клавикорд, забавляли других и себя и уезжали, не открывая своих лиц, ни имен, в наемных каретах, кучера которых сами не знали кого возили, так что секрет соблюдался. А иногда и не по одному разу приезжали в дом в продолжение Святки; и много было шуток, смеху, догадок и строгой тайны и невинных обманов и живой, молодой веселости в этих проделках. Говорили ехать *на огонек*, потому что в тех домах хорошего общества, в которых хотели принимать незнакомых масок, ставили свечи в окнах (как теперь делается взамен иллюминации), и это служило сигналом или приглашением для молодежи, разъезжавшей целыми обществами под маской. Разумеется, не проходило без сердечных приключений: иногда молодой человек, не имевший возможности быть представленным в дом, т. е. в семейство девушки, которую он любил, мог приехать под маской, видеть ее обстановку, семейную жизнь, комнаты, где она жила, пьаль-

цы, в которых она вышивала, клетку ее канарейки; все это казалось так мило, так близко к сердцу, так много давало счастья влюбленному того времени, а разговор мог быть гораздо свободнее, и многое высказывалось и угадывалось среди хохота и шуток маскированных гостей, под обаянием тайной тревоги, недоумения, таинственности и любопытства. Все это кажется смешно, вяло и глуповато в наше время, но шуточное повторение фразы: «C'est ici que rose respire¹⁷⁷» имело тогда более глубокое значение для искреннего и чистого сердца молодого человека, нежели даже сознавалось. Я еще была ребенком в то время и не принадлежу к этому поколению; но мне кажется, право, qu'ils étaient dans le vrai*, и что эта наивность есть наивность полевых цветов, фиалок, ландышей и васильков в сравнении с пышной красотой и опьяняющим запахом датуры-фастуозы или японской лилии. У нас меньше простоты и больше наглости, как кажется мне; не знаю, кто в выигрыше. Но возвращаюсь к Елисавете Павловне Поликарповой. Она еще была в девушках, когда князь Григорий Григорьевич Орлов, похоронив молодую жену в Швейцарии, возвратился ко двору в Петербург. Его роман так известен, что не знаю, нужно ли его повторять. В самое время его всемогущества при Екатерине II он влюбился в свою двоюродную сестру Зиновьеву¹⁷⁸. Со своеволием, характеризующем Орловых и вообще то время, с привычкою видеть одно только повиновение и даже подобострастие, всесильный князь Орлов вдруг очутился перед препятствием почти непреодолимым, и, может быть, это именно и побудило его непременно жениться на двоюродной сестре, проступок неслыханный в то время; а могущество его должно было исчезнуть с признанием своей новой страсти перед императри-

* Они были правы.

цей. Оскорбленная в своем самолюбии, но вряд ли в сердечном чувстве, Екатерина согласилась на его удаление, и он уехал с Зиновьевой в Швейцарию; там, кажется, или на дороге, они обвенчались. Матушка еще пела песню или романс, написанный Зиновьевой в то время. Он начинался так:

Желанья наши совершились,
И все напасти уж прошли.
С тобой мы ввек соединились.
Счастливы дни теперь пришли.
Любим ты мной, и я тобой!
Чего еще душа желает?
Чтоб ты всегда мне верен был,
Чтоб ты жену не разлюбил.
Мне всякий край с тобою рай!*

После первого порыва страсти, песня переходит в страх за будущее, в опасение, что ей изменит, что ее разлюбит муж. Предчувствие не обмануло ее: для Орлова любовь была лишь прихотью. Скоро честолюбие пробудилось опять, жажда власти, наслаждений, гордости и самолюбия завладели им: он стал упрекать жену, удаляться от нее. Но для нее любовь его была всей жизнью, она не вынесла его перемены, зачахла и умерла, как англичане говорят, от разбитого сердца (*broken hearted*). Орлов поспешил назад; но хотя его сердце могло спокойно совершить двойную измену, разум его не устоял против страданий гордости. Прежнего положения он, разумеется, не мог воротить, и это-то горе было невыносимо для высокомерного временщика: он помешался, но так как его помешательство было безвредно, то его оставляли на

* Эти рифмованные куплеты, которые нельзя назвать стихами, были, однако, в моде в свое время, по той же поговорке, что *ce qui est trop mauvais pour dire, se chante* (что слишком плохо для того, чтобы произносить, то поется), или потому, что они все-таки выражают отдельную страсть, как песенка, прославленная Мольером.

свободе. Он по старому знакомству был с визитом у деда моего; а у нас уж такое *родовое* предание и обычай, что бывшему сильному человеку, в дни его падения и опалы, всегда оказывать вдвое больше почету и привету, нежели в дни его могущества. Это в своем роде гордость, может быть, но она ведет свое начало от благородного чувства. Ламене где-то написал. «Tous les hommes sont mes frères, mais ceux qui pleurent, sont mes enfants»*. Прекрасное выражение нежного христианского чувства. В отношениях общественных и политических нежности нечего искать и требовать; а чувство общего человеческого достоинства не выражается ли так: счастливому государственному человеку должный почет, а падшему — радушие, почитание и предупредительность. Это антитезис древнего изречения *vae victis*** и подобает обществу новейшему, которое, со всеми своими пороками, все-таки основано на христианстве, хотя, увы! забывает свое происхождение или от него отрекается. Вот дед мой и счел долгом принять князя Орлова радушно; а Орлов, увидев красавицу-племянницу, стал посещать дом Щербатовых ежедневно, наконец, несколько раз в день, и стал ухаживать за Елисаветой Павловной и свататься к ней. Но тут уже была граница великодушию и христианской снисходительности. Выдать ужаснувшуюся племянницу за сумасшедшего миллионера было не в характере и не в преданиях нашей семьи, и князь Андрей Николаевич был принужден отказать Орлову не только от брака, но после и от дома. Елисавета Павловна всегда вспоминала с ужасом о страхе, который наводила на нее любовь этого страстного, своевольного, неистового безумца-фаворита. Если судить по рассказам близких людей, что-то вроде страха чувствовала и

* Все люди мне братья, но плачущие — мне дети.

** Горе побежденным.

бесстрашная Екатерина во время его силы. Она даже писала к Понятовскому, когда он хотел приехать в Петербург после ее восшествия на престол: «ne venez pas; les Orloff ne le permettraient pas*». Впрочем, так как она сама не желала возвращения прежних отношений к Понятовскому, то, может быть, своеобразие Орлова служило лишь предлогом. Как бы ни было, княжна Елисавета Павловна Щербатова избавилась от своего сумасшедшего жениха.

Но был другой искатель ее руки, которому она не отказала и к которому сохранила во всю жизнь самую нежную, самую страстную любовь. Это был Александр Васильевич Поликарпов, о котором я уже говорила. Красавец собой, храбрый и любезный в своей молодости, он впоследствии заслужил себе одинаково любовь и почтение за свою справедливость и беспристрастие как сенатор. Из военной службы он перешел в гражданскую, утомленный походами и лагерною жизнью, которые стоили ему здоровья жены. Он был назначен губернатором в Тверь. Ну, тут ему не посчастливилось, вследствие такого же фамильного воззрения на вещи, как и у нас в семье. По восшествии на престол Павла Петровича, друзья и временщики Екатерины, как известно, были удалены не только от двора, но даже из столицы. Между ними была и княгиня Дашкова. Ей надобно было проехать через Тверь. Поликарпов решил, что примет ее с тем же почетом, как принял бы при Екатерине. Он был отставлен от места, только при Александре опять вызван на службу и назначен сенатором. В этот промежуток времени он жил в своих тверских вотчинах, и когда приезжал в Петербург, то останавливался у моего деда. Таким образом, близкие и родственные отношения не прерывались между обоими семействами. В Се-

* Не приезжайте: Орловы этого не позволят.

нате он был известен строгою честностью, и иногда в полном собрании ему случалось выговаривать министрам, Лопухину¹⁷⁹ и др., когда он замечал лицепрятие с их стороны в каких-нибудь тяжёбных делах. Что вы себя губите, говаривал он: ведь вы души своей не жалеете! Какой ответ дадите Богу, что вдову (или сироту) обижаете? И в таком роде речи держал Поликарпов по тогдашнему патриархальному обращению стариков между собою, даже в официальных сношениях. По всем рассказам тогдашних времен надо полагать, что между заслуженным дворянством хороших родов, но не принадлежавшим к тому французскому кругу, который составлял собственно избранное общество Екатерины, царствовали какое-то добродушие и домашнее обращение с делами, не совсем похожее на должную важность судей-специалистов, и когда они говорили друг другу *ты*, не было ничего похожего на гордое *ты*, которое говорили друг другу испанские гранды. Как бы то ни было, но Поликарпова знали бедные, им защищаемые люди, и бывало, если приедет из-за тридевять земель для тяжбы мать семейства без знакомых, без связей, без понятий о законах, ей говорят: — поди к Александру Васильевичу, тот уже не выдаст им твое право; он их не боится, всякому скажет правду, по совести рассудит.

Однако ж этот человек, так резко выговаривавший любому сенатору в полном присутствии, был способен на утонченную любезность с женщинами. Я уже говорила, как он пожертвовал своим положением и рисковал еще хуже, ради учтивости к княгине Дашковой. Много лет спустя, уже бывши сенатором, он часто ездил по домашним делам в свое тверское имение, даже осенью и зимою, а лето там все проживал. Он тогда сблизился с великой княгиней Екатериной Павловной, которая жила в Твери, и как все, которые ее знали, был очарован ее умом, любезностью и

горячностью любви ее к России, к ее преуспеянию и развитию, и ко всему прекрасному и благородному, и у нас и у других. Она часто обращалась к нему за советом, как к старинному и коренному уроженцу тверскому. Однажды она стала ему жаловаться на высокую цену дров и спросила, что делать? Он советовал успокоиться и обождать, потому что цены скоро упадут. Затем он отправился в свое имение, велел вырубить лесную дачу и отправить дрова на продажу в Тверь по самым низким ценам. Разумеется, пришлось и всем другим понизить цены,— и дрова подешевели. Великая княгиня никогда ничего об этом не узнала и удивлялась только дальновидности Поликарпова насчет рыночных цен, не подозревая, как дорого он сам поплатился. Добрую славу свою, как защитник и помощник бедных и слабых, Поликарпов распространил дальше Петербурга и Твери; когда, по случаю голода, его послали в разные губернии для продовольствия народа, своею честностью, добротою и умением по хозяйству, он исполнил с успехом поручение, оставляя по себе память во многих и многих благодарных сердцах. Ему дали тогда в помощники молодого человека, малоизвестного, но даровитого и честного (что бы ни говорили о нем после, когда клевета по обыкновению стала преследовать высокопоставленного государственно-го деятеля). Этот молодой человек был Канкрин¹⁸⁰, и я с удовольствием записываю хорошую черту из его жизни. Несколько лет спустя, когда уже Канкрин пошел в гору и получил видное место по Министерству финансов, он приехал к вдове А. В. Поликарпова, напомнил ей, что он при ее муже начал первую деятельную службу и пользовался его честным примером и опытностью. Я его ученик, говорил с любезностью Канкрин Елисавете Павловне. В сущности, вероятно, соображения и несомненная даровитость Канкринина в денежных делах много способствовали, напротив, успеху его посылки; что касается его

щедрости, добродушия и любви к народу, конечно, можно было всякому учиться у Александра Васильевича Поликарпова. Эти качества наследственны в их семействе. Его единственный сын, Александр Александрович, был не менее щедр и добр; а внук его, Евгений Александрович¹⁸¹, скончавшийся 21 января 1871 г., был один из тех неизвестных свету подвижников гражданских, тех добрых воинов бескровной борьбы добра со злом, тех стойких героев *долга* во всех отношениях жизни, один из тех людей, про которых сказано, что они знаемы лишь Богу да его святым.

Ими держится наша земля, не только земля Русская, но вся наша грешная земля, здешнего мира. Без таких людей огонь Божий пожрал бы нас, как Содом и Гоморру; да и без явной кары небесной сами люди бы погубили и истребили всех и вся, как нам доказывает это Парижская коммуна. Одно из лучших воспоминаний моей жизни — это такие люди, и, слава богу, немало знала я их. Из них Евгений Александрович Поликарпов самый близкий мне, столько же по родству, сколько по душе. Но кончина его еще слишком близка, след его еще не остыл, и рано говорить о его действиях и о нем.

У деда моего кн. Андрея Николаевича Щербатова была еще другая дочь, Анна, и в ней и через нее соединяются лучшие родственные воспоминания семейства матери моей и семейства моего отца. Его мать, Екатерина Ермолаевна Блудова, имела редкое счастье, которое достается только избранным немногим: у нее был *друг*, не в светском смысле слова подруги или приятельницы, но искренний, неизменный друг, с которым она делилась мыслями и чувствами, с которым виделась ежедневно и от которого не имела ничего скрытого. Этот друг была графиня Анна Павловна Каменская, жена фельдмаршала, мать Николая Михайловича, командовавшего армией в Фин-

ляндии и на Дунае. Их дома в Москве были очень близки*, и калитка из сада Каменских открывалась в сад Блудовых, так что соседки ходили друг к другу беспрестанно, без того этикета и сборов, которые в то время требовались при всяком выезде в карете для женщин высшего общества. Дружба эта перешла и на второе поколение, и отец мой, сестра его и все ее дети, до конца жизни графини Каменской, были всегда у нее на ноге самых близких, любимых родственников. Потому и граф Николай Михайлович, главнокомандующий, просил к себе отца моего в армию, и у Каменских он познакомился со своею женою, моею матерью, родственницей их, прежде нежели поехал в Южную армию. Дружба между его матерью и матерью Каменского и развивавшаяся склонность к нему моей матери (любезной кузины Николая Михайловича), конечно, содействовали к назначению его управляющим канцеляриею главнокомандующего армией в Турции. Это был пост важный по тогдашним обстоятельствам и блистательное начало карьеры для молодого человека, 25-летнего, не бывшего ни на каких видных местах до тех пор и не принадлежавшего к аристократическому кругу Петербургского двора. Не знакомство по службе с Николаем Михайловичем Каменским повело к женитьбе отца¹⁸² моего (как написал князь Петр Долгоруков), а дружба фамильная и взаимная любовь между ним и родственницей Каменских дали случай Николаю Михайловичу оценить способности моего отца и повели к назначению его по службе.

Графиня Анна Павловна Каменская была одна из первых красавиц своего времени, благородная душой, добрая сердцем, мягкая нравом. О ней все знавшие ее помнят как об ангеле во плоти. В замужестве

* Дом или, скорее, дворец графов Каменских в Москве на Смоленском бульваре, нынешнее здание Земледельческой школы (с домовою церковью). П.Б.

она не была счастлива, и крутой, деспотический характер мужа много заставил ее страдать. Сверх того у него была известная всем, нагло выставленная на свет связь с простою, злою женщиной, к которой он уезжал беспрестанно в деревню на целые месяцы, когда не был в Петербурге или в армии, оставляя графиню Каменскую одну в Москве; но она никогда не заслужила ни малейшего упрека, никогда злословие не касалось ее. Такие две женщины, как она и бабушка моя Катерина Ермолаевна, должны были, так сказать, пополнять друг друга в моральном отношении, и твердость характера, превосходство ума Катерины Ермолаевны давали ей большое влияние на графиню Каменскую. Одна дочь, тоже несчастная в замужестве*, и двое сыновей составляли семейство Каменских. Сергей, старший, с недостатками отца, но без его талантов, был, однако, любим матерью (многие даже думали, что он был ее любимым сыном), и, странным образом, она видела в блистательной карьере меньшего сына, перегнавшего его по службе, что-то вроде несправедливости судьбы. Она уговорила главнокомандующего дать старшему брату случай отличиться и показать те военные способности, которые она воображала врожденными во всех членах их семейства. Этот случай, как уверяли, думал ему доставить брат его при осаде Руцука¹⁸³. Известно, какие бедственные последствия имело это распоряжение. Сергей Михайлович, подобно отцу, жил дурно с женой, от которой имел двух дочерей, умерших девицами. До старости лет жил он разгульной жизнью в Орле и в своем имении, в той же губернии, и славился особенно своим домашним театром и всем, что обыкновенно соединялось с этими труппами крепостных актеров и актрис. Он издержал на это удовольствие все огромное богатство

* Гр. Марья Михайловна Каменская за Григорием Павловичем Ржевским. П.Б.

отцовское и, не жалея денег на этот предмет, «хотел купить» славного актера Щепкина¹⁸⁴ у его помещика, как тот сам рассказывает; но несколько почитателей его таланта сложились и выкупили харьковскую театральную знаменитость, сделавшуюся впоследствии знаменитостью для всей России. После смерти первой жены, урожденной Ефимовой, Сергей Михайлович женился на молодой, хорошей собой, вдове Кириловой, от которой имел много детей; теперешние графы Каменские — его сыновья и внучата. Один из сыновей, Андрей¹⁸⁵, способный, красивый собою, напоминавший по наружности знаменитого дядю, выбрал было военное поприще для службы, но недолго оставался в ней, женился, уехал в деревню и умер в молодых летах, в расстройстве ума. Другие, кто умер, кто остался в живых, недолго служили, и особенного ничего не слыхать о них, если не верить молве об ужасном преступлении¹⁸⁶, совершенном в смоленском земстве, которое, к несчастью, приписывают одному из них. Сам фельдмаршал, известный в истории как человек с истинным талантом военачальника, был настоящим *большим барином* того времени, позволявшим себе все, что его богатство, его сан, его положение в свете могли доставить ему к удовлетворению его прихотей и к наслаждению материальной жизнью. Сластолюбивый деспот, он, как многие богачи того времени, был неразборчив в своих связях, и наконец подпал под влияние грубой, даже некрасивой женщины и, как уже сказано, проводил с нею в деревне все свободное от службы время; в Москве же, в своем законном семействе, он являлся каким-то повелителем, грозой всех домашних. Строгая чистота, спокойное достоинство Катерины Ермолаевны Блудовой были для него особенно антипатичны, а нежная дружба, ежедневные свидания с его женой были ему так противны, что две приятельницы запирали калитку между своими

садами, и посещения их делались формальными визитами, как скоро фельдмаршал являлся в свой дом на Смоленском бульваре. Впрочем, надобно заметить, что первое охлаждение между ним и женою произошло от вмешательства одной из ее родственниц, и, может быть, без этого вмешательства ее кротость и красота взяли бы верх над его наклонностями. Как бы то ни было, однако его любовная связь погубила его. Богатство и власть, которою наделял ее фельдмаршал в своем имении, не удовлетворяли его любовницы: ей захотелось положения *честной женщины*, т. е. ей захотелось выйти замуж, и предметом этой законной любви, или этого расчета, она избрала полицейского чиновника, а средством к достижению цели — убийство. Обещанием наград и надеждой на безнаказанность она уговорила одного молодого парня из дворовых, не любивших вообще своего крутого помещика, разрубить ему череп топором в лесу, через который он ехал зимою в сани; кучер был соучастником или по крайней мере не защитил барина, и оба приговорены были к заслуженной казни; но сама виновница кровавого преступления осталась в стороне благодаря протекции полицейского, за которого она вышла замуж. От нее был у фельдмаршала сын незаконный и потому не носивший титула графского, но названный, однако, Петром Михайловичем Каменским¹⁸⁷. Он в молодости показал замечательные военные способности и страстную любовь к военному делу. Брат его, главнокомандующий, взял его к себе в адъютанты; после его смерти он прослужил и отличился, сколько можно, в молодых офицерских чинах, в кампаниях от 1812 до 1815 г., и уже после войны, за какую-то погрешность против дисциплины, был сослан в одну из крепостей внутренних губерний России; там он утонул, как говорят, случайно, купаясь; иные думают, что он утопился от уныния и скуки.

Наконец, самый даровитый член семейства Каменских, молодой главнокомандующий, тоже погиб в цвете лет насильственной смертью. Николай Михайлович Каменский, с блистательными способностями, так сказать, наследственными, не наследовал от отца ни его крутого нрава, ни его привычек. Он воспитывался в Петербурге в кадетском корпусе и был поручен попечению дяди, князя Щербатова. Он был хорош собою, талантлив, пылок, благороден и скоро сделался самым искренним другом своей молодой кузины, княжны Анны Андреевны. Она до конца жизни (а пережила его на 37 лет) вспоминала о нем с искренней дружбой; он был ее доверенным другом, знал о любви Дмитрия Николаевича Блудова, и со своей стороны употребил все усилия к преодолению препятствий к их свадьбе. Он тем горячее сочувствовал Дмитрию Николаевичу, что сам был влюблен в подругу своих кузин, дочь немки-ключницы или кастелянши. Елисавета Карловна жила, воспитывалась и выезжала в свет с княжной Анной Андреевной. Ее красота, добронравие, образованность и равенство в обхождении с ней семейства Щербатовых и их посетителей заставили молодого графа совершенно забыть ее происхождение. Ежедневные свидания, естественное сближение между ними не обращали на себя внимания в доме, где привыкли смотреть на Елисавету Карловну как на родную; и княгиня Щербатова тогда только догадалась о любви племянника, когда узнала, что он собирается увезти ее и обвенчаться с ней. Тогда все неодолимые препятствия к такой развязке, при характере фельдмаршала, вдруг стали ясны в глазах княгини. Предвидя беду, она обратилась к самой матери Елисаветы Карловны. Выманить согласие у фельдмаршала, и даже у матери была бы пустая попытка, а обойтись без этого согласия было бы слишком опасно: фельдмаршал не остановился бы ни перед какой крайностью,

разжаловал бы сына в солдаты, сослал бы его, а что бы было с несчастной, непризнанной женою! Мать очень хорошо поняла опасность; но, видя, что никакие мольбы и увещания не действуют на влюбленного юношу, решилась на принудительные меры с дочерью и выдала ее замуж за другого жениха, молодого офицера, с состоянием, по имени Кислинского. Горе, негодование, отчаяние молодого Каменского только усиливали его любовь к похищенной у него женщине и тронули ее. Они были разлучены не на долгое время, сошлись опять, и уже только смерть Елисаветы Карловны положила конец их любви. Лета проходили, и графиня Каменская уговаривала, упрашивала сына жениться; но он всю душу отдал этой первой и последней любви, и устроенная по расчетам или удобству, женитьба была ему противна, даже после смерти Елисаветы Карловны. Между тем мать его в Москве выбрала ему знатную, богатую невесту, добрую, с нежным сердцем, с пламенным воображением, но необыкновенно дурную собою, графиню Анну Алексеевну Орлову-Чесменскую¹⁸⁸. Она полюбила Николая Михайловича; его красивая наружность, ловкость, воинская слава, все в нем пленяло ее; но в ней было болезненное сознание своей непривлекательности и неотступная мысль о корыстолюбивых планах своих женихов; говорят, что незаконный сын ее отца, с которым она была на братской ноге, тоже способствовал по своим расчетам такому недоверию. Она, может быть, видела и холодность к себе Николая Михайловича, чуя, может быть, в сердце, что у него все нежные чувства схоронены были навсегда. Как бы то ни было, любя его романической любовью, она однако отказала ему, когда, перед отъездом его в армию, мать уговорила его свататься. Отказ был так неожидан, душевное расположение графини Орловой так известно графине Каменской, что даже образ в богатой ризе,

весь в жемчугах и дорогих камнях, был уже приготовлен для благословения сына на женитьбу. Этим образом она впоследствии благословила мать мою, когда та выходила замуж; этою же иконой Божией Матери «Утоли моя печали» батюшка благословил моего старшего брата Андрея на брак с дочерью графа Альтена (Ганноверца)¹⁸⁹. Я упоминаю об этих подробностях потому, что, по меткому замечанию одного английского путешественника, фамильные иконы, переходящие из поколения в поколение, «отцовское благословение», занимают или занимали доселе в старых дворянских семьях, равно как и в зажиточных дворах крестьянских, место старой Библии в английских семьях и фамильных портретов Западной Европы. Они и святыня родовая, и родовое приданое. Как бы ни было, фамильные иконы составляют часть, весьма немногочисленную, древностей русских не проданных и не истребленных беспечностью и нерадением нашим. Графиня Орлова отвергла Каменского, но по смерти его не могла утешиться и, отказавшись навсегда от замужества, посвятила всю жизнь свою на дела богоугодные, на молитву и на украшение и обогащение обителей иноческих и церквей, замаливая грех отца и утоляя горесть и любовь собственного сердца. Тогда, однако, Николай Михайлович не мог угадать, как верно и неизменно он был любим в то самое время, когда его удаляли. Гордость его страдала, и щекотливость благородного сердца оскорблена была мыслью, что на него должны смотреть как на человека, гонящегося за невестой-миллионершей. Он был расстроен и не в духе, когда прощался с матерью; сел в коляску, чтобы ехать в армию, и в это время юродивый подошел к экипажу и протянул к нему руку с платком, говоря: — На, возьми на счастье! Добрый путь! Каменский знал юродивого, бывшего часто в их доме, улыбнулся ему приветливо и взял платок. Но

ему не верилось в счастье, было тяжело на душе, а мысли были взволнованы самоупреком за слабость, с которою согласился он сделать предложение, за самолюбие, а не любовь, которое страдало от отказа. Он взял платок, чтобы не обидеть бедного юродивого, но тут же машинально передал его своему адъютанту, — а этот адъютант был Закревский. Домашние Каменских вздохнули, и всегда потом, рассказывая этот случай, замечали, как их любимый граф, предмет их гордости и славы, *передал свое счастье Закревскому* и уже не возвратился живым на родину. Когда вскрыли его тело, открыли следы отравы. Его привезли в Россию и похоронили в орловском имении подле отца; но мать просила, чтобы *сердце* было отдано ей; оно хранилось в приходской церкви ее дома в Москве, пока она была в живых, а после ее смерти, по ее просьбе, похоронено с нею на кладбище в Девичьем монастыре, где она указала себе могилу, возле друга своего, Катерины Ермолаевны Блудовой. Графиня А. А. Орлова умерла более 30 лет спустя после смерти графа Каменского; но еще в последних годах своей жизни, всецело посвященной добрым делам и молитве, она в душевных излияниях с одной верной подругой своей молодости (г-жою Герар) вспоминала о Каменском, об этом умершем, отвергнутом ею женихе, со всею горячностью, со всем увлечением любви двадцатилетней девушки. Ни холод лет, ни время, ни пост, ни молитва, ни смерть, ничто не охладило любви сильной и гордой, которая не позволила принять его руки, при мысли, что его сердце схоронено в могиле другой, любимой им женщины. Графиня Анна Алексеевна была вообще недюжинная натура; и, несмотря на ее далеко не красивое лицо и ничем не замечательный разговор, было для меня что-то привлекательное в ней, какая-то искренность, теплота, простота, и то, что так непеременно хорошо выражается по-английски

словом earnestness. Но все рассказанное выше случилось впоследствии; в конце же царствования Екатерины, в кратковременное царствование Павла и в первые года Александра, дом Каменских, по рассказам современников, был типом московского барского дома, с неумолимым деспотизмом хозяина, с аристократическим этикетом Запада, и вместе с добродушием русским, перед которым исчезали и гордость и этикет. Няни, мамы, турчанки, т. е. взятые в плен турецкие девушки, подаренные по возвращении из армии наших военных знакомым дамам, крещенные ими в христианскую веру и кое-как воспитанные, калмычки, карлицы, горничные и сенные девушки, которые в важных случаях, как, например, при свадьбах, пели русские обрядовые песни, как в древние времена, или как и ныне у крестьян, все это сливалось во многих знатных домах со всеми утонченностями западной роскоши и светскости. На домашнем театре любители, родственники и родственницы графини Каменской играли комедии Вольтера и Мариво; когда дочь фельдмаршала выходила замуж, горничные девушки и приживалки пели свадебные песни ежедневно во все время между помолвкой и свадьбой, до того что, наконец, графинин попугай выучился напеву и некоторым словам так твердо, что продолжал петь их, когда невеста уже давно была замужем за Ржевским. В этой среде сохранялась все-таки *русская*, хотя уродливая жизнь; а любовь к отечеству и строгость нравов отличали графиню Каменскую столько же, сколько и бабушку мою, Катерину Ермолаевну. По всем рассказам, слышанным мною об этих двух женщинах, они представляются мне, среди обстановки XVIII в., в строгом и вместе кротком образе тех первых христианских жен Рима, в которых соединялось стоическое достоинство древних матрон с чистотой апостольского

типа супруги и матери. Но возвращаясь к моему деду, князю Андрею Николаевичу Щербатову.

С другой кузиной своей, графиней Варварой Петровной Шереметевой¹⁹⁰, он не был так близок как с Анной Петровной; однако отношения их были добрые, родственные и тоже продолжались между семейством ее и моим несколько поколений. Она вышла замуж за графа Алексея Кирилловича Разумовского¹⁹¹. Одна дочь ее, Варвара Алексеевна¹⁹², была за князем Репниным; другая, Екатерина Алексеевна, за Сергеем Семеновичем Уваровым, с которым мы поэтому считались в родстве, и это отчасти сблизило его с отцом моим в их молодости. Истинно братское отношение к графу Николаю Петровичу Шереметеву дед мой сохранил во всю свою жизнь; и от этой сердечной дружбы наши семьи остались так близки доныне, хотя родства уже более не доищемся с нынешним поколением, разве какой ирландец станет считать степени родства (an Irish cousin). Дед мой, князь Андрей Николаевич, приехал на службу в Петербург, когда во всех сердцах возрождалась надежда на спокойствие и славу. Елисавета Петровна была любима русскими, как дочь Петра и как представительница русского начала, после долгого правления иностранцев: знали, что она более гордилась тем, что она дочь Петра, реформатора и героя, нежели тем, что она дочь императора великой державы; знали, что она будет приближать к себе бывших сподвижников отца; несмотря на страшную распущенность нравов ее, знали, что она по-своему (скажем, по-тогдашнему) благочестива и что, по-тогдашнему, она, в сравнении со зверскою жестокостью того времени, мягкосердна и милостива к противникам власти. Кажется, не будет неуместно записать несколько преданий о ней, которые родители мои слышали от князя А. Н. Щербатова и от Разумовских. Она провела молодость в беспрестанной тревоге и опасени-

ях за свободу и жизнь свою, во враждебной среде сторонников царицы Евдокии, при восшествии на престол Петра II, потом Бирона, потом Анны Леопольдовны, и только своим бездействием и невмешательством в дела, своею посредственностью и страстью к забавам и увеселениям избегала подозрения и преследования. Маскарады, танцы, театральные представления, казалось, одни занимали ее. У нее точно не было гениальности и не было образования, но природный ум и страстная любовь к славе отца заставляли ее понимать, что она бы повела Россию на путь лучший по крайней мере, чем Бирон, и что такая мысль могла прийти на ум самому правителю-фавориту. Ей нужно было скрывать все это ради безопасности своей, и она считала себя и показывалась умершею ко всему в политике и в управлении; так она о себе говорила. Восшествие же свое на престол она считала политическим *воскресением Лазаря*, восстанием от мертвых, и потому любила церкви освящать во имя *Воскресения Господня*, иконы *Воскресения* ставила и в церквях, и у себя, предпочитая их другим изображениям. Она в то время дала обещание ежегодно ходить на богомолье в Троицко-Сергиеву лавру за Москвой, и когда это оказалось неудобным (особенно ее приближенным и министрам), то подали мысль выстроить во имя Св. Сергия обитель поблизости к Петербургу, и исполнять свой обет, ходя пешком в монастырь на Петергофской дороге, выстроенный ею, который ныне зовут Сергиевской пустыней¹⁹³. Она туда и синодики фамильные отдала. Я не знала этого, и несколько лет назад случайно была там у обедни в последнюю субботу месяца, не помню которого. Вдруг, среди великолепного пения и службы, поминовение умерших начинается с «*патриарха Филарета, инокини Марфы*, продолжается рядом царей, великих князей, императоров, императриц до Елисаветы Петровны. Не могу сказать, как

поразительно показался мне, в своей неожиданности, этот перечень славных имен, представляющих собою такую громаду исторических событий века, столь не похожего на наш, которые, однако ж, уже были зачатком всего нашего современного строя. Это было в самое тяжелое время Севастопольской осады; камнем лежало на сердце у всех нас отчаянное положение Крыма, а недалеко, почти на взморье, где стоит обитель,— сновали неприятельские пароходы. Но одно имя Филарета Никитича¹⁹⁴ отозвалось утешением и надеждою для нас. То ли было с Россией? И Бог помог, и бодро высвободилась она от чужого населения и от родной измены! Я справилась потом, и мне сказали: в последнюю субботу каждого месяца поминаются все усопшие Дома Романовых. Не помню, поминается ли Софья Алексеевна. Елисавета Петровна также начала строить церковь Воскресения Господня, ныне Собор учебных заведений, где Смольный дом для воспитания девиц¹⁹⁵; но здесь она хотела основать женский монастырь, не успела докончить, а Екатерина, вместо того, построила женское училище, которое потому и называется *Смольным монастырем*, хотя монахинь там нет. Когда Елисавету уговаривали дозволить жидам селиться в русских городах и говорили ей о выгодах такого населения, она отвечала: «От врагов Христова имени не желаю интересной прибыли». (Петр на такое предложение отвечал отказом, но иначе: На что мне жида,— сказал он;— мои русские не хуже умеют плутовать). Хотя шла войною за Марию-Терезию, Елисавета, однако, открывала широко поле России православным славянам, уходящим от притеснения нашей церкви австрийским правительством, и сербы с воеводства и приморья тысячами перешли на наш юг под предводительством Шевича, Депрерадовича, Хорвата и других¹⁹⁶, населяя край верным и храбрым народом, совершенно обрусевшим уже во втором

поколении, но помнившим свое происхождение и всегда готовым протянуть руку своим землякам. Во время Семилетней войны солдаты, отправляясь в поход, говорили: Феодор Феодорович (Фридрих II), значит, обижает Марью Терентьевну, так государыня за нее заступается; бабье дело, нельзя не помочь! Но, помогая австрийскому правительству по своим политическим соображениям или по совету министров, она не считала нужным принимать на себя никакой солидарности с внутренними мерами этого правительства, и ее врожденное чувство Русское заставляло понимать и постоянно поддерживать общность интересов наших с интересами единоверцев и единоплеменников наших всюду, невзирая на переходящие обстоятельства, которые нас сближали с тем или с другим правительством. Значение единой церкви понималось ею *инстинктивно*, как оно понималось сознательно ее гениальным отцом; однако же нельзя Петра Великого прозвать *славянофилом* или *ханжой*.

Мне кажется, дело в том, что вождь и царь тогдашней *молодой России* был все-таки русский характером, обычаями и сердцем, между тем как нынешняя молодая Россия разных оттенков (я не говорю о совершенно обезумевшей эмиграции нашей) уже потеряла всякое сознание своего происхождения, своего народа, своего края, и точно так же, как некоторые из наших блистательнейших дельцов, видит в себе и в нас всех англичан, немцев, французов, даже итальянцев (в отношении к отжившим уже свой век в Италии бандитам, брави и карбонари). Это, впрочем, со всеми своими неудобствами спасительная черта наших людей *прогресса* (как ненавижу я это слово и как смысл его не похож на русское слово успех или преуспевание!). Эта черта спасительна, потому что она лишает их всех возможности делать серьезный вред России, хотя, конечно, их недоразумение

и высокомерное презрение к верованиям и чувствам своего народа много тормозят преуспевание нашей страны.

Ацелио (которого патриотизм был во всяком случае удачнее Герценова), в своих письмах 40-х годов, не раз восстает против сумасбродов, которые хотя и непременно *передвигать пальцем стрелку часов, чтобы пробил желанный час*, — думая ускорить ход времени, которое не допускает неправильности в числах, так же неуклонно, как арифметика. Петр оттого только и мог исполнить задачу, завещанную первым царем Иваном Васильевичем, Годуновым и Алексеем Михайловичем, что стрелка уже стояла на предназначенном часу: он ее не передвигал, хоть и кажется для поверхностного наблюдателя, что все было дело насилия и произвола. Истинные реформаторы суть всегда олицетворение целой эпохи, и они всегда глубоко, сознательно и твердо проникнуты мыслью о необходимости предприятия; они проникнуты (иногда даже бессознательно) одним общим чувством, одним общим стремлением с массою, на которую действуют. А выскочки-благодетели человечества только губят в потоках чернил, если не крови, многие благие намерения и *относительно* правильные мысли, которые без их неловкого посредничества могли бы созреть и принести свою долю пользы.

Отец мой был глубоко убежден в истине такого воззрения, которое часто и часто высказывал и которое так величественно и благополучно оправдалось на наших глазах в царственном реформаторе 1861 г. Я помню, что в 30-х годах, в то время, когда много было совещаний, предположений и мероприятий в отношении к лучшему средству дойти безбедно до освобождения крестьян, батюшка был очень занят этою мыслью. Он жил на Аптекарском острове, а мы к нему приезжали в гости на несколько часов, потому что домик был слишком мал для помещения

нашего семейства*. Однажды как-то его любимая большая собака, поплававши по Неве и порывшись около берега, вытащила что-то такое, что принесла к батюшке, и с торжеством, скаля зубы, отряхиваясь и поднимая глаза на хозяина, положила к его ногам, по собачьему обычаю, при мне. Это не был камушек, однако что-то твердое. Когда счистили песок и тину и вымыли хорошенько, оказалось, что это костяная крышка, оторванная от малой табакерки с резьбою и девизом: корабль с натянутыми парусами на волнистой кайме, и вырезано под нею старинными буквами: *«Жду ветра силы и ожидаю время»*. Этот девиз находится в собрании девизов времен Петра Великого, в книжке, затерянной мною теперь. Батюшка, вспомнив это, сказал, что, может быть, эта крышка отбилась от табакерки какого-нибудь моряка петровского, взял ее себе (она теперь у меня) и стал говорить нам о Петре и о реформах или революциях времени его и всякого времени в таком смысле, как я написала выше, прилагая свои мысли и к тому, что обрабатывалось в 30-х годах. Он очень любил Петра и говаривал, что все в нем, и добро, и зло, все его блистательные качества и пороки были колоссальны и что среди всех, даже худших действий его жизни, как, например, смерть царевича Алексея**, любовь к

* Этот домик с тех пор перестроен и теперь очень поместителен. В то время отец мой был министром внутренних дел.

** Отец мой был убежден, что Петр принял ужасное решение против сына не по ненависти к нему, и не по любви к меньшому сыну, не вследствие интриг Екатерины, а единственно из опасения, что если сам Алексей Петрович не захочет царствовать, то партия его непременно возведет его на престол и непременно погубит Россию возвращением к оставленным порядкам, к расшатавшемуся строю, при котором она не в силах будет дать отпор врагам. Он думал сперва, заклеив его судебным приговором, сделать его воцарение невозможным; но в течение суда Петр увидал, как много царевич имел приверженцев (в том числе был даже князь Яков Долгоруков), и мало-помалу

России, к славе и могуществу ее стояли выше всякого личного чувства, и что это все-таки имело отголосок в народе, несмотря на противодействие, на неудовольствия, на бунты. Это свидетельствуют многие песни, сложившиеся в народе о нем, и многие предания, еще жившие в памяти простолюдинов, приближенных к моему деду и бабушке. Уже в тогдашнее время Петр являлся в колоссальном, легендарном образе в рассказах его современников. Между прочим, было поверье, что Петр *пропадал* и находился в каком-то неведомом, заколдованном крае, откуда вынес несокрушимую силу и волшебные знания, и потому всегда побеждал врагов и успевал во всех предприятиях. Одна старушка даже считала время от этой эпохи: я вышла замуж или такой-то родился или умер перед тем или после того, как *царь пропадал*. Так глубоко подействовали на воображение народное путешествия Петра и все перемены, которые он стал вводить по своем возвращении. Надобно вспомнить тоже, что, как ни был он крут, а часто и жесток, однако ж в нем жестокость не была кровожадностью, не была безумной прихотью; да сверх того, правление Меншикова и Бирона до того превзошли всё, что было даже дурного при Петре, что его образ должен был выступить перед народом во всем блеске золотого века. Вступление на престол дочери его было общей радостью для России, по рассказам всех современников. Военная слава, русские деятели, процветание торговли, возвраще-

зарождалась мысль о необходимости его стереть для ограждения государственного здания, воздвигнутого с таким усилием и любовью. Батюшка находил, что записки Гордона не должно бы отвергать так решительно и что Петр действовал по суровому чувству долга, с каким Брут, в Древнем Риме, приговорил к смерти своих сыновей; что же касается до пытки, то в прежние времена не понимали *допроса* иначе, как *посредством* пытки. По-французски даже и выражались: «la question». Так смотрел на это дело отец мой.

ние достоинства православной церкви, всего этого ожидали от Елисаветы Петровны и не обманулись. Батюшка, который всегда стоял за свободу торговли, говаривал, сколько добра уже сделала одна мера уничтожения внутренних таможен, и особенно обращал внимание на то, что, несмотря на Семилетнюю войну, на роскошь двора, на все великолепные постройки ее царствования, на огромные, но разумные расходы, она, умирая, оставила Россию в цветущем положении, без долгов и с громадою золотой монеты в казне. Ее православие было искренно, и наружные проявления ее верований были по обычаю и по сердцу ее подданных. Уверяли, что, решившись на переворот против Анны Леопольдовны, она дала обещание не казнить смертною казнью никого из своих противников. Это предание подтверждается законом, уничтожающим смертную казнь вообще. Можно возразить, конечно, что казни ужасные совершались при ней из-за пустяков, что, например, Лопухиной¹⁹⁷ был *вырван язык палачом* за то особенно, что она говорила непочтительно об Елисавете, хвастаясь, что она сама красивее императрицы.

Вообще, судя о прошлых временах и поколениях, мы слишком привыкли судить по современному не им, а *нам*, нынешнему направлению ума, по современным нам нравам, забывая, как неизмеримо много значит среда, в которой вращается человек, как он зависим от современных ему воззрений. Конечно, если бы наша вера была чиста и крепка, как вера первых христиан, и мы бы словом и делом были истинные последователи Христа, мы могли бы находить такие противоречия непостижимыми и не доверять тем историческим лицам, которых верования не выказывались во всех их действиях. Но вспомним, что Елисавета Петровна родилась и жила среди двора и семьи Петра и Екатерины I, жила во времена регента Орлеана и Людовика XV; вспомним, какие были

нравы при всех дворах Европы, с которой мы брали пример; вспомним неминуемый закон реакции, который лежит в основании человеческой природы, и вспомним, из какой рабской неволи и притупляющей монотонности жизни только что высвободились женщины знатных и царских семейств у нас. Вспомним все это, и мы поймем, что на Елисавету Петровну могли смотреть иначе, нежели мы на нее смотрели бы теперь, как на чудовищное явление порока, а часто и жестокости. Мы поймем, что, напротив, ее ценили высоко; мы поймем, что она искренно веровала, искренно каялась и тотчас же начинала опять грешить. Да не то ли самое повторяется ежедневно, ежеминутно с большинством самых искренних христиан? В другом виде, с другим добропорядочным образом жизни, со строгостью нравов и утонченной филантропией наших дней, неужели мы не лжем самим себе и Богу, когда мы так хлопотливо холодны в наших благотворениях, так жестки в наших суждениях, так горды своим просвещением, так своевольны в своих мнениях и мерим такую разную мерою в отношении к нашим друзьям или противникам? Разве все это христианское дело? А все-таки и мы, делающие эти *приличные* беззакония, веруем искренно, каемся и опять впадаем в те же грехи!

И так ее точно любили, и любили за ее *православие*, за ее *милосердие*, за *сравнительную* мягкость, за *сравнительную* свободу действий, которую получили при ней; и все-таки она первая во всем христианском мире, со времен Владимира, *отменила смертную казнь*. Как ни ужасны были наказания при ней и после нее, и хотя в исключительных случаях, в виде изъятия, и смертная казнь бывает у нас: все-таки самое *начало* бескровного суда говорило сердцу и воображению, и в самом деле было великое основание для закона нового, до которого только в наши

дни додумались европейские филантропы-юристы, да и то не все.

Отец мой вообще был такого мягкого и человеколюбивого нрава, что с трудом мог решиться сменить пьяного лакея; однако он думал, что смертная казнь, сама по себе, может находить место в законодательстве. Он полагал, что она менее ужасна, чем иные наказания, как, например, *одиночное* заключение, или телесные наказания, как *кну́т*, который тем был особенно жесток, что зависел совершенно от произвола: мог убить человека или мог не причинить ему даже боли. Достоверно, что один любознательный иностранец однажды заплатил большую сумму палачу, чтобы тот ему доказал на деле, что может разорвать рубашку на спине человека и не коснуться его кожи. Уверяют, что палач исполнил этот фокус на спине самого иностранца. Об этих отвратительных вещах теперь, слава богу, можно вспоминать хотя с содроганием, но без той глубокой тоски, которая брала меня в то время, когда еще не была отменена торговая казнь. Отец мой всегда с омерзением и негодованием говорил об этой казни и постоянно старался об отмене ее. Смертная казнь, по его мнению, менее жестока для самого преступника, и вместе несомненно и верно защищает честных людей (большинство общества) от новых покушений преступников, повторяющихся периодически у нас побегами ссыльных и каторжников. Но он говорил, что, *однако*, он всегда будет против восстановления смертной казни в *России*, потому что отмена ее была из числа тех мер, которых можно не принимать, но, раз принявши, нельзя снова отменить без потрясения общего доверия, а без доверия самые основы государства колеблются. Такой *гар*, как суд без смертного приговора, раз полученный народом от одного из государей, должен всегда сохраняться в *основании* законодательства, хотя военный суд и времен-

ные исключения бывают необходимы в данных обстоятельствах. Потому он настаивал, чтобы военное положение было *сперва* объявлено всякий раз в тех местностях, где признается скорбная необходимость временного применения смертной казни к особенно опасным преступлениям. Не мое дело судить о таких вещах; но мне кажется, что когда-нибудь придет время, когда смертная казнь исчезнет всюду из христианского общества в *нормальном* состоянии края, коль скоро есть время на хладнокровное размышление. Разумеется, в болезненном состоянии общества, когда свирепствуют война и междоусобия, поневоле приходится силою противостоять силе и защищаться чем попало. Это женское воззрение, конечно, не имеет весу; но Елисавета Петровна по-женскому смотрела на этот вопрос, и ей были благодарны.

После 16 лет придворных переворотов и безжалостного деспотизма временщиков вся Россия вздохнула и просияла. Дед мой с восхищением наслаждался спокойствием и внутренним миром этого времени, и все это *расцветание*, эти начатки художеств и наук, эти лекции, эти театры, эти картины великих мастеров, которые начинали привозить из-за границы, эти живые образцы утонченности светской, которые являлись из Парижа, эти архитекторы, живописцы, певцы, актеры, которые вносили с собою, если не всегда чистый, то все-таки художественный элемент в нашу общественную жизнь (между тем как блистательные победы наших войск над первым полководцем того времени Фридрихом Великим, взятие Кенигсберга и Берлина покрывали громкой славой имя Русское): все это 16-летнему юноше открывало целый мир прекрасных ощущений, и на портрете его, писанном не много лет позднее, видятся спокойствие и мирное счастье. Он приехал в Петербург в начале 1742 г., как я уже говорила, когда еще свежа

была память об ужасах и темном, тяжелом давлении в моральном воздухе перед тем.

Один из родственников его (никак не могу вспомнить его имени) рассказывал, как очевидец, об известном, неразгаданном явлении перед смертью Анны Иоанновны. Этот рассказ, часто повторяемый, однако ж должен найти место в моей коллекции чудесных случаев и привидений. Вот как рассказывал мой дед. Его товарищ был дежурный со взводом солдат в карауле, вечером, за несколько дней до смерти Анны Иоанновны. Это было во дворце на Фонтанке, у Аничкина моста, в том самом доме, где теперь Троицкое подворье, в покоях митрополита Московского. Караул стоял в комнате подле тронной залы; часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась *во внутренние покои*, говоря словами гоф-фурьерских записок. Все стихло. Было уже за полночь, и офицер уселся, чтобы вздремнуть. Вдруг часовой зовет на караул, солдаты вскочили на ноги, офицер вынул шпагу, чтобы отдать честь. Он видит, что императрица Анна Иоанновна ходит по тронной зале взад и вперед, склоня задумчиво голову, закинув назад руки, не обращая внимания ни на кого. Часовой стоит, как вкопанный, рука на прикладе, весь взвод стоит в ожидании; но что-то необычайное в лице императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной зале начинает их всех смущать. Офицер, видя, что она решительно не собирается идти дальше залы и не смея слишком приблизиться к дверям, дерзает наконец пройти другим ходом в дежурную женскую и спросить, не знают ли намерения императрицы. Тут он встречает Бирона и рапортует ему, что случилось. «Не может быть,— говорит герцог,— я сейчас от императрицы, она ушла в спальню ложиться».

— Взгляните сами: она в тронной зале.

Бирон идет и тоже видит ее. «Это какая-нибудь интрига, обман, какой-нибудь заговор, чтобы подействовать на солдат!» — вскричал он, кинулся к императрице и уговорил ее выйти, чтобы в глазах караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся некоторым сходством с ней, чтобы морочить людей, вероятно, с дурным намерением. Императрица решилась выйти, как была, в пудермантеле¹⁹⁸. Бирон пошел с нею. Они увидели женщину, поразительно похожую на нее, которая нимало не смутилась. «Дерзкая!» — вскричал Бирон и вызвал весь караул. Молодой офицер, товарищ моего деда, своими глазами увидел *две Анны Иоанновны*, из которых настоящую, живую, можно было отличить от другой только по наряду и по тому, что она вошла с Бироном из другой двери. Императрица, постояв минуту в удивлении, выступила вперед, пошла к этой женщине и спросила: «Кто ты? Зачем ты пришла?» Не отвечая ни слова, та стала пятиться, не сводя глаз с императрицы, отступая в направлении к трону и, наконец, все-таки лицом к императрице, стала подниматься, пятившись, на ступеньки под балдахин. «Это дерзкая обманщица! Вот императрица! Она приказывает вам, стреляйте в эту женщину», — сказал Бирон взводу. Изумленный, растерявшийся офицер скомандовал, солдаты прицелились. Женщина, стоявшая на ступенях у самого трона, обратила глаза еще раз на императрицу и исчезла. Анна Иоанновна повернулась к Бирону, сказала: — «Это моя смерть!», поклонилась остолебевшим солдатам и ушла к себе.

Это один из самых достоверных рассказов о привидениях. Очень мне досадно, что я забыла имя офицера, который был очень близок к деду и сам передавал ему все подробности недолго после этого неразгаданного случая. Через несколько дней или часов Анна Иоанновна скончалась, я тоже не запомню

срока (для меня вообще числа и собственные имена всегда было трудно запомнить, между тем как обстоятельства, слова и мысли остаются живо и крепко в памяти до сих пор). Много слышали отец мой и мать про царствование Елисаветы, про образ тогдашней жизни, и батюшка говаривал, бывало, что не удивишься легкости нравов Екатерины II, когда подумаешь, в какой моральный омут привезли 14-летнюю красавицу-принцессу и выдали ее за человека, еле вышедшего из отрочества неспособного ценить ее ум и блистательные качества и уже испорченного той придворной средой, в которой он жил.

Сама Елисавета была замужем за Алексеем Григорьевичем Разумовским; это достоверно, и батюшка слышал от близких Разумовскому людей, что, когда Орлов приехал к нему после смерти Елисаветы Петровны и, с задней мыслью воспользоваться примером, спросил, есть ли у него документ о совершении брака, то он достал свидетельство и при Орлове сжег его в камине. Все друзья и родственники Разумовского были совершенно уверены в истине этого благородного порыва, а предание гласит, будто в память своего бракосочетания императрица украсила вызолоченным венцом (короною) церковь¹⁹⁹, в которой венчалась с ним в Москве. Разумовский, как известно, был простой казак малороссийский и придворный певчий. Он пленил своим голосом Елисавету, а сделавшись ее мужем, он за собою привлек ко двору и семью, и родство, и других малороссиян, которые сделали менее блистательную карьеру, но все же пошли в чины. Один из таких, бывший певчий с глубоким басовым голосом, дослужился до д. ст. советника, не отличившись ничем, и раз, споря с одним неважным по своему положению дворянином, сказал: — «Ведь я генерал». — «Какой ты генерал, — отвечал тот, — ты разве генерал-бас».

Эти легкие карьеры, сделанные без заслуг, по одной протекции фаворита, произвели дурное впе-

чатление на столбовое дворянство, петербургское и московское, и дали повод многим думать, что в Малороссии нет древнего дворянства, тогда как, напротив, из этой колыбели Руси происходят самые древние роды наши. Но в моем детстве многие при мне говорили не раз, чуть ли не с таким сомнением, о дворянском происхождении малороссийских фамилий, как о графском титуле поляков. Признавали, однако, достоинство генеалогии некоторых знатных и высокозаслуженных вельмож, как, например, Безбородки, Кочубея, но на остальных смотрели как на что-то вроде их клиентов (в римском смысле слова), и я запомнила еще с тех пор рифмованную будто бы родословную выходцев из южного края:

Безбородко роди Кочубея,
Кочубей роди Комбурлея,
Комбурлей роди Гамалея,
Гамалей роди Кравченко,
Кравченко роди Марченко,
Марченко роди пана Толоча и проч.

Впрочем, петербургское высшее общество, как видно, смотрело на свой кружок как на единственно аристократический, и даже как на единственно порядочный. Помню, не один раз слышала я такие речи: «Манеры и тон общества совсем испортились с тех пор, как вся Москва переехала сюда после пожара». Вообще странные у нас воззрения на этот счет. Батюшка, бывало, говаривал, что мы имеем дворянство *историческое* из самых древних родов Европы (с 862 г.), а у нас, однако, образовалась аристократия *самозваная*, преоригинальная. Вы находите или находили во всех землях аристократию политическую, привилегированную, или аристократию таланта и образования; но у нас не признается ни одна из них, а есть аристократия чисто салонная, *une aristocratie de coterie*. Разумеется, мнения на этот счет разнятся; но по мне, это недурно, хотя иногда смешно. Недур-

но, что у нас двери настежь в эту безвредную, самообольщающуюся салонную среду, между тем как каждый, даже из знаменитейших родов нашей истории, должен сам завоевывать политическое положение своею службою. И все-таки в основании лежит драгоценное начало, даже если оно часто становится только юридической фикцией: это правило, что образованием (экзаменом) и трудом (службою) всякий может дойти до высшей степени политической деятельности и влияния, и что нет замкнутого сословия у нас. Где нет замкнутости, там нет и ненависти между сословиями, хотя, конечно, ничто не исключает и не искореняет мелких страстей человеческого общества, и хотя у нас, как везде, завидуют и ревнуют к салонным и придворным успехам, и бранят людей высокопоставленных на службе, и завидуют им; но все же каждый порядочный человек знает, что нет серьезного, неодолимого препятствия, которое бы мешало ему пробивать себе дорогу вверх. Это меня много утешает, когда вижу смешную сторону некоторых наших аристократов. Истинно же радует меня всякий пример твердой, терпеливой и бодрой жизненной борьбы с невыгодной обстановкой в молодости человека, дошедшего до высокого политического положения, будь этот человек столбовой дворянин или простолюдин вчерашний. Замечательно, как много из самых даровитых и влиятельных людей, моего знакомства, в молодости перебивались с трудом для достижения даже наинужнейших средств к жизни, и как много эта нужда, эти лишения в молодости способствовали к закалу их души, их способностей и характера. Бедность, даже мимоходная, которая заставляет работать, если она честно и бодро выдержана, возвышает человека настолько же, насколько совершенная нищета и беспорядок, который в ней гнездится, растлевают самые лучшие натуры. Впрочем, всякая крайность разрушает гармонию

естественных законов мироздания; и как крайность нищеты, так и крайность богатства, материального преизбытка развращает человека. Есть бесстыдство богача, точно так же, как бесстыдство нищего. Один думает, что он вправе *все купить*, другой, что вправе *всего просить*; высокомерие одного и наглость другого равно унизительны для человеческого достоинства и, в сущности, тот и другой — жалкие творения. Мальчик оборванный, таскающийся по грязи и протягивающий руку с плаксивою просьбою о копейке в компании с пьяными бабами и притворными калеками, может быть, не в большей степени развратится, нежели в своем роде развратится малолетний миллионер, окруженный со дня рождения льстецами и угодниками всякого возраста и пола, утопающий в неге и своеволии с самой колыбели, не знающий противоречия, ни препятствия в исполнении своих прихотей. Видала я с болью сердечной, как грязли и заглушались лучшие порывы гордых и чистых натур под невыносимым гнетом нищеты; так точно, как знала я жалких богачей, у которых заглохли все лучшие стремления души от поклонения собственному могуществу, чисто материальному могуществу золота, и от подбострастия личных эксплуататоров. Так было во все периоды истории человечества, так есть и теперь, так было и во время Елисаветы. Это могущество богатства, соединенное со всемогуществом власти, не могло не вскружить головы тогдашним временщикам.

Вся же масса дворянства, составляющая огромное большинство землевладельцев (монастыри и церкви владели, кажется, около десятой части населенных имений), масса дворянства была решительно и долгое время представительницей умственного движения в России. В течение столетия и больше можно поистине называть дворянство *передовым* сословием. Это сословие, однако, в массе своей не отрыва-

лось совершенно от народа по своим верованиям и религиозным обычаям, и один иностранец, побывавши во внутренних губерниях лет двадцать назад, был поражен тем, что наше дворянское сословие, разнящееся от народа во всех наружных приемах жизни, от платья и прически до языка, вдруг в церкви является совершенно таким же, как сам необтесанный мужик, и кладет земные поклоны, прикладывается к иконам или мощам с благоговейным выражением лица, оставившим иностранцу впечатление полной искренности. Если б он заглянул поближе в их домашнюю жизнь, то увидел бы и тут больше сходства с народом, нежели бы он мог понять. В этой массе старого (однако, *не придворного*) дворянства, служившего непременно в военной службе, не могло быть страшного своеволия богатых соседей его. Походы же в Пруссию и Швецию приучили к дисциплине, к некоторой выдержке и расширили умственный горизонт. Хорошие натуры облагораживались, а, возвращаясь еще молодыми в свои поместья, не успевали совершенно переродиться в иностранцев. Сохранялась, это правда, некоторая сословная гордость; но она никак не мешала чистосердечно смотреть на прислугу, например, на *домочадцев*, как на что-то вроде бедных родственников; давая слуге потасовки собственноручно, все-таки барин не требовал от него службы *автомата*, не считал, что, платя ему жалованье и кормя его по положению контракта, может смотреть на него как на вещь, на машину и не спрашивать никогда о человеческой стороне этой машины, о его чувствах, горестях и радостях душевных, о его отношениях к барину как к человеку же, как это становится принято в иных домах хорошего тона, или как прикидываются, что оно принято. Не думаю, чтобы мы, в сущности, когда-либо дошли до этого верха безобразия.

Все вышесказанное далеко не ново; но я записываю как живое предание, как образцы мыслей, чувств и мнений, дошедшие до родителей моих, непосредственно от современников и действовавших лиц, а не как *восстановление задним числом* духа эпохи по документам всякого рода, даже по памфлетам и доносам, что случается встречать слишком часто в сочинениях, даже научных. Карамзин говаривал отцу моему не раз, как надо быть осторожным в оценке лиц и событий прошлого времени, остерегаться собственного увлечения при изучении современных описаний и односторонних рассказов, а надо принимать во внимание совокупность показаний и глубоко укоренившийся общий взгляд на лица и на события, когда этот взгляд *переходит в сознание народное*. Карамзин говорил ему, например, что хотя точных доказательств нет против Бориса Годунова в деле убиения царевича Димитрия, однако у него полное внутреннее убеждение в его соучастии, убеждение, исходящее от того, что, изучая историю вообще, он проникнулся мыслью, что не может остаться осужденным во мнении своего народа в течение двух столетий историческое лицо, оклеветанное *невинно*. Он полагал, что потомство есть своего рода кассационный суд, который разбирает *инстинктивно* дела прошедших времен (своего народа, разумеется) и что есть великая историческая правда, которая, вместе с тем, правда Божия, восстанавливающая честь и невинность тех деятелей, которых имена пострадали только от страстей и злобы или от предрассудков современников, и что, по словам Иоанна Миллера, *die Welt-Geschichte ist das Welt-Gericht**.

Так точно и в обратном отношении, Карамзин почитал чистыми и достойными те лица, которые, как Димитрий Донской, как Скопин-Шуйский, как По-

* Всемирная история есть всемирное судьище.

Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой

жарский, как Минин, оставили светлую и святую память по себе в последующих поколениях, несмотря на современные одиночные обвинения, Карамзин (осуждать которого теперь в моде) понимал всю увлекательность *исторической находки*, открытия нового документа; но он крайне осторожно обращался с такими открытиями, тщательно сравнивая и критически разбирая каждое из них; потому что на задачу историка он смотрел как на великое, святое служение истине и отечеству, требующее беспристрастия и обдуманности судьи, ставящего окончательно на вид всю совокупность показаний, улик и морального убеждения в деле, представляемом к приговору этого великого суда присяжных — потомства: потомства, которое не должно подкупать, льстя его минутным страстям, ни обольщать блеском и увлекательностью изложения.

(1870).

(С дозволения графини А. Д. Блудовой перепечатано вновь из журнала «Заря» 1871 и 1872 гг.).

КОММЕНТАРИИ

ЗАПИСКИ МУХАНОВОЙ МАРИИ СЕРГЕЕВНЫ

¹ ...*Фамилия Мухановых происходит из Польши.*

Существует точка зрения, что фамилия Мухановых относится к периоду массового перехода на русскую службу знати Казанского и Астраханского ханств после их поражения при Иване IV. Мухановы — дворянский род, происходящий от Ивана Муханова, убитого на государственной службе в 1597 г.

² ...*Дом Мухановых был в нынешнем Армянском переулке...*

В городскую усадьбу Мухановых входила нынешняя территория дома № 10 (строения 1,2,3 по М. Златоустинскому переулку). Владение принадлежало семье Мухановых до 1740 г., затем перешло к купцу Т.М. Абаконову, позже — к купцам Фроловым. Палаты Мухановых сохранились, они перестроены и требуют тщательного исследования.

³ ...*поиграть с Ипатом...*

Муханов Ипат Калинович (1677—1729) был в детстве товарищем Петра I, учился в Голландии морскому делу, был в числе шаферов при венчании государя с Мартой Скавронской, имел чин контр-адмирала, участвовал во многих морских сражениях Северной войны.

⁴ ...*Петр I сосватал его с Полянской...*

Полянская Ирина Васильевна, урожденная Нестерова — вдова стольника Н.А. Полянского, убитого в

1708 г. Была первой женой Ипата Муханова. В браке детей не было.

5 ...Государь женил его на Шаховской...

В 1714 г. Ипат Муханов женился на княжне Марье Ивановне Шаховской (1695—1724). В браке родились дочь Анна и сын Илья.

6 ...у дяди моего Алексея Ильича...

Муханов Алексей Ильич (1753—1832) — герой Русско-турецкой войны 1781—1791 гг., действительный тайный советник, сенатор. С 1801 г. был опекуном Московского опекунского совета. Похоронен в с. Новинки — Круглышево Александровского уезда Владимирской губернии. Женат на Варваре Николаевне Трубецкой (1766—1813).

7 Они переданы Павлу Александровичу Муханову...

Муханов Павел Александрович (1797—1871) — историк, археограф, издатель Мухановского сборника, с 1869 г. председатель Императорской Археографической комиссии.

8 ...один сын Илья — от Шаховской...

Муханов Илья Ипатович (1721—1799) — полковник, статский советник. От брака с П. Ф. Сафоновой имел восемь детей: семь сыновей — Алексея, Ивана, Дмитрия, Николая, Сергея, Александра, Михаила; дочь Марию. Сергей Ильич Муханов — отец мемуаристки.

9 ... он построил церковь в селе Успенском...

Успенская церковь была построена в 1755 г. в усадьбе Мухановых, принадлежавшей в 1729—1790 гг. Илье Ипатовичу Муханову. Церковь утрачена в середине XX века.

10 ...любимца государыни, графа Платона Александровича Зубова...

Зубов Платон Александрович (1767—1822) — фаворит Екатерины II, генерал-фельдцейхмейстер (1793),

генерал от инфантерии (1800), генерал-губернатор Новороссии. Один из организаторов третьего раздела Польши, крупнейший землевладелец Литвы. Участник заговора против Павла I.

¹¹ *...при первом куртаге...*

Прием, или приемный день при Императорском дворе.

¹² *Князь Павел Павлович Гагарин...*

Гагарин Павел Павлович (1789—1872), князь, действительный тайный советник 1-го класса. Председатель Комитета министров Российской империи в 1864—1872 гг.

¹³ *...имел в особенном своем заведовании прежде институт, а потом Мариинскую больницу.*

Мариинский институт был открыт по инициативе императрицы Марии Федоровны в 1797 г., в него было принято 40 воспитанниц, в том числе 7 сирот (по документам институт назывался «Сиротским училищем»). Первый выпуск состоялся в 1802 г. После смерти Марии Федоровны Мариинский институт находился под личным покровительством Николая I. Затем покровительство перешло к великой княжне Елене Павловне (супруге Михаила Павловича).

Мариинская больница была открыта в 1802 г. также по инициативе Марии Федоровны. Здание больницы было построено по проекту Дж. Кваренги. Больница поддерживалась казной, ей назначался также богатый почетный опекун, который содействовал ее нуждам материально и морально.

¹⁴ *...кончил свою карьеру шталмейстером в Москве.*

Придворный конюшенный чин 3-го класса. Распространялся на лица, состоящие при придворной конюшне.

¹⁵ *...был прост умом, хотя не до такой степени, как представила его Мария Аполлоновна Волкова...*

Алексей Иванович Муханов — (1789—1814) — камер-юнкер. Был женат на Анне Васильевне Мещерской (?—1844). Мемуаристка вспоминает письмо фрейлины императрицы Марии Федоровны, автора опубликованных писем об эпохе Александра I, Марии Аполлоновны Волковой (1786—1859), к своей родственнице В.И. Ланской. В письме от 13 мая 1812 г. она дает следующую характеристику Алексею Ивановичу Муханову: «Я во все не знаю молодую Мещерскую, жених же ее совершенный олух. В начале зимы мы имели удовольствие видеть его почти на всех наших вечерах, и он постоянно служил предметом насмешек... Однако, несмотря на свою глупость, он делает прекрасную партию. Истинная правда, что дураки самые счастливые люди на свете» (Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой и В.И. Ланской. 1812—1818. М., 2013. С. 42).

¹⁶ *Павел Иванович был другого характера.*

Павел Иванович Муханов — (? — 1812) — поручик лейб-гвардии Егерского полка. В сражении при Романове 2 июля он отправился в разведку «одетый во французский мундир» и был смертельно ранен казачком, принявшим его за неприятеля.

¹⁷ *Платов приходил к нему...*

Платов Матвей Иванович (1753—1818) — атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии. Принимал участие во всех войнах Российской империи конца XVIII — начала XIX века.

¹⁸ *...она урожденная Олсуфьева.*

Муханова Екатерина Дмитриевна, урожденная Олсуфьева (1788—1876) — жена Павла Ивановича Муханова, погибшего в июле 1812 г.

¹⁹ *...рассказывал о съезде, на котором духовенство отказывалось от своих прав и преимуществ...*

Здесь речь идет о событиях Великой французской революции. 2 ноября 1789 г. на заседании Учредитель-

ного собрания был принят декрет, объявлявший католические земли национальным достоянием.

20 ...он сидел подле Лафаета...

Лафает (Лафайет) Жильбер (1757—1834) — французский политический деятель, участник трех революций: американской войны за независимость, Великой французской революции и Июльской революции 1830 г.

21 Мать моя, Варвара Дмитриевна Муханова, происходит из рода Тургеневых.

Муханова Варвара Дмитриевна, урожденная Тургенева (1774—1845) — статс-дама, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины. Мать мемуаристки.

22 Алексей Романович Тургенев ...

Тургенев Алексей Романович (? — 1777) — участник Русско-турецкой войны 1735—1739 гг., советник Ревизион-коллегии, действительный статский советник, прадед писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Паж при дворе Анны Иоанновны, 17 января 1737 г. произведен из пажей в поручики в Углицкий пехотный полк. Во время войны был ранен и взят в плен турками.

Мемуаристка представляет романтическую версию освобождения его из плена. На самом деле А.Р. Тургенев находился в плену вплоть до заключения мира в 1740 г. Впоследствии дослужился до подполковника. В 1753 г. был уволен от военной службы и назначен советником Ревизион-коллегии и Камер-коллегии. Вышел в отставку в 1772 г.

23 ...образ Св. Николая отдан в нашу теперешнюю каменную церковь, которая построена по плану Растрелли...

Речь идет о Никольской церкви, построенной в усадьбе Железцово (Хмелевое, Никольское) Калужской губернии в 1779 г. Предположительно церковь была построена по чертежам Растрелли (другая версия — по проекту К.И. Бланка). Существенным пере-

стройкам подверглась в XIX веке. Ныне — в заброшенном состоянии (Чижков А.Б., Зорин А.А. Калужские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. М., 2007. С. 35).

24 ...разряженные в роброндах...

Роброн — женское платье XVIII века колоколообразной формы с фижмами, обычно из плотных тканей, например, парчи.

25 ...вышла замуж за Дмитрия Романовича Тургенева

Речь, видимо, идет об Анне Федоровне Ушаковой, вышедшей замуж за сына прапрадеда писателя И.С. Тургенева Р.С. Тургенева.

26 ...недалеко от нашего имения, в котором мы живем.

Имение Железцово (Хмелевое, Никольское), в 30 км от Калуги (Перемышльский уезд). С 1621 г. — вотчина Д.П. Тургенева и его рода. В первой половине XVIII века усадьба принадлежала Р.С. Тургеневу и его сестре В.С. Унковской, в третьей четверти столетия — его вдове А.Ф. Тургеневой (урожденной Ушаковой) и их сыну Д.Р. Тургеневу, затем его вдове А.Ф. Тургеневой (урожденной Ушаковой). Затем имение перешло Мухановым — В.Д. Мухановой (урожденной Тургеневой) с мужем С.И. Мухановым, их дочерям, фрейлинам Александре, Екатерине, Елизавете, Марии Мухановым.

В 1817 г. Мухановы построили в усадьбе дом с шестиколонным портиком в стиле позднего классицизма. Предметы интерьера, что остались от «старых» Тургеневых, начиная с Петровской эпохи, были целы до 1880 г. Последний владелец имения (с 1890 г.) — юрист И.С. Данилов. Усадебный дом разобран в 1928 г., сохранилась заброшенная Никольская церковь.

27 Сергей Ильич Муханов...

Муханов Сергей Ильич (1763—1842) — Обер-шталмейстер Двора, действительный тайный советник. На-

чал службу в Преображенском полку, откуда в 1781 г. был переведен в конную гвардию вахмистром, затем произведен в корнеты (1784), ротмистры (1792), полковники (1796). В августе 1798 г. определен в должность шталмейстера Двора Е. В. В 1800 г. Муханову было пожаловано владение в 5000 десятин в Саратовской губернии.

Отец мемуаристки. Есть разночтения в дате его рождения. М.С. Муханова называет 27 июня 1763 г., в ряде других источников называется 1762 г.

28 У деда моего было семь сыновей...

У деда мемуаристки, Ильи Ипатовича Муханова (1721—1799), было семь сыновей: Михаил, Алексей, Иван, Дмитрий, Николай, Сергей, Александр.

29 ...неудовольствие великого князя Константина Павловича...

Великий князь Константин Павлович (1779—1831) — российский цесаревич, второй сын Павла I и Марии Федоровны. Генерал-адъютант, командир Гвардейского корпуса, генерал-инспектор всей кавалерии. С 19 ноября по 13 декабря, в период междоцарствия 1825 г., официально считался Императором и Самодержцем Всероссийским.

30 ...он был в белом колете...

Колет — верхняя форменная одежда кирасир. Имел покрой мундира, но был однобортным, на крючках. В XVIII веке колет шился из лосиной кожи, в XIX — начале XX в. — из белого сукна. Надевался на подколетник.

31 Нужно было представиться генерал-губернатору Палену...

Пален Петр Алексеевич (1745—1826) — генерал от кавалерии (1798), один из приближенных Павла I, возглавивший заговор против него. В 1798—1801 гг. петербургский военный губернатор, до этого правитель

Рижского наместничества (1792—1795) и первый генерал-губернатор Курляндии (1795).

32 *...подал ему письмо от Кутайсова, тогда еще камердинера и брандобрея государя.*

Кутайсов Иван Павлович (1759—1834) — камердинер и любимец Павла I. По одной из версий — турок, взятый в плен в Бендерах, по другой — отбитый от турок из плена в Кутаиси. Родоначальник графов Кутайсовых.

33 *...явился к главнокомандующему графу Салтыкову.*

Салтыков Иван Петрович (1730—1805) — генерал-фельдмаршал, в 1797—1804 гг. — московский главнокомандующий.

34 *...жена его, графиня Дарья Петровна....*

Салтыкова Дарья Петровна (урожденная Чернышева) (1739—1802) — дочь дипломата П.Г. Чернышева, жена И.П. Салтыкова. Обладала большим авторитетом в дворянском обществе Москвы начала XIX века.

35 *Государь говаривал, что он никому не верит, кроме двух Сергеев — своему духовнику и моему отцу.*

Непонятно, о каком духовнике (Сергее) ведет речь мемуаристка. С 1796 г. духовником Павла I был Петров Исидор Петрович (?—1805) — протопресвитер московского Благовещенского собора. Служа в Гатчине, он был духовником Павла I и всего его семейства.

36 *...уволить или нет Архарова...*

Архаров Николай Петрович (1742—1814) — генерал от инфантерии, глава ряда губерний, включая Московскую и Санкт-Петербургскую. В 1775 г. был назначен обер-полицмейстером Москвы. От его фамилии произошел термин «архаровец» — ироническое обозначение служителя полиции. Отправка в отставку или назначение на высокую должность в период правления Павла I очень часто было необъяснимым и непредска-

зуемым. Так, 15 июня 1797 г. Архаров был отставлен от службы и удален в свое имение.

37 В Эрмитаже давали балет «Красная шапочка»...

Эрмитажный театр, в котором давалось представление, был построен по указу Екатерины II от 23 сентября 1783 г. Предназначался для «частного семейного обихода» императорской семьи и Двора. Представления здесь давали не только казенные труппы, но и любительские. Это был особый придворный театр, на спектакли приглашались представители дипломатического корпуса. Репертуар при Павле I — итальянские и французские оперы, комедии и балеты.

38 Шведский король, тогда посетивший Петербург, сидел подле государя...

Густав Адольф IV (1778—1837) — шведский король в 1792—1809 гг. Несколько раз бывал в Санкт-Петербурге, в том числе в 1796 г. он приезжал, чтобы обвенчаться в внучкой императрицы Александрой. Брак этот расстроился из-за несогласия короля разрешить будущей супруге свободно исповедовать православную веру.

39 Государь послал гоф-фурьера Крылова...

Гоф-фурьер — высший придворный служитель, заведовавший придворной прислугой. Через 10 лет службы получал чин 9-го класса.

40 ...Государь требовал, чтобы весь Синод присутствовал в опере и смотрел на м-м Шевалье...

Мадам Шевалье, урожденная Пуаро (1774—?) — французская певица, любовница обер-шталмейстера И.П. Кутайсова, позднее и императора Павла I. По приглашению директора над музыкой и зрелищами Н.Б. Юсупова семья Шевалье (м-м Шевалье, ее муж Пьер и брат Огюст) жила в Санкт-Петербурге, работая во французской Императорской труппе. О мадам Шевалье, непопулярной в России, ходили слухи как о жадной и скупой особе.

41 *...хвалил свой Михайловский замок...*

Императорский дворец в центре Санкт-Петербурга (Садовая, 2), построенный на рубеже XVIII — XIX вв. как «замок на воде» по заказу Павла I (архитекторы В. Бренна и В.И. Баженов). Стал местом его насильственной смерти.

42 *Императрица Мария Федоровна...*

Императрица Мария Федоровна (1759—1828) — до перехода в православие принцесса Вюртембергского дома, вторая супруга императора Павла I. Мать императоров Александра I и Николая I. Известная своей широкой благотворительной деятельностью, заботой о женском образовании. Стояла у истоков Императорского Человеколюбивого общества, Повивального института, Училища ордена Святой Екатерины и ряда других филантропических заведений.

43 *...исключая двух томов г-жи Оберкирх...*

Имеются в виду воспоминания Г.Л. Оберкирх о раннем периоде жизни императрицы Марии Федоровны (Henriette Louise Oberkirch "Memories of Baronessed Oberkirch., Contess Montbrison/ Vol. I-III., London, 1852);

44 *...великая княжна Мария Павловна...*

Мария Павловна (1786—1859) — великая княжна, дочь императора Павла I и Марии Федоровны, великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, супруга великого герцога Карла Фридриха Саксен-Веймар-Эйзенахского. Была любимицей отца.

45 *...отставная ее камер-юнгфера...*

Камер-юнгфера — придворная служительница из девиц или незамужних женщин, горничная при императрице или великой княжне.

46 *Госпожа Цеймерн...*

Гликерия Алексеевна фон Цеймерн, урожденная Сверчкова (1785—1853) — начальница Института обер-офицерских сирот при Императорском московском

Воспитательном доме (с 1822 г.). На этом посту проявились ее выдающиеся педагогические и организаторские способности. В 1848 г. получила Мариинский знак отличия за двадцатипятилетие беспорочной службы.

47 ... найдя Обуховскую больницу умалишенных в самом жалком виде...

Обуховская больница умалишенных — одна из первых городских больниц в России (располагалась рядом с Обуховским проспектом и Обуховским мостом в Петербурге). Первое каменное здание было возведено Дж. Кваренги и Л. Руска в 1784 г. со стороны Фонтанки. В больнице было психиатрическое отделение (первоначально на 60 коек), которое в 1828 г. переехало на Петергофскую дорогу и получило название «Больница Всех Скорбящих Радости».

48 ...известно, что он сватался за Екатерину Павловну и потом, еще настойчивее, за младшую сестру ее, Александру Павловну.

Стремясь утвердить новую правящую династию, Наполеон нуждался в наследнике. Поэтому бесплодный брак с Жозефиной в 1809 г. был расторгнут, и Наполеон стал свататься к русским великим княжнам Екатерине, а позднее к младшей, Александре. Романовы, не склонные родниться с Наполеоном, по разным причинам пытались уклониться от этого брака. Особенно непримиримую позицию заняла вдовствующая императрица Мария Федоровна.

49 ...государь поехал на свидание с Наполеоном в Эрфурт...

Эрфуртский съезд — переговоры между Наполеоном и Александром I, проходившие в период с 27 сентября по 14 октября 1808 г. в Эрфурте. В результате был подписан союзный договор, условия которого впоследствии не выполнялись.

50 ... она приезжала в институт, в Смольный монастырь...

Смольный институт благородных девиц, располагавшийся в Смольном монастыре — первое в России женское учебное заведение, основанное Екатериной II в 1764 г. В 1765 г. при институте, учрежденном вначале как закрытое привилегированное учебное заведение для дворянских дочерей, было открыто отделение «для мещанских девиц» (недворянских сословий). В 1796 г. институт вошел в Ведомство учреждений императрицы Марии.

51 ... когда пала Варна...

Одна из побед русских войск в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Осада крепости Варна длилась с 13 июля до 29 сентября 1828 г. Русские войска взяли в плен до 6000 турок.

52 ...нашим послом в Париже был граф Петр Александрович Толстой.

Толстой Петр Александрович (до 1770—1844) — генерал от инфантерии, в 1802—1805 гг. — главнокомандующий в Санкт-Петербурге. С 31 августа 1807 по 19 октября 1808 г. был послом в Париже.

53 ... кто из приближенных Наполеона (кажется, Коленкур)...

Маркиз Арман Огюстен Луи де Коленкур (1773—1827) — французский дипломат, оставивший мемуары о службе у Наполеона, в частности, о его походе в Россию.

54 ...вышла за принца Ольденбургского...

Ольденбургский Петр Фридрих Георг (Георгий Петрович) (1784—1812) — принц, сын герцога Петра Ольденбургского и Фредерики Вюртембергской, зять императора Павла I, супруг великой княжны Екатерины Павловны. Генерал-губернатор сначала Эстляндии, затем — Тверской, Ярославской и Новгородской губерний, главный директор путей сообщения. Родоначальник русского рода Ольденбургских.

55 ...впоследствии за короля Вюртембергского

Вильгельм I (1781—1864) — король Вюртемберга с 30 октября 1816 г. В январе 1816 г. в Санкт-Петербурге сочетался браком с великой княжной Екатериной Павловной, вдовой принца Ольденбургского. Супруги были двоюродными братом и сестрой, будучи внуками Фридриха Евгения Вюртембергского. В браке родились дочери Мария и Софья.

56 ...утрюмый Гатчинский дворец...

Построен в 1766—1781 гг. по проекту Антонио Ринальди Екатериной II для своего фаворита графа Григория Григорьевича Орлова. Дворец сочетал в себе черты средневекового замка и загородной резиденции. В августе 1783 г. резиденция в Гатчине была подарена великому князю Павлу Петровичу. Перестройка дворца была закончена к 1790 г. Площадь перед дворцом была превращена в плац, окруженный бастионной стеной. После смерти Павла I в 1801 г. Гатчина стала резиденцией его вдовы Марии Федоровны.

57 ...когда он стал заниматься Екатериною Ивановною Нелидовой...

Нелидова Екатерина Ивановна (1756—1839) — одна из первых выпускниц Смольного института, фаворитка Павла I. В 1776 г. назначена фрейлиной к великой княгине Наталье Алексеевне, в 1777 г. — к великой княгине Марии Федоровне. С восшествием на престол Павла I становится камер-фрейлиной. Как утверждают некоторые источники, их связь была чисто нравственной, основанной на религиозной почве. В 1796 г. после размолвки с Павлом I уединилась в Смольном монастыре.

58 ...девица Лопухина объяснила государю свою любовь к нему.

Лопухина Анна Петровна, в замужестве Гагарина (1777—1805) — фаворитка Павла I. Принадлежала к тому же дворянскому роду, что и первая жена Петра I.

В 1798 г. Павел I на одном из придворных балов обратил внимание на Анну Петровну. Противники Е.И. Нелидовой представили императору влюбленную в него девушку. В 1798 г. Лопухины переехали из Москвы в Петербург, им был подарен дом на Дворцовой набережной. Анна Петровна была пожалована в камер-фрейлины. Впоследствии вышла замуж за П.Г. Гагарина (1777—1850).

⁵⁹ *...императрица Елизавета Алексеевна...*

Елизавета Алексеевна, урожденная Луиза Мария Августа Баденская (1779—1826) — российская императрица, супруга Александра I.

⁶⁰ *...министр Гурьев отказался платить...*

Гурьев Дмитрий Александрович (1751—1825) — русский государственный деятель, гофмейстер Двора, сенатор, член Государственного совета, третий министр финансов России (с 1 января 1810 по 30 сентября 1823 г.), действительный тайный советник.

⁶¹ *Был составлен комитет; в этом комитете сидели Илларион Васильевич Васильчиков, Левашев и Козенц...*

Мемуаристка, видимо, имеет в виду Комитет об управлении военно-конскими заводами (1819). Среди членов этого Комитета она называет Василия Васильевича Левашова (1783—1848) — генерала от кавалерии, генерал-адъютанта, приближенного Николая I; Иллариона Васильевича Васильчикова (1776—1847) — генерала от кавалерии, председателя Комитета министров и Государственного совета (1838—1847).

⁶² *Почти все эти бумаги писаны князем Петром Михайловичем Волконским...*

Волконский Петр Михайлович (1776—1852) — светлейший князь, русский военный и придворный деятель, генерал-фельдмаршал, министр Императорского двора и уделов (1826—1852).

⁶³ ...наступило время свадьбы великого князя Михаила Павловича...

Михаил Павлович, великий князь (1798—1849) — четвертый сын Павла I и Марии Федоровны, генерал-фельдцейхмейстер, активный участник антинаполеоновской кампании, Русско-турецкой войны. В 1830—1831 гг. участвовал в подавлении Польского восстания. В феврале 1824 г. по настоянию матери женился на Фредерике Шарлотте Марии, дочери принца Павла Генриха Карла Фридриха Августа Вюртембергского (принявшей в православии имя Елены Павловны).

⁶⁴ Подарил третьей сестре моей, Елизавете Сергеевне, шифр...

Фрейлинский шифр — золотой, усыпанный бриллиантами знак отличия, который носили придворные дамы в должности фрейлин. Представлял собой брошь в виде монограммы императрицы, или двух сплетенных инициалов, императрицы и вдовствующей императрицы (такой знак назывался «двойной»). Шифр носили на банте цвета Андреевской голубой ленты, прикреплялся к платью на левой стороне корсажа.

⁶⁵ Тогда была французская революция и Карл X был изгнан из Франции.

Карл X (1757—1836) — король Франции с 1824 по 1830 г. Последний реально царствующий представитель старшей линии Бурбонов на французском престоле. Июльская революция 1830 г. свергла правящее правительство. Карл X отправился в изгнание в Великобританию.

⁶⁶ ...старший брат моего отца...

Речь идет об Алексее Ильиче Муханове (1753—1832).

⁶⁷ ...он и дядя Александр Ильич...

Муханов Александр Ильич (1766—1815) — действительный статский советник, шталмейстер. Служил последовательно казанским, полтавским и рязанским губернатором.

⁶⁸ ...где должны были взять с собою дядю Ивана Ильича с семейством...

Муханов Иван Ильич (1753—1833) — действительный статский советник. Указом 1798 г. назначен 1-м директором Московского отделения Государственного ассигнационного банка.

⁶⁹ ...губернатор Супонев...

Супонев Авдий Николаевич (1770—1821) — генерал-майор, действительный статский советник, владимирский губернатор с апреля 1812 г. Принял деятельное участие в формировании шести полков Владимирского ополчения во время Отечественной войны 1812 г.

⁷⁰ ... с семейством дяди Дмитрия Ильича...

Муханов Дмитрий Ильич (1756—1833) — один из братьев Мухановых, коллежский советник, секунд-майор, женатый на дочери генерал-лейтенанта Анне Акимовне Мальцовой.

⁷¹ ...я должна исправить ошибку, вкравшуюся в записке графа Комаровского...

Мемуаристка имеет в виду «Записки графа Комаровского» о событиях 1786—1833 гг., впервые напечатанные в сборнике «Осьмнадцатый век» (СПб., 1867). Комаровский Евграф Федотович (1769—1843) — граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, первый командующий (1811—1828) внутренней стражи России.

⁷² ...генерал Мердер, воспитатель великого князя.

Мердер Карл Карлович (1787—1834) — генерал-майор, генерал-адъютант, воспитатель Александра II. Известен своими записками о юных годах будущего императора.

⁷³ ...снял с него гусарский ментик...

Гусарский ментик представлял собой короткую, опущенную мехом, подбитую ватой и отделанную шнурами по спинным швам, на груди и обшлагах суконную

короткую куртку. Обычно носился внакидку на левом плече, с 1834 г. — за спиной.

⁷⁴ Аракчеев занят тем, чтобы разыскивать убийц своей любезной.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — граф, русский государственный и военный деятель, пользовавшийся большим доверием Павла I и Александра I. Реформатор русской артиллерии, генерал от артиллерии (1807), военный министр (1808 — 1810), Главный начальник Императорской канцелярии (с 1812) и военных поселений (с 1817).

Настасья Минкина (Шумская) была любовницей и домоправительницей в имении Аракчеева Грузино Новгородской губернии. Отличалась особой жестокостью по отношению к дворовым, которыми и была убита в 1825 г.

⁷⁵ Аракчеев выехал на встречу из Грузии в трауре...

Сопровождение С. И. Мухановым гроба с телом императора Александра I из Таганрога в Петербург — видимо, из семейных легенд. В источниках в составе траурной процессии имя С.И. Муханова не встречается. То же касается и встречи похоронной процессии Аракчеевым. Скорее всего — это одна из многочисленных легенд, связанных с таинственной смертью императора.

⁷⁶ ...мы ездили во вновь купленную деревню, в Тамбовской губернии, близ г. Шацка, на освящение храма...

Речь идет о с. Черная Слобода, купленном отцом мемуаристки С.И. Мухановым. К 1861 г. Черная Слобода принадлежала Александре Сергеевне Мухановой, одной из дочерей.

⁷⁷ Святил храм архиерей Иона, бывший после того экзархом в Грузии.

Храм во имя Спаса Нерукотворного в с. Черная Слобода был построен С.И. Мухановым и представлял со-

бой небольшой однокупольный храм с боковыми портиками и трехъярусной колокольной (храм разрушен в 1950-е гг.). Святил храм митрополит Иона (в миру Иван Семенович Васильевский) (1762—1849) — епископ Русской православной церкви, экзарх Грузии (1821—1832), архиепископ Астраханский и Енотаевский (1821), епископ Тамбовский и Шацкий (1812—1821).

⁷⁸ Великая княгиня Елена Павловна...

Великая княгиня Елена Павловна (до принятия православия — принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская) (1806—1873) — супруга великого князя Михаила Павловича, государственный и общественный деятель, активная сторонница отмены крепостного права и Великих реформ. Известна своей образованностью и многочисленными благотворительными делами.

⁷⁹ ...князей Голицыных — князя Сергея Михайловича, и князя Дмитрия Владимировича, и графа Петра Александровича Толстого...

Голицын Сергей Михайлович (1774—1859), князь — действительный тайный советник, яркая личность грибоедовской Москвы, владелец усадеб Кузьминки и Гребнево. Известен своей благотворительной деятельностью;

Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844) — светлейший князь, генерал от кавалерии, московский военный генерал-губернатор (1820—1844);

О П.А. Толстом см. комментарий № 52.

⁸⁰ Александр Львович Нарышкин развеселил его...

Нарышкин Александр Львович (1760—1826) — известный в придворных кругах остро слов, любимец и завсегдатай светских салонов, обер-камергер, директор Императорских театров (1799—1819), кавалер ордена Андрея Первозванного.

⁸¹ Лучший из врачей, Крейтон...

Крейтон Александр Александрович (1763—1856) — шотландский врач, работавший в России.

82 ...у него было семь докторов: домовый врач Кёрнер, Роджерсон, доктор Екатерины II, ...Лейтон, привезенный грузьями Саблуковыми, Крейтон, присланный императрицей Марией, Клеменц, доктор конюшенной команды — по долгу службы, Тиман, привезенный грузом Витовцовым, и, наконец, Симсон.

В числе перечисленных докторов: Кёрнер Егор Андреевич (?—1796) — придворный врач;

Роджерсон Иоганн Джон Самуил (1741—1823) — шотландец. Закончил Эдинбургский университет в 1765 г., в 1766 г. приехал в Россию. В 1769 г. был назначен придворным доктором;

83 ...Вилъе, доктор государя...

Вилъе (Виллие) Яков Васильевич (1768—1854) — военный врач, лейб-хирург российского Императорского двора, действительный тайный советник, в 1808—1838 гг. президент Медико-хирургической академии;

84 ...по рождении моей сестры Екатерины...

Муханова Екатерина Сергеевна (1809—1866) — одна из сестер мемуаристки.

85 ... сестра Анна...

Муханова Анна Сергеевна (1804—1869) — одна из сестер мемуаристки, фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны.

86 Мы поехали с доктором Газом, который был послан исследовать минеральные воды...

Гааз Федор Петрович (1780—1853) — московский врач немецкого происхождения, филантроп, известный под именем «святой доктор». Член Московского тюремного комитета и главный врач московских тюрем.

87 Двоюродный брат матушки, Федор Александрович Ушаков...

Ушаков Федор Александрович (1768/1769—1841) — генерал-майор, действительный тайный советник, участник военных событий начала XIX века. 26 ноября 1810 г. вышел в отставку, в 1821—1831 гг. был главноприсутствующим в Московской Оружейной палате.

⁸⁸ При нас был открыт еще один источник, который был назван Елизаветинским.

Первооткрывателем серного источника между отрогом Машука и Горячей горой считается доктор Ф.П. Гааз. Во время своего путешествия на Кавказ в 1809 г. он обратил внимание на целебные свойства воды источника. Источник был назван Елизаветинским в честь императрицы Елизаветы Алексеевны.

⁸⁹ Тут застали мы колонистов из Сарепты...

Сарепта — бывшая немецкая колония, ныне входящая в состав Волгограда. В 1765 г. на правобережье Волги ниже Царицына образовалась небольшая колония Сарепта. Здесь была создана община, которая позже стала называться «Богемские братья». В начале XVIII века идеи «Богемских братьев» получили развитие в Германии.

⁹⁰ ...просил бывшего тогда министра внутренних дел Козодавлева...

Козодавлев Осип Петрович (1753—1819) — деятель русского просвещения, сенатор, тайный советник, с 1810 г. — министр внутренних дел Российской империи. Занимался литературной деятельностью: им было подготовлено Собрание сочинений М.В. Ломоносова, он редактировал журнал «Собеседник».

⁹¹ ...по космополитическому расположению, государь Александр Павлович дозволил проповедовать Евангелие на Кавказе.

Одним из направлений религиозной политики Александра I было стремление к объединению всех христианских конфессий. В соответствии с изданными

законами различные религиозные течения получили свободу проповеди. Тогда же шотландские миссионеры получили право начать свое служение в Астрахани и на Северном Кавказе.

ВОСПОМИНАНИЯ БЛУДОВОЙ АНТОНИНЫ ДМИТРИЕВНЫ

92 ...со своими любимыми грузьями, Жуковским и А.И. Тургеневым...

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — известный русский поэт, один из основоположников романтизма;

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — российский историк, был близок ко многим представителям науки и культуры того времени.

93 ...довольствовался мороженым с бисквитами у кондитера Лареды...

Кондитерская швейцарца К.Лареды располагалась на Невском проспекте Петербурга (ныне Невский проспект, д. 2) в доме Вольного экономического общества (доме И.И.Перкина). Дом построен в 1768—1775 гг. архитектором Ж.Б. Валлен-Деламотом. В числе завсегдатаев кондитерской были А.С. Грибоедов, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин. В кондитерской стояло неплохое пианино, на котором играл А.С. Грибоедов. Один из современников писал, что кондитерская К. Лареды «... одна из лучших кондитерских в Петербурге...Хвала швейцарцам! Они лакомят всю Европу» (Цит по кн.: Юлия Демиденко. Рестораны, трактиры, чайные... Из истории общественного питания в Петербурге. XVIII — начало XX века. М., 2011. С. 9).

94 ...в Швеции один королевский замок Гринсгольм...

Замок в Мариефреде, расположенный на острове на озере Меларен. Свое название получил от имени рыцаря Бу Йонссона Грипа, который заложил его около

1380 г. В 1526 г. замок перешел во владение короля Густава Васы, который начал возведение замка в его современном виде.

⁹⁵ *Батюшка еще знавал в Стокгольме...*

Речь идет о Блудове Дмитрие Николаевиче (1785—1864), отце мемуаристики. Он был русским литератором и государственным деятелем, министром внутренних дел (1832—1838), председателем Государственного совета (с 1862) и Комитета министров (с 1861), действительный тайный советник. Возглавлял Академию наук (с 1855).

⁹⁶ *...гостил у дочери своей, шведской королевы, наследный принц Баденский, после своего пребывания у другой дочери, императрицы Елизаветы Алексеевны...*

Имеется в виду Карл Людвиг Баденский, маркграф Баден-Дурлахский (1755—1801) — отец Луизы Марии Августы (императрицы Елизаветы Алексеевны) и Фредерики Доротеи Вильгельмины Баденской (1781—1826) — принцессы Баденской, супруги короля Швеции Густава IV Адольфа.

⁹⁷ *...графиня Енгстрем...*

Мемуаристка, видимо, имеет в виду жену премьер-министра иностранных дел Швеции Ларса фон Энгстрема.

⁹⁸ *Королева, не помню, жена ли Густава III или Карла XIII, провела часть лета в замке Грипсгольм...*

Мемуаристка имеет в виду супругу короля Густава IV Адольфа Фредерику Доротею Вильгельмину или Гедвигу Елизавету Шарлотту Гольштейн-Готторпскую (1759—1818) — королеву, супругу Карла XIII.

⁹⁹ *Королева Ульрика умерла в замке Грипсгольм...*

Речь, видимо, идет об Ульрике Элеоноре Датской (1656—1693) — супруге короля Карла XI. Мемуаристка не совсем точна: королева умирала не в Грипсгольме,

а в Карлсберге. Существует легенда о ее смерти, которую в общих чертах пересказывает А.Д. Блудова.

¹⁰⁰ *В ней узнали графиню Стейнбок...*

Графиня Мария Елизавета Стенбок принадлежала к древнему шведскому роду.

¹⁰¹ *...брат короля Густава III, герцог Зюдерманландский...*

Карл, герцог Зюдерманландский (1748—1818) — король Швеции Карл XIII (с 5 июня 1809 г.). После низложения Густава IV в 1809 г. был провозглашен королем, но к тому времени впал в слабоумие и реального влияния на политику не оказывал.

¹⁰² *...король Густав III был смертельно ранен из пистолета графом Анкарстремом...*

Король Швеции Густав III (1746—1792) правил с 1771 по 1792 г., являлся представителем просвещенного абсолютизма. Став жертвой заговора аристократов, был смертельно ранен Якобом Юханом Анкарстремом и через несколько дней скончался.

¹⁰³ *Рассказывала мне матушка...*

Блудова Анна Андреевна (1777—1848) (урожденная Щербатова), мать мемуаристки. Фрейлина. Брак с Д.Н. Блудовым состоялся в апреле 1812 г. В браке было рождено четверо детей.

¹⁰⁴ *Она была очень дружна с сестрами Каховскими...*

Мемуаристка не совсем точна. Сестры Каховские — дочери графа М.В. Каховского, обе вышли замуж. Екатерина Михайловна (?—1832) вышла замуж за П.И. Арсеньева (1770—1840) — военачальника, генерал-лейтенанта. Александра Михайловна (?—1812) — фрейлина, вышла замуж за Д.Н. Арсеньева (1776—1846). В браке имела двух сыновей — Николая (1803—после 1830) и Евгения (1808—?).

¹⁰⁵ *Он не был еще принят как жених княгиней Щербатовой...*

Щербатова Антонина Войновна (урожденная Яворская) (1756—1812) — бабка мемуаристки. Она долго не давала согласия на брак своей дочери Анны с Д.Н. Блудовым. И только в 1812 г. брак был заключен.

¹⁰⁶ ...13 июня 1807 года, день Тильзитского свидания двух императоров...

Встреча Александра I и Наполеона в Тильзите (с 13 по 25 июня 1807 года), в результате которой был заключен мирный договор (Тильзитский мир) между Россией и Францией после Войны Четвертой коалиции 1806—1807 гг., в которой Россия помогала Турции.

¹⁰⁷ ...будто граф Николай Михайлович Каменский был отравлен происками старшего брата и предательством Закревского.

Каменский Николай Михайлович (1776—1811) граф — генерал от инфантерии. С февраля 1810 г. главнокомандующий в войне с турками. Младший сын фельдмаршала М.Ф. Каменского. Имел старшего брата Сергея, но с детства братья не ладили, что, видимо, стало основанием появления передаваемой мемуаристкой легенды о насильственной смерти Николая Михайловича.

Каменский Сергей Михайлович (1771—1834) — генерал от инфантерии, старший сын М.Ф. Каменского. Известен своей жестокостью и необузданностью нрава. Был большим любителем театра: крепостной театр графа Каменского был известен в дореформенной помещичьей России.

Непонятно, о каком предательстве Закревского пишет мемуаристка. Закревский Арсений Андреевич (1783—1865) — военный и государственный деятель, генерал-губернатор Финляндии, министр внутренних дел, московский генерал-губернатор, был преданным другом Н.М. Каменского. Он сопровождал его, уже тяжелобольного, в Одессу, где тот и скончался.

¹⁰⁸ *Дядя моего отца со всем семейством погиб от Пугачева...*

Одно из имений в Казанской губернии, доставшееся по наследству от Новиковых, из рода которых была бабка Д.Н. Блудова, было расположено в тех местах, где бесчинствовали банды Пугачева и «волжских разбойников». Из поколения в поколение переходило семейное предание, что здесь погибла вся семья дяди Дмитрия Николаевича от рук Пугачева. (Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время. (Царствование императора Александра I). М., 2016. С. 18—19).

¹⁰⁹ *Дайте правильный исход этому врожденному героизму, и вы увидите княгиню Наталью Долгорукову, Гертруду фон дер Барт, Корнелию, мать Гракхов, или тех скромных героинь-христианок, которые последовали в 1826 году за мужьями в Сибирь...*

Среди женщин, обуреваемых, по словам мемуаристки, «жаждой подвига», она называет Долгорукову Наталью Борисовну (1714—1771) — дочь графа Б.П. Шереметева, жену князя И.А. Долгорукова. После смерти Петра II и воцарения Анны Иоанновны ее жених попал в опалу. Сразу после венчания в 1730 г. она поехала за ним в ссылку в Березов;

Корнелию (мать братьев Гая и Тиберия Гракхов) — римскую матрону, жену Семпрония Гракха. Пережив своего мужа практически на четыре десятилетия, она полностью посвятила себя воспитанию детей, отказав многим претендентам на ее руку, включая египетского царя Птолемея VI.

¹¹⁰ *...бабушка Катерина Ермолаевна, когда жила вдовою в Танкеевке (Спасского уезда Казанской губернии)...*

Блудова Екатерина Ермолаевна (1754—1807), урожденная Тишина — мать Д.Н. Блудова. Существует семейное предание, по которому Екатерина Ермолаевна, живя в усадьбе Танкеевке Спасского уезда Казанской губернии, героически отразила натиск разбойничьей

банды Ваньки-Каина. Это предание легло в основу рассказа Михаила Осоргина «Конец Ваньки-Каина».

¹¹¹ *Пока жив был дедушка, его огромная псовая охота служила обороной усадьбе и острасткой для разбойников.*

Блудов Николай Яковлевич — дедушка мемуаристки, отец Д.Н. Блудова.

¹¹² *...знаменитый Ванька-Каин держал свою шайку...*

Ванька-Каин (Иван Осипов, 1718 — после 1756) — вор, разбойник, ставший легендарным героем воровских приключений и удалства. В 1741—1749 гг. находился на службе в Сыскном приказе.

¹¹³ *...о военных действиях Суворова, Каменского, Кутузова...*

Среди перечисленных мемуаристкой имен известных русских военачальников назван Каменский Михаил Федотович (1738—1809) — полководец Екатерининской эпохи, генерал-фельдмаршал, участник Русско-турецких войн, сторонник прусских военных порядков. Отец военачальников Николая и Сергея Каменских.

¹¹⁴ *...великолепно переданное в стихах Хомякова...*

Мемуаристка приводит одно из четверостиший стихотворения «Еще о нем» (1839) Хомякова Алексея Степановича (1804—1860) — поэта, публициста, художника, богослова, основоположника раннего славянофильства, члена-корреспондента Петербургской АН (1856).

¹¹⁵ *О Барклае, разумеется, я тогда и не слыхала...*

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761—1818) — русский полководец, военный министр (январь 1810 — август 1812), генерал-фельдмаршал. Фактически исполнял обязанности Главнокомандующего Русской армией в начале Отечественной войны 1812 года.

¹¹⁶ *Али-Паша Янинский и Бобелина...*

Али-Паша Янинский (1741—1822) — номинальный вассал Османской империи, фактический правитель Албании и части Греции.

Ласкарина Бубулина (Бобелина) (1771—1825) — героиня греческой революции 1821 г.

¹¹⁷ ...действующие лица Английского *high-life* в «*Al-masks*» и «*Pelham*».

Здесь — английского высшего света в аристократических клубах Лондона.

¹¹⁸ ...судя по Жуковскому, Аксаковым, Айвазовскому, которые по женской линии турецкого происхождения...

Известно, что матерью поэта В.А. Жуковского была турчанка Сальха; у Ивана Сергеевича (1823—1886) и Константина Сергеевича (1817—1860) Аксаковых — литераторов, идеологов славянофильства, бабкой была пленная турчанка Игель-Сюмь; Турецкое происхождение художника И.К. Айвазовского (1817—1900) — это семейное предание, не подтвержденное никакими документами. Согласно этому преданию, прадед художника был сыном турецкого военачальника и, будучи ребенком, при взятии Азова был спасен от гибели. Поэтому утверждение мемуаристики о турецком происхождении художника «по женской линии» ничем не подтверждено.

¹¹⁹ ...была подарена моей матери в служанки ее двоюродным братом Поликарповым...

Возможно, мемуаристка имеет в виду Поликарпова Александра Васильевича (1753—1811) — русского военачальника (бригадира), действительного тайного советника, сенатора. Был женат на Елизавете Павловне Щербатовой, дочери П.Н. и М.Ф. Щербатовых.

¹²⁰ ... рассказывала мне (уже долго, долго после) Марья Алексеевна Хомякова

Хомякова Мария Алексеевна, урожденная Киреевская (1771—1857) — мать поэта Алексея Степановича Хомякова.

¹²¹ ...подарил его своему другу Дурнову...

Мемуаристка, видимо, имеет в виду Василия Петровича Дурново, надворного советника, владевшего домом в Дурновском (ныне Барыковском) переулке между Остоженкой и Пречистенкой.

¹²² *Богадельню зовут Барыковскою по имени основателя, а церковь — Спаса на Стоженке.*

Барыковская богадельня (Барыковский пер., 4, стр. 2), расположенная между Пречистенкой и Остоженкой в Москве, была основана Барыковым Иваном Ивановичем (1812—1867) — дворянином, благотворителем. В 1850 г. он приобрел дом у В.П. Дурново и основал там богадельню для 30 престарелых женщин, в 1851 г. отдал ее в ведение Попечительства о бедных.

Еще ранее, в 1764 г., здесь была основана супругой владельца Е.А. Дурново церковь Спаса Нерукотворного Образа. В помещении церкви на стене был нарисован образ Спаса Нерукотворного. По преданию, этот образ был написан пленным мальчиком-турчонком, умершим после завершения работы. Образ прославился чудотворением. После закрытия храма в 1923 г. образ несколько раз закрашивали, но он возобновлялся вновь и вновь. Ныне этот образ находится в соседней церкви Илии Обыденного.

¹²³ *Моя тетушка (сестра матери) Марья Андреевна Поликарпова...*

Поликарпова Мария Андреевна, урожденная Щербатова — фрейлина, сестра матери мемуаристки Анны Андреевны. Судя по примечаниям П.Бартенева, Мария Андреевна, будучи замужем за Поликарповым, жила в родовом имении мужа Панафидино Старицкого уезда Тверской губернии.

¹²⁴ *Татьяна Васильевна Шлыкова, лучший друг матери.*

Шлыкова-Гранатова Татьяна Васильевна (1773—1863) — русская танцовщица и актриса крепостного театра графов Шереметевых.

¹²⁵ ...даже в кругу таких взыскательных людей, как бабушка, как Дашков, как Северин, Жуковский и Александр Тургенев....

Мемуаристка имеет в виду Дашкова Дмитрия Васильевича (1788—1839) — литератора, основателя литературного общества «Арзамас», Северина Дмитрия Петровича (1791/92—1865) — дипломата, литератора, члена общества «Арзамас», Тургенева Александра Ивановича (1784—1845) — см. коммент. № 92.

¹²⁶ ...Алена Ивановна Михельсон, дочь известного генерала...Она вышла потом замуж за барона Розена...

Розен Елена Ивановна, урожденная Михельсон — дочь известного генерала Ивана Ивановича Михельсона (1740—1807), отличившегося победой над Пугачевым.

¹²⁷ Настоящую приемницу мою, графиню Каменскую...

Каменская Анна Павловна, урожденная Щербатова (1749—1826) — супруга фельдмаршала М.Ф. Каменского.

¹²⁸ Тут и поэтический образ Александры Андреевны Воейковой...

Воейкова Александра Андреевна, урожденная Протасова (1795—1829) — племянница и крестница В.А. Жуковского, адресат его баллады «Светлана», хозяйка литературного салона в Петербурге, муза поэта Н.М. Языкова.

¹²⁹ ...Перовский (Василий Алексеевич)...

Перовский Василий Алексеевич (1795—1857) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, оренбургский губернатор, затем генерал-губернатор. Руководил Хи-

винским (1839—1840) и Кокандским походами (1853) в Среднюю Азию.

¹³⁰ *...слепой поэт Козлов...*

Козлов Иван Иванович (1779—1840) — русский поэт и переводчик эпохи романтизма.

¹³¹ *Тут и веселый кружок Арзамасский...*

Арзамас («Арзамасское общество безвестных людей») (1815—1818) — закрытое дружеское литературное общество, объединявшее сторонников нового «карамзинского» направления в литературе. «Арзамас» поставил себе задачей борьбу с архаическими литературными традициями, защитники которых состояли в обществе «Беседы любителей русского слова», основанном А.С. Шишковым.

¹³² *...высокообразованный, истинно просвещенный Уваров...*

Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — государственный деятель, министр народного просвещения (1833—1849), действительный тайный советник, ученый антиковед, Почетный член (1811) и президент (1818—1855) Императорской Академии наук. Автор известной идеологической формулы «Православие, самодержавие, народность».

¹³³ *...высокого роста и возвышенной души /.../ Дашков...*

Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839) — см. коммент. № 125.

¹³⁴ *...прозвали мы Северина подсолнечником...за измену (как мы думали) Каподистрии и обратное движение к восходящему солнцу министерства, Нессельроду.*

Каподистрия Иоанн Антонович (1776—1831) — государственный деятель, тайный советник, Почетный член Императорской Академии наук. Родился в греческой аристократической семье. С 1809 г. на службе в России. В 1816—1822 гг. возглавлял (вместе с К.В. Нес-

сельроде) Министерство иностранных дел. Выступал сторонником освобождения балканских стран от османского ига с помощью России.

Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — русский государственный деятель немецкого происхождения, министр иностранных дел. Вместе с Нессельроде в Министерстве иностранных дел работал Каподистрия. Эти два человека, занимавшиеся одним делом, имели разные взгляды на направления русской иностранной политики: Нессельроде был сторонником сближения России с Австрией и Пруссией.

¹³⁵ *...раскаленные, как угли, глаза Вигеля...*

Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — известный мемуарист, член Арзамасского кружка, автор широко известных и популярных «Записок». Описывая события с начала XIX века по 1830 г., не всегда бывал объективен и правдив, давал язвительные характеристики своим современникам.

¹³⁶ *...тучная фигура Александра Тургенева...*

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — см. коммент. № 92

¹³⁷ *...добродушный англоман Кривцов...*

Кривцов Николай Иванович (1791—1843) — известный англоман пушкинской поры, тульский (1823—1824), воронежский (1824—1826) и нижегородский (1827) губернатор. Приятель и адресат нескольких стихотворений А.С. Пушкина.

¹³⁸ *...нежное, почти женственное лицо Бутенева...*

Бутенев Аполлинарий Петрович (1787—1866) — русский дипломат, посол в Константинополе (1829—1843, 1856—1858) и Ватикане (1843—1855). Первой женой Бутенева была Шевич Варвара Ивановна (1802—1828) — фрейлина, дочь генерал-лейтенанта И.Е. Шевича, племянница А.Х. Бенкендорфа.

139 *Образ Батюшкова неопределенно, туманно рисуется передо мною...*

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — известный русский поэт. Входил в литературные круги Москвы и Петербурга, близко сошелся с поэтами П.А. Вяземским и В.А. Жуковским, ученым Н.М. Карамзиным. В 1815 г. заочно был избран членом «Арзамаса» и получил имя «Ахилл». Личные невзгоды поэта стали причиной его душевного расстройства.

140 *...пленительный, почтенный образ Карамзина...*

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — историк, крупнейший литератор эпохи сентиментализма, автор «Истории государства Российского».

141 *...другое историческое лицо — князя Кочубея...*

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834) — русский государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи (1802—1807, 1819—1823), председатель Государственного совета (1827—1834) и Комитета министров (1827—1832), канцлер Российской империи.

142 *...красота и князя Михаила Семеновича Воронцова...*

Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — светлейший князь (с 1852), государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант. Герой Отечественной войны 1812 г. В 1823—1854 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1844—1855 гг. наместник на Кавказе.

143 *...честный и добрый Дибич...*

Дибич-Забалканский Иван Иванович (граф Иоганн Карл Фридрих Антон фон Дибич) (1785—1831) — русский полководец прусского происхождения, генерал-фельдмаршал, полный кавалер ордена Св. Георгия.

144 *...товарищ молодости батюшки Паскевич...*

Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — русский полководец и государственный деятель, генерал-фельд-

маршал, генерал-адъютант, активный участник всех военных кампаний первой половины XIX века. Он был командующим в подавлении Польского восстания (1831), Венгерского восстания (1849). Наместник Царства Польского (1832—1856). Мемуаристка пишет о нем как о счастливом сопернике И.И. Дибича. Это касается, скорее всего, событий в Польше — неудач И.И. Дибича и успешного подавления восстания И.Ф. Паскевичем.

¹⁴⁵ *Вот Оскар Раген...*

Оскар фон Раден (1814—1843) — барон, служил во Втором отделении (Кодификационном) Сперанского Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

¹⁴⁶ *Вот Павел Хрущов...*

Возможно, речь идет о Хрущове Павле Александровиче (1811—1836), похороненном в некрополе Донского монастыря.

¹⁴⁷ *...чистый и честный друг будущего царя — Иосиф Виельгорский...*

Виельгорский Иосиф Михайлович (1817—1839) — адъютант и камер-паж цесаревича Александра Николаевича. Друг Н.В. Гоголя. И.М. Виельгорскому посвящена неоконченная повесть «Ночи на вилле». Умер молодым от туберкулеза.

¹⁴⁸ *...честным прямодушием Мердера и Плетнева...*

Мердер Карл Карлович (1787—1834) — см. коммент. № 72.

Плетнев Петр Александрович (1791—1865) — критик, поэт пушкинской поры, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета. По рекомендации В.А. Жуковского с 1828 г. преподавал литературу наследнику престола цесаревичу Александру Николаевичу (Александру II) и великим княжнам.

¹⁴⁹ *...благочестивый кружок Московский...*

Мемуаристка имеет в виду «Общество любомудров» — философский кружок, собиравшийся в Москве в 1823—1825 гг. Члены общества интересовались немецкой философией, изучали работы Ф. Шеллинга, Б. Спинозы, И. Канта. Среди членов общества — В.Ф. Одоевский (председатель), И.В. Киреевский, А.И. Кошелев и др. Близки к обществу были А.С. Хомяков и М.П. Погодин. Общество просуществовало до конца 1825 г. Идеи «любомудров» повлияли на формирование славянофильства в общественной жизни 1830—1850 гг.

¹⁵⁰ *Хомяков, с его многосторонним образованием, с истинным даром языков...*

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — см. коммент. № 114.

¹⁵¹ *Константин Аксаков, с его цельною, непреклонною и вместе нежною натурой...*

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — публицист, поэт, литературный критик, историк и лингвист, идеолог славянофильства.

¹⁵² *Иван Васильевич Киреевский, с задумчивым и пытливым взглядом...*

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — религиозный философ, литературный критик и публицист, один из теоретиков славянофильства.

¹⁵³ *...биографии покойного отца моего.*

Мемуаристка имеет в виду книгу Е.П. Ковалевского. «Граф Блудов и его время (царствование Императора Александра I)». СПб., 1866. Переиздана в 2016 г. Государственной публичной исторической библиотекой.

¹⁵⁴ *... о необыкновенном происшествии, случившемся с ее дедом, князем Николаем Петровичем Щербатовым..*

Щербатов Николай Петрович, прадед мемуаристки (?—1758) — подполковник, статский советник (1744).

155 *...рассказывала моему другу, Кате Воейковой...*

Видимо, мемуаристка имеет в виду Воейкову Екатерину Александровну (1815—1844), дочь Александры Андреевны Воейковой (Протасовой) и Александра Федоровича Воейкова.

156 *...он был женат на Шереметевой...*

Щербатова Анна Васильевна, урожденная Шереметева (?—1758) — супруга Н. П. Щербатова, прабабка мемуаристки.

157 *Анна Васильевна была дочь Василия Петровича Шереметева...*

Шереметев Василий Петрович (1659—1733) — полковник Ингерманландского полка, генерал-майор. Брат графа Б.П. Шереметева.

158 *Записки дочери фельдмаршала, кн. Натальи Борисовны Долгоруковой...*

Долгорукова Наталья Борисовна, урожденная Шереметева, после пострига схимонахиня Нектария (1714—1771) — известная мемуаристка XVIII века, дочь графа Б.П. Шереметева, жена князя И.А. Долгорукова. В 1730 г. уехала с ним в ссылку в Березов. В 1767 г. написала записки для внуков («Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Шереметевой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева». СПб., 1913). См. также коммент. № 109.

159 *...брат ее, граф Петр Борисович...*

Шереметев Петр Борисович (1713—1788) — генерал-аншеф, обер-камергер Императорского двора при Петре III и Екатерине II, сенатор. Владелец усадеб Останкино и Кусково. Создал балетную и живописную школы, крепостной театр.

160 *...члены Верховного совета, равно как и сам блистательный, высокомерный князь Долгоруков, были вообще ненавистны.*

Верховный тайный совет — высшее совещательное государственное учреждение Российской империи в 1726—1730 гг. в составе 7—8 человек. Создан Екатериной I. Фактически решал важнейшие государственные вопросы. Ключевые позиции в нем поначалу занимал А.Д. Меншиков, после его опалы (1727) — князя Долгоруковы.

¹⁶¹ *Смерть Петра II и падение Долгоруковых еще умножило нерасположение Петра Борисовича против этого брака...*

Долгоруков Алексей Григорьевич (?—1734) — государственный деятель, член Верховного тайного совета, сенатор, гофмейстер. После смерти Петра II он был единственным, подавшим голос против избрания Анны Иоанновны. После ее воцарения был сослан в Березов со всей семьей.

¹⁶² *...посмертные Записки Герцена...*

Мемуаристка, видимо, имеет в виду последнюю (пятую) часть записок А.И. Герцена «Былое и думы». В ней он, стремясь рассказать о своей личной семейной драме, вышел за пределы первоначального замысла и нарисовал широкую картину эпохи. По его словам, эта часть записок стала «отражением истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге».

¹⁶³ *Так было при Стеньке Разине, при Пугачеве, при Железняке...*

Здесь перечислены предводители крестьянских выступлений XVII—XVIII вв.: С.Т. Разин (1630—1671), Е.И. Пугачев (1742—1775), М.И. Железняк (Зализняк) (1740—после 1769) — один из предводителей гайдамаков во времена Калиивщины — крестьянского восстания 1768 г. против польской шляхты на территории Правобережной Украины.

¹⁶⁴ *Сын его (фельдмаршала) жил то в Москве, то в Петербурге, в доме на Дворцовой набережной (куплен-*

ном потом в удел, теперь же перестроенном для дворца великого князя Михаила Николаевича)...

Речь идет о Петре Борисовиче Шереметеве (1713—1788) — старшем сыне фельдмаршала Б.П. Шереметева, генерал-аншефе, обер-камергере Императорского двора при Петре III и Екатерине II, сенаторе. Дом на Дворцовой набережной Петербурга (ныне Ново-Михайловский дворец — Дворцовая набережная, 18). В 1745—1750 гг. по проектам Петра Еропкина здесь были построены два трехэтажных дворца, соединенных двумя надворными флигелями. Этот дворец известен как особняк Черкасских. После того, как В.А. Черкасская вышла замуж за П.Б. Шереметева, особняк стал владением графов Шереметевых.

¹⁶⁵ *Там жил Апраксин, когда был сослан, с запрещением въезда в столицу...*

Мемуаристка имеет в виду Апраксина Степана Федоровича (1702—1758) — русского генерал-фельдмаршала времен Семилетней войны. Командовал армией при Гросс-Егерсдорфе. Отступление С.Ф. Апраксина после победы при Гросс-Егерсдорфе лишило войска всех стратегических преимуществ. Это стало причиной опалы генерал-фельдмаршала. Дом Апраксина, о котором пишет мемуаристка, был построен на территории Семеновской слободы в Петербурге (между нынешними Звенигородской улицей, Обводным каналом, Загородным и Московским проспектами).

¹⁶⁶ *...или в другом его доме за несколько верст у «Четырех Рук».*

Село «Четыре Руки» близ Петербурга, получившее название от когда-то здесь стоявшего столба, указывающего направления дорог на Петербург, Москву, Царское Село и Петергоф.

¹⁶⁷ *...моего дедка, князя Андрея...*

Речь идет о Щербатове Андрее Николаевиче (1728—1810) — деде мемуаристки. Он был отцом Анны Андреевны Щербатовой — матери мемуаристки.

¹⁶⁸ ... и к его жене, графине Варваре Алексеевне...

Черкасская Варвара Алексеевна (1711—1767) — единственная дочь канцлера А.М. Черкасского, жена графа П.Б. Шереметева.

¹⁶⁹ ...дочь Анна Петровна...

Шереметева Анна Петровна (1744—1768) — фрейлина, дочь П.Б. Шереметева и В.А. Черкасской, невеста наставника великого князя Павла Петровича, графа Н.И. Панина. За несколько дней до свадьбы скончалась от черной оспы.

¹⁷⁰ ... граф Никита Иванович Панин.

Панин Никита Иванович (1718—1783) — русский дипломат и государственный деятель, наставник великого князя Павла Петровича, глава русской внешней политики в первой половине правления Екатерины II.

¹⁷¹ ...любовался Марией-Антуанеттой, *Madam Elisabeth* и принцессой Ламбаль...

Мария-Антуанетта (1755—1793) — королева Франции, младшая дочь императора Франца I и Марии-Терезии. Супруга короля Людовика XVI с 1770 г.

Madame Elisabeth (Елизавета Филиппин Мари Элен) (1764—1794) — французская принцесса, дочь дофина Франции Людовика Фердинанда и Марии Жозефины Саксонской, младшая сестра последних королей Франции, Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X. Революционным трибуналом была осуждена на смерть и казнена на гильотине.

Принцесса де Ламбаль, Мария-Тереза-Луиза Савойская (1749—1792) — французская аристократка, подруга королевы Марии-Антуанетты.

¹⁷² Алексей Петрович Ермолов...

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — русский военачальник, государственный деятель, участник многих крупнейших войн, генерал от инфантерии, генерал от артиллерии.

173 *...в ущерб своему брату, князю Павлу Николаевичу...*

Речь идет о Щербатове Павле Николаевиче (1722—1781), женатом на М.Ф. Голицыной.

174 *...княжна Елизавета Павловна, красавица собой ...*

Щербатова Елизавета Павловна, в замужестве Поликарпова — дочь П.Н. Щербатова.

175 *На ней всегда был темный тафтяной капот...*

Капот — легкое домашнее платье, распашное, с кушаком, длинными широкими рукавами, отделанное рюшами, искусственными цветами, вышивкой. Капот надевался на утреннюю белую блузу.

176 *Она была замужем за Александром Васильевичем Поликарповым, хорошим генералом...*

См. коммент. № 119.

177 *«C'est ici que rose respire»*

Здесь: как дыхание розы.

178 *...он влюбился в свою двоюродную сестру Зиновьеву.*

Речь идет об Орлове Григории Григорьевиче (1734—1783) — генерал-фельдцейхмейстере, фаворите Екатерины II. В 1777 г. он женился на своей восемнадцатилетней двоюродной сестре Екатерине Николаевне Зиновьевой (1758—1781) — статс-даме.

179 *...случалось выговаривать министрам, Лопухину...*

Лопухин Иван Владимирович (1756—1816) — философ, публицист, мемуарист, видный представитель русского масонства, действительный тайный советник (1807), сенатор.

180 *Этот молодой человек был Канкрин...*

Канкрин Егор Францевич (1774—1845), граф — русский государственный деятель и экономист немецкого происхождения, генерал от инфантерии, министр финансов России в 1823—1844 гг.

181 *...внук его Евгений Александрович...*

Поликарпов Евгений Александрович (? — 1871) — подполковник, внук А.В. Поликарпова, владелец имения Панафидино Старицкого уезда Тверской губернии.

182 *Не знакомство по службе с Николаем Михайловичем Каменским повело к женитьбе отца моего (как написал князь Петр Долгоруков)...*

Мемуаристка, видимо, имеет в виду «Записки» князя Петра Владимировича Долгорукова (1816—1868) — русского историка и публициста, специалиста по русской генеалогии. Прославился своим злоязычием. Его «Записки» были впервые опубликованы на французском языке в 1867 г., переведены на русский язык и опубликованы в 2007 г. (Записки князя Петра Долгорукова, вступ. ст. и примеч., и указ. С.Н. Искюля. СПб.: «Гуманитарная академия», 2007. 640 с.).

183 *Этот случай, как уверяли, глумал ему доставить брат его при осаде Рушука.*

Мемуаристка, видимо, пишет об участии С.М. Каменского 1-го в операции против крепости Шумлы в Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Во время атаки, не исполняя диспозиции, двигался медленно, и даже остался на ночлег, «под предлогом усталости людей», в то время, как его отряд должен был первым ударить по врагу. Именно из-за этого атака Шумлы закончилась неудачей. Неудачи же в атаке крепости Рушук относятся к его брату Н.М. Каменскому.

С. М. Каменский, обнаруживший несомненные успехи и храбрость в Русско-турецкой войне 1806—1812 гг., не умел повиноваться правильно понимаемому служебному долгу, военной дисциплине. Только снисхо-

дительность его брата Н.М. Каменского спасла его от ответственности.

184 ... *«хотел купить» славного актера Щепкина...*

С.М. Каменский основал известный в России крепостной театр. Здесь речь идет о попытке покупки М.С. Щепкина (1788—1863) — известного актера, крепостного графа Г.С. Волькенштейна.

185 *Один из сыновей, Андрей...*

Каменский Андрей Сергеевич, женатый на Любви Федоровне Надервиль.

186 ...*если не верить молве об ужасном преступлении, совершенном в смоленском земстве, которое, к несчастью, приписывают одному из них.*

Не удалось разыскать информацию о преступлении, совершенном в смоленском земстве.

187 ...*названный однако Петром Михайловичем Каменским.*

Каменский Петр Михайлович (1797—?) — полковник, побочный сын фельдмаршала М.Ф. Каменского. Вначале носил фамилию Менкацкий. Отличился в военных кампаниях 1812—1815 гг. Едва не женился на В.П. Тургеневой. Был связан с декабристами.

188 ...*графиню Анну Алексеевну Орлову-Чесменскую.*

Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785—1848) — камер-фрейлина, единственная дочь Алексея Орлова. Была духовной дочерью архимандрита Фотия.

189 ...*с дочерью графа Альтена (Ганноверца).*

Карел Август фон Альтен (1764—1840) — ганноверский и британский генерал, участник сражения при Ватерлоо, германский государственный деятель.

190 ...*Варварой Петровной Шереметевой...*

Шереметева Варвара Петровна, в замужестве Разумовская (1750—1824) — дочь Петра Борисовича и Варвары Алексеевны Шереметевых.

¹⁹¹ *Она вышла замуж за графа Алексея Кирилловича Разумовского...*

Разумовский Алексей Кириллович (1748—1822) — русский государственный деятель, действительный камергер, тайный советник, сенатор, министр народного просвещения.

¹⁹² *...одна дочь ее, Варвара Алексеевна, была замужем за князем Репниным...*

Репнина-Волконская Варвара Алексеевна, урожденная Разумовская (1778—1864). Известная своей благотворительностью, многое сделала для развития женского образования (устройство Елизаветинского и Павловского институтов).

Репнин-Волконский Николай Григорьевич (1778—1845) — военный и государственный деятель эпохи Наполеоновских войн, генерал-адъютант (1813), генерал от кавалерии (1828), посол в Испании и Вестфалии, генерал-губернатор Малороссии (1816—1834).

¹⁹³ *...монастырь на Петергофской дороге, который ныне зовут Сергиевской пустыней...*

Свято-Троицкая Сергиева Приморская пустынь (Троице-Сергиева пустынь) — мужской монастырь Санкт-Петербургской епархии. Основан в 1734 г.

¹⁹⁴ *Но одно имя Филарета Никитича отозвалось утешением и надеждою для нас.*

Филарет патриарх (Федор Никитич Романов) (1553—1633) — церковный и политический деятель, патриарх Московский и Всея Руси (1619—1633), первый из рода Романовых, отец Михаила Федоровича Романова.

¹⁹⁵ *Смольный дом для воспитания девиц...*

Воскресенский девичий Смольный монастырь — женский монастырь, который отстраивался под личным надзором императрицы Елизаветы Петровны. В этот монастырь она желала удалиться на покой в конце жизни. В монастырский комплекс должны были войти храм с домовыми церквями и колокольня. Но при жиз-

ни Елизаветы Петровны монастырь так и не был достроен. В 1764 г. Екатерина II учредила при монастыре Институт благородных девиц.

¹⁹⁶ ...сербы с воеводства и приморья тысячами перешли на наш Юг под предводительством Шевича, Де-прерадовича, Хорвата и других...

Идея поселения сербов в России (на Украине) возникла в начале XVIII века. В 1729 г. в районе крепости Тор (Славянск) поселился сербский гусарский полк Ивана Албанеза.

После поселения на правом берегу Днепра полков Ивана Хорвата и образования Новой Сербии, выхода из Австро-Венгрии и поселения в России попросили Иван Шевич и Райко Прерадович (Депрерадович). Они перешли на службу российскому правительству, приняли российское подданство, возведены в ранг генерал-майоров.

¹⁹⁷ Лопухиной был вырван язык палачом...

Лопухина Наталья Федоровна, урожденная Балк (1699—1763) — племянница Анны Монс, статс-дама императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. В 1743 г. в результате доноса и политических интриг семья Лопухиных была арестована и обвинена в участии в заговоре «Ботта-Лопухиных». Их допрашивали, пытали. Приговор гласил: бить кнутом, вырвать языки, сослать в Сибирь.

¹⁹⁸ Императрица решилась выйти, как была, в пудромантеле.

Пудромантель — широкая накидка на плечи в XVIII в., предохранявшая костюм от пудры во время причесывания, когда пудрили волосы или употребляли пудренные парики.

¹⁹⁹ Императрица украсила вызолоченным венцом (короною) церковь, в которой венчалась с ним (Алексеем Григорьевичем Разумовским) в Москве.

Комментарии

Документального подтверждения о бракосочетании императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Григорьевича Разумовского не существует. По одной версии, это событие произошло в 1742 г. в с. Перово в церкви, названной в честь Знамения Святой Богородицы. По другой версии, венчание произошло в церкви Воскресения в Барашах 15 июля 1748 г. По легенде, церковная глава позднее была украшена царской короной.

²⁰⁰ ...по словам Иоанна Миллера...

Иоганн Миллер (1752—1809) — известный швейцарский историк.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Айвазовский Иван Константинович 97, 194
Аксаков Иван Сергеевич 96
Аксаков Константин Сергеевич 109, 194, 201
Александр Павлович, император Александр I 26, 27, 29, 30, 32, 33, 58—60, 66, 94, 187, 188
Александра Павловна, великая княжна 37, 178
Александра Федоровна, императрица 51, 61
Алексей, царевич 153
Алексей Михайлович, царь 113, 152
Альтен (Ганноверец), граф 145, 208
Анкарстрем Якоб Юхан 82
Анна Иоанновна, императрица 23, 121, 159, 160
Анна Леопольдовна 149, 155
Апраксин Степан Федорович 123, 204
Аракчеев Алексей Андреевич 52, 53, 184
Архаров Николай Петрович 30, 175, 176
- Багратион Петр Иванович 20
Баденская Фредерика Доротея Вильгельмина 189
Баденский Карл Людвиг, маркграф Баден-Дурлахский 78, 189
Барклай-де-Толли Михаил Богданович 94, 193
Барыков Иван Иванович 195
Батюшков Константин Николаевич 106, 107, 199
Бирон 22, 149, 154, 159, 160
Блудов Дмитрий Николаевич 189, 191
Блудова Анна Андреевна (урожденная Щербатова) 112, 113, 119, 190

Именной указатель

- Блудова Екатерина Ермолаевна (урожденная Тишина)
88-90, 138-141, 192, 193
- Бобелина (Ласкарина Бубулина) 97, 193, 194
- Бутенев Аполлинарий Петрович 106, 198
- Ванька-Каин (Иван Осипов) 91-93, 192, 193
- Васильчиков Илларион Васильевич 43, 181
- Веревкин 67
- Вигель Филипп Филиппович 105, 198
- Виельгорский Иосиф Михайлович 109, 200
- Виллье (Вилие) Яков Васильевич 62, 63, 186
- Вильгельм, король Вюртембергский 39, 180
- Витовцов 62
- Воейкова Александра Андреевна (урожденная Протасова) 103, 104, 196
- Воейкова Екатерина Александровна 202
- Волкова Мария Аполлоновна 19
- Волконский Петр Михайлович 45, 181, 182
- Воронцов Михаил Семенович 107, 108, 199
- Гааз Федор Петрович 63, 186, 187
- Гагарин Павел Павлович 18, 170
- Гертруда фон дер Барт 87
- Герцен Александр Иванович 121, 203
- Годунов Борис 152
- Голицын Дмитрий Владимирович 57, 185
- Голицын Сергей Михайлович 57, 185
- Готторпская-Гольштейн Гедвига Елизавета, супруга
шведского короля Карла XIII 189
- Грибоедов Александр Сергеевич 188
- Грип Бу Йонссон 188
- Гурьев Дмитрий Александрович 43, 181
- Густав III, король Швеции 79—81, 82, 190
- Густав IV, король Швеции 30, 176
- Густав Ваза, король Швеции 188

Именной указатель

- Дашков Дмитрий Васильевич 105, 196
Дашкова Екатерина Романовна 135
Депрерадович Райко 150, 210
Дибич-Забалканский Иван Иванович 108, 199, 200
Дмитрий, самозванец 22
Долгоруков Алексей Григорьевич 120, 202, 203
Долгоруков Петр Владимирович 139, 207
Долгорукова Наталья Борисовна 87, 119, 120, 192, 202
Дурново Василий Петрович 98-100, 195
- Екатерина I, императрица 16, 122
Екатерина II, императрица 17, 25, 38
Екатерина Павловна, великая княжна 37—39, 136, 137
Елизавета Филиппин Мари Элен (Elisabeth), француз-
ская принцесса 128, 205
Елизавета Петровна, императрица 54, 123, 148—150, 155,
156, 158, 161, 211
Елизавета Алексеевна, императрица 43, 78, 181
Елена Павловна, великая княгиня 57, 185
Енгстрем, графиня 78
Ермолов Алексей Петрович 128, 205, 206
- Железняк М. И. (Зализняк) 121, 203
Жуковский Василий Андреевич 40, 75, 97, 101, 102, 188,
194
- Закревский Арсений Андреевич 84, 146, 191
Зиновьева Екатерина Николаевна 132, 133
Зубов Платон Александрович 17
Зюдерманландский, герцог см. Карл XIII, король Швеции
- Иван Васильевич Грозный 152, 168
Иона, митрополит (Васильевский Иван Семенович) 54,
185
- Каменская Анна Павловна (урожденная Щербатова) 103,
138—140, 142, 196
Каменская Елизавета Карловна 143—144

Именной указатель

- Каменский Андрей Сергеевич 141, 208
Каменский Михаил Федотович 93, 94, 193
Каменский Николай Михайлович 84, 139, 143—146, 191, 207, 208
Каменский Петр Михайлович 142, 208
Каменский Сергей Михайлович 85, 140—142, 191, 207, 208
Канкрин Егор Францевич 137, 138, 206, 207
Каподистрия Иван Антонович 105, 107, 109, 197
Карамзин Николай Михайлович 50, 51, 107, 166, 167, 199
Карл X, король Франции 47, 182
Карл XIII, король Швеции 79, 81, 189, 190
Каховская Александра Михайловна (в замужестве Арсеньева) 83, 190
Каховская Екатерина Михайловна (в замужестве Арсеньева) 83, 190
Кернер Егор Андреевич 62, 63, 186
Киреевский Иван Васильевич 109, 110, 201
Клеменц 62
Козенц 43
Козлов Иван Иванович 104, 197
Козодавлев Осип Петрович 66, 187
Коленкур Арман Огюстен Луи 39, 179
Колычева Мария Ильинична (урожденная Муханова) 16
Комаровский Евграф Федотович 51, 183
Константин Павлович, великий князь 25, 32, 33, 174
Корнелия 87, 192
Кочубей Виктор Павлович 107, 199
Крейтон Александр Александрович 62, 186
Кривцов Николай Иванович 106, 198
Крылов Иван Андреевич 40
Крылов, гоф-фурьер 30
Кутайсов Иван Павлович 27—29, 175
Кутузов Михаил Илларионович 93, 94

Ламбаль Мария-Тереза-Луиза 128, 205
Ланжерон 95, 96

Именной указатель

- Лареда, кондитер 76, 188
Лафает Жильбер 21, 172
Левашев Василий Васильевич 43, 181
Лейтон, доктор 62
Лермонтов Михаил Юрьевич 108, 109
Лопухин Иван Владимирович 136, 206
Лопухина Анна Петровна (в замужестве Гагарина) 41, 181
Лопухина Наталья Федоровна (в замужестве Балк) 155, 210
Людовик XV 156
- Мальцова Анна Акимовна 183
Мария-Антуанетта, королева Франции 128, 205
Мария-Терезия 150, 151
Мария Павловна, великая княжна 34, 55, 56, 177
Мария Федоровна, императрица 31, 32, 34—42, 51—53, 170, 177
Меншиков Александр Данилович 122
Мердер Карл Карлович 51, 109, 183
Мещерская Анна Васильевна 19
Минкина (Шумская) Настасья 184
Михаил Павлович, великий князь 46
Михельсон Елена Ивановна (в замужестве Розен) 102, 103
Муханов Александр Ильич 48, 182, 183
Муханов Алексей Иванович 19, 148, 171
Муханов Алексей Ильич 16—18, 27, 169
Муханов Дмитрий Ильич 49, 183
Муханов Иван Ильич 16, 18, 22, 48, 49, 63, 183
Муханов Илья Ипатович 16, 169, 174
Муханов Ипат 15, 168
Муханов Михаил Ильич 16, 18
Муханов Николай Ильич 18, 55
Муханов Павел Александрович 16, 169
Муханов Павел Иванович 19, 20, 171

Именной указатель

- Муханов Сергей Ильич 16, 24—28, 31—34, 42—48 52—64, 69, 70, 174, 184
Муханова Александра Сергеевна 173, 184
Муханова Анна Сергеевна 63, 186
Муханова Варвара Дмитриевна (урожденная Тургенева) 22, 47—50, 172, 173
Муханова Екатерина Дмитриевна (урожденная Олсуфьева) 21, 171
Муханова Екатерина Сергеевна 63, 186
Муханова Елизавета Сергеевна 46, 173
Мюллер Иоанн 166
- Наполеон Бонапарт 21, 37, 39, 52, 94, 178
Нарышкин Александр Львович 59, 185
Нелидова Екатерина Ивановна 41, 180
Нессельроде Карл Васильевич 105, 198
Николай Павлович, император Николай I 18, 50, 52, 53, 56, 110
- Оберкирх Г. Л. 32, 177
Оленина Е. М. 83, 84
Ольденбургский Петр Фридрих Георг, принц 39, 179, 180
Орлеан, регент 155
Орлов Григорий Григорьевич 132—135, 161, 180, 206
Орлова-Чесменская Анна Алексеевна 144—146, 208
- Павел I, император 25, 26, 28—31, 34, 58, 59, 180
Пален Петр Алексеевич 26, 174
Панин Никита Иванович 126, 127, 205
Паскевич Иван Федорович 108, 199, 200
Перовский Василий Алексеевич 104, 196
Петр I, император 15, 16, 113, 114, 152—154
Петр II, император 120, 149
Петров Исидор Петрович 175
Платов Матвей Иванович 20, 21, 171
Плетнев Петр Александрович 109, 200
Пожарский Дмитрий Михайлович, князь 166—167

Именной указатель

- Поликарпов Александр Александрович 130, 138
Поликарпов Александр Васильевич 98, 135—138, 194
Поликарпов Евгений Александрович 138, 207
Поликарпова Мария Андреевна (урожденная Щербатова) 101, 195
Полянская Ирина Васильевна (урожденная Нестерова) 15, 168, 169
Пугачев Емельян Иванович 22, 86, 87, 121, 203
Путинцева Пелагея Алексеевна 67
Пушкин Александр Сергеевич 106
- Раден Оскар фон 109, 200
Разин Степан Тимофеевич 121, 203
Разумовская Варвара Алексеевна (в замужестве Репнина-Волконская) 148, 209
Разумовская Екатерина Алексеевна (в замужестве Уварова) 148
Разумовский Алексей Григорьевич 161, 211
Разумовский Алексей Кириллович 148, 209
Репнин-Волконский Николай Григорьевич 209
Роджерсон Иоганн Джон Самуил 62, 186
Розен, барон 102
- Салтыков Иван Петрович 27
Салтыкова Дарья Петровна (урожденная Чернышева) 27, 175
Северин Дмитрий Петрович 102, 105, 196
Симсон 62
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич 166
Софья Алексеевна, царевна 150
Стейнбок, графиня 80, 81, 190
Суворов Александр Васильевич 93, 94
Супонев Авдий Николаевич 48, 183
- Толстой Петр Александрович 39, 179
Трескина 67
Тургенев Александр Иванович 75, 102, 105, 188, 196

Именной указатель

- Тургенев Алексей Романович 22, 24, 172
Тургенев Дмитрий Романович 24
Тютчев Федор Иванович 103
- Уваров Сергей Семенович 105, 148, 197
Ульрика Элеонора Датская, королева 80, 189, 190
Ушаков Федор Александрович 63, 187
- Филарет, патриарх (Федор Николаевич Романов) 149, 150, 209
Фридрих Великий 151, 158
- Хомяков Алексей Степанович 109, 193, 201
Хомякова Мария Алексеевна (урожденная Киреевская) 98, 194
Хорват 150
Хрущов Павел Александрович 109, 299
- Цеймерн Гликерия Алексеевна 35, 177, 178
- Шаховская Мария Ивановна 15, 169
Шевалье (урожденная Пуаро) 31, 176
Шевич Иван 150, 210
Шереметев Борис Петрович 123
Шереметев Василий Петрович 119, 202
Шереметев Петр Борисович 120, 123, 202, 204
Шереметева Анна Петровна 125—128
Шереметева Варвара Алексеевна (урожденная Черкас-
ская) 124, 205
Шереметева Варвара Петровна (в замужестве Разу-
мовская) 148, 208
Шлыкова-Гранатова Татьяна Васильевна 102, 195, 196
- Щербатов Андрей Николаевич 123—125, 128, 129, 138, 148, 158, 205
Щербатов Николай Петрович 113—119, 122, 123, 148
Щербатов Павел Николаевич 129, 206

Именной указатель

Щербатова Анна Андреевна 138

Щербатова Анна Васильевна (урожденная Шереметева)
117, 119, 202

Щербатова Антонина Войновна (урожденная Яворская)
83, 191

Щербатова Елизавета Павловна (в замужестве Поликар-
пова) 129—132, 134, 135, 194, 206

Щербатова Мария Андреевна (в замужестве Поликарпо-
ва) 131

Янинский Али-Паша 97, 193, 194

Содержание

М. А. Полякова. «ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО...»: *воспоминания фрейлин М. С. Мухановой и А. Д. Блудовой*.....3

Из записок Марьи Сергеевны Мухановой

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.....	15
I.....	24
II.....	47
III	50
IV	55
V	62

Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой

[Вступление]	73
I. Баснословные времена и золотой век детства	74
II. О происхождении нашего рода выпишу то, что находится в 1-м томе биографии покойного отца моего	111
КОММЕНТАРИИ.....	168
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	212

В оформлении обложки использован фрагмент литографии XIX в. «Въезд императора Николая Павловича и императрицы Александры Федоровны в Москву» (из книги Шильдер Н. К. Император Николай I: его жизнь и царствование. СПб., 1903)

Подписано в печать 29.10.2018.
Формат 60×84/₁₆. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 500 экз.
Заказ № 14. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.

ISBN 978-5-85209-431-5

9 785852 094315

Издание объединило две книги воспоминаний,
повествующих о жизни русских дворян
в конце XVIII – начале XIX века.
Мемуары принадлежат двум женщинам, состоявшим
в придворном штате при Императорском дворе.
Мария Сергеевна Муханова (1802–1882),
дочь обер-шталмейстера С.И. Муханова,
фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны,
описывает придворную жизнь 20-х гг. XIX века:
императора Александра I, великих князей Николая
и Михаила Павловичей, благотворительную
деятельность императрицы Марии Федоровны.
Антонина Дмитриевна Блудова (1813–1891),
писательница, благотворитель, фрейлина императрицы
Александры Федоровны, дочь известного
государственного деятеля Д.И. Блудова,
рассказывает о своих предках, о судьбах женщин
разных эпох, знакомстве с Карамзиным,
Батюшковым, Жуковским.

